

*Парад
Планет
19
Проза*

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Литгалактика

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика, 2023. – 277 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в четвёртые полгода полёта (18.07.2022 – 17.01.2023).

I. Планета X

Планета X – самая загадочная в Литгалактике.

Это планета непредсказуемых проектов, конкурсов и игр. Никто не знает заранее, куда и когда полетит в очередной раз Планета X, кто поведёт её в путь – не менее загадочный мистер Икс или кто-то из экипажа, какой именно маршрут будет предложен участникам и что от них потребуется.

Конкурсы Планеты X:

Командная игра «Четыре грани» – трёхтуровая игра, в ходе которой каждая из зарегистрированных команд представляла четыре грани творчества (прозаическое произведение, стихотворение, декламацию или мелодекламацию, авторскую фотографию) и сыграла с каждым из соперников по круговой системе.

Командная игра «Четыре грани». 1 этап

Месть
Таёжник

У лесорубов два вынужденных простоя – сильная пурга и отводы. Отводы – это такое мероприятие, когда лесники обозначают границы нового участка под вырубку. Сегодня у нас второй случай. Сидим бригадой в семь человек в вагончике, играем в карточки и пьём самогон на меду местного разлива. Когда допили последнее, мужики покосились в сторону тракториста Генки – у него единственного был снегоход «Буран».

– Да, понял я! Опять в обмен на соляру, – пробасил Генка и перевёл взгляд на меня, самого молодого в бригаде, – ну, что, погнались?

Снегоход быстро довёз нас с Генкой по накатанному лесовозами зимнику до пасеки. На лай собак из избушки вышел сам Карась – так в тайге звали пасечника, крупного, широкоплечего мужика с колючим взглядом. Карась летом занимался пчёлами, а зимой охотился, да и дельце у него было одно: очень даже прибыльное. Пасека была стационарная, не кочевая – благо липы в этих местах много, медосбор хороший, и ушлый Карась приспособился гнать медовуху. Это было время пресловутого сухого закона, так что редко какой таёжник не пользовался услугами местного шинкаря. Некоторым шофёрам он гнал на заказ сразу литров по десять и цену заламывал не шуточную. Товар ходовой, дефицитный – брали! Правда, за глаза о нём говорили такое, что Карасю лучше бы и не слышать.

– Здорово, Карась! Ну, что – соляру возмёшь? Полста литров.

– Зимняя? – пасечник приподнял по очереди две больших канистры, – и что за них хочешь? Знаешь, что мёд подорожал на треть?

– Слыхал. Давай три литра и по рукам!

Карась с минуту шевелил губами, видно в уме подсчитывал выручку, и махнул рукой:

– Заноси в избушку!

В карасёвской «берлоге» было жарко и от этого запах бродившего мёда бил в нос довольно резко. Оглядев жилище, я отметил про себя его ухоженность и мастерски сработанные предметы обихода – стол, топчан, пара табуреток. В небольшую печь вмонтирован самогонный аппарат. Всё чин чинарём. Но то, что я увидел в углу, заставило меня вздрогнуть и поёжиться. На полу лежал мёртвый тигрёнок. Его голова, в слипшихся от крови клочках шерсти, была размозжена. Видно было, что тигрёнок погиб не мгновенно – пасть, с оскалом молодых острых зубов, была широко раскрыта. И хотя глаза

его уже потухли, в них, всё же, ещё можно было уловить признаки недавнего страха и боли.

Генка тоже заметил тигрёнка и, шевельнув неподвижное тело подшитым валенком, спросил:

– Давно?

– Вчера вечером на семейку вышел. Да что-то винтарь осекаться стал. Малого только задел, прикладом пришлось добить. И тигрица ушла раненой, но накровила тёмным – видно, печень пуля задела. Долго не протянет, – рассуждал Карась, разливая по пластиковым бутылкам медовуху. Закончив процедуру, он сокрушённо произнёс:

– Это ж сколько бабла ушло! В прошлом году я за одного самца у китайцев бабла срубил столько, сколько на меду не поднял.

Я присел на лавку и перевёл взгляд на Генку. Тот молча прикурил сигарету и спросил пасечника:

– А что же ты по следу не пошёл? Добить надо было. Вдруг по касательной задел? Тогда ходи и бойся... Отомстить может за малого.

– Да она по насту пошла, а я без лыж. Проваливался. Да сдохла она! Кровила так... Чёрным почти.

Вдруг Карась со злостью выругался:

– Пугаешь тут меня! Следопыт хренов! Всё, забирайте пойло и катите!

И всё же, как он ни старался, в его голосе явно чувствовалась тревога.

Тревожно было и мне по дороге назад. Генка тоже гнал снегоход быстрее обычного. В голове у меня роились мысли. Мысли тяжёлые и непонятные – зачем убивать тигров? Этих красивых и сильных зверей? Тем более, их выводок. И хоть в те года тигр ещё не был «краснокнижным», но убивать его ради денег?

«Нет, Карась, ты сволочь! И должен быть наказан!» – в моей молодой голове кипело возмущение. Но в те, лихие девяностые в тайге призывать к совести или, хуже того – жаловаться было бесполезно, всюду круговая порука и ментовский беспредел. Да что там говорить, если сами воровали лес машинами и сдавали китайцам за наличные.

Когда мы с Генкой вернулись на участок, то он мне коротко бросил: «Ты, мужикам о карасёвой охоте ничего не говори. Всяко может обернуться...»

На следующий день мы уже всю работу на новом наделе. Ревели трелёвочные трактора, визжали шведские бензопилы – я любил эту, чисто мужскую работу, и даже задержался на полчаса чтобы, как говорят лесорубы, «уронить пару стволов» напоследок. И вот, когда огромный ясень, поднимая облако снежной пыли, рухнул на просеку, я услышал, как кто-то меня зовёт.

Уже подходя к вагончику начальника, я увидел милицейский газик, у которого сзади на месте запаски был приторочен большой, чем-то туго набитый, белый пропиленовый мешок.

В вагончике сидел начальник нашего участка, лейтенант милиции, с ним молодой, незнакомый мне егерь в зелёной униформе и Генка.

– Вот, с ним я и ездил на пасеку, – Генка кивнул на меня и хотел продолжить разговор, но лейтенант прервал его.

– Ну что, молодой, – порешили пасечника с дружкой? Из-за литра самогонки? – было видно, что ему нравится разыгрывать спектакль, – а следы от Бурана замести забыли? Давай, колись, бери пример с подельничка, он уже признался! – прищурился на меня глаз, произнёс опер и похлопал ладонью по лежащей на столе тонкой папке.

Я недоумённо перевёл взгляд на товарища. Но Генка невозмутимо и, даже, чуть насмешливо посмотрел на милиционера и резко хлопнул двупалой рукавицей по столу: «Кончай уже эти шутки-прибаутки. Говорю же – да, ездили! Взяли медовухи в долг и тут же назад! Ничего Карась не рассказывал – ни об охоте, ни о тигрице. Что ещё надо? Давай, что там подписать, да разбежимся. Жрать уже охота, – заключил Генка, поглядывая на меня, – вот, мол, так и говори!»

Он понимал, что опер развлекается, но и хорошо знал, что за пропитую соляру наше начальство по головке не погладит. Поэтому я подтвердил его показания слово в слово.

Пока Генка выводил каракули в объяснительной, я спросил у до сих пор молчавшего егеря:

– А что с пасечником случилось?

– Тигрица порвала. Растерзала в клочья. Вон в мешке везём в морг всё, что осталось от него. Там такое... Сколько работаю в тайге, впервые вижу, чтобы сапоги были раскиданы на сто метров друг от друга, а из них ноги торчат. Во, сколько злости было у тигрицы. А сама раненая серьёзней не бывает – в печень. Так, пока не отомстила, не умерла. Как крепилась – ума не приложу. Их нашли рядом с пасекой. Он, видно, с котелком пошёл к полынье с утра. Тут она его и подмяла, Карася этого... – егерь чуть промолчал, а потом продолжил, – вначале я пожалел пасечника, хоть он тут народ спаивал, но когда в избушке тигрёнка нашёл убитого, то всё понял... и как-то больше тигрицу зауважал.

Когда поздним вечером удаляющийся милицейский уазик поглощала мгла, ещё с минуту можно было видеть мешок, который белым зловещим пятном колыхался из стороны в сторону. Но скоро исчез и он...

Ведро с окунями

Юлия Лавданская

Отгорела, отшумела, отплакала осень... Золотой листопад сменился хрустальной прозрачностью, а затем туманной белизной. Раскисшие чёрные дороги стали твёрдыми и подёрнулись корочкой льда. Постепенно лёд сковал и реки. Пришла зима.

– Такое у нас в Тверской области бывает раз в пять-семь лет, – рассказывал дядька Максим, – Волга покрывается льдом, а снега еще нет. Не самое идеальное время для подлёдной рыбалки, но наши мужики моментально подхватились, потянулись сверлить лунки! Сидят, как чёрные столбики и там, и сям. Я-то совсем не умею ловить рыбу, но мне всегда было интересно, поэтому наблюдал за ними даже с некоторой завистью.

А тут звонит из Москвы мой друг Илья и просится: позови, дескать, к себе в деревню, половим рыбу в проруби! Я обрадовался:

– Приезжай, – говорю, – конечно!

И мечта сразу в уме поплыла, как я сижу и приговариваю: «Ловись, рыбка, большая и маленькая»... а она и ловится одна за другой!

Вот приехал мой друг, удочки с собой привёз, снасти, валенки – всё, что надо. Балансиры показал: это такие рыбки маленькие металлические, для приманки, с двух сторон крючочки. И на следующий день отправились мы с Ильёй да с моим младшим, Николашкой-первоклашкой, на залив, который по-местному называется «Штаны», из-за двойной своей конфигурации. По дороге встретили соседку Валентину Сергеевну, поговорили с ней, расспросили. Опрос и разговоры с собратьями по увлечению очень важный залог успеха.

Ну, она посмеялась, сказав, что мы опоздали, что клюёт только с утра, она наловила полведра на балансир, и теперь там делать нечего.

А вечером мы парились в бане, поэтому с утра не смогли рано встать.

Ну, что делать, не отказываться же от затеи. Я вздохнул мысленно – помоги, мол, Господи, рыбку поймать! Ведь из самой Москвы человек специально тащился! И мы пошли.

Приходим на залив. А там! Представьте, солнце светит вовсю, отражается в заледеневшей реке. Лёд такой прозрачный, что видно, как стайки мелких рыбёшек снуют туда-сюда, веселятся, дурачки, будто и не зима вовсе! А на самом-то деле зима, мороз градусов восемнадцать навскидку. Только снега нет. Мы с Коленькой обманулись бесснежем да солнцем, оделись по-городскому: в курточки и ботинки.

Побродили, нашли на реке место подходящее, продырявили лёд местах в пяти, снасть установили, и гуляем! Коля кренделя на льду выделявает, мы с

другом разговоры ведём. За солнышком наблюдаем, как оно по небу едет из края в край на своей золотой колеснице. И счастье такое, что... ах! Хочется раскинуть руки и полететь, и обнять всю эту землю родненькую с ее рекой, заливами, деревеньками, чёрными лесами, бурными полями!

А тем временем чувствую, что и рукам, и ногам холодно становится, и у Коли из-под шапки синий нос торчит... Сколько мы уже тут прохлаждаемся, в прямом смысле слова? А рыбки ни одной так и не попало на крючок. Права оказалась соседка. И молитву мою Бог не услышал, видно, грешный я человек. Огорчились мы с Колей.

– Пойдём, – говорим, – дядя Илюша, домой. Не умеем мы ловить рыбу.

А он отвечает:

– Идите, ребята, а я еще половлю.

– Да ты зря замерзнешь, – уговариваем его, – видишь, не ловится ничего.

– Это у вас, – говорит он, – не ловится, а у меня поймается!

Тут уж нам обидно стало.

– Спорим на три щелбана, что придешь с пустым ведром и замерзший?

– Спорим, – отвечает! – У меня валенки и куртка с мембранами, а вы идите себе, ждите к вечеру с уловом.

Мы с Колей перемигнулись и поспешили домой – вправду не обморозиться бы. Печку затопили, чаю напились, согрелись. Сидим да на подушке тренируемся, как дяде Илье будем щелбаны стучать.

И вот, вечером приходит Илья, красный весь, весёлый, улыбается. А в руках – полное ведро окуней в красно-серых полосках, с выпученными глазами! Вот это да! Остались мы с Николашкой в дураках.

Но Илья не стал бить нам щелбанов, он сказал:

– Давайте-ка лучше морковку с луком, будем уху варить!

И поплыл по нашей избушке дух наваристой ухи, лаврового листа и крепкой мужской дружбы.

А хитростям подледного лова Илья обещал нас научить.

Командная игра «Четыре грани». 2 этап

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...*

Таёжник

Моя любовь уже проникла в каждую клетку мозга, когда она сказала, что уходит к другому. Сказала просто и буднично – так объявляет кондуктор автобуса следующую остановку. «Прощения не прошу, так как полюбить другого – это не предательство» – эти последние слова ещё некоторое время просто висели в воздухе, и только когда не стало слышно стука её каблучков, беспощадно резанули сознание.

Галя... Галка... Галчонок... Чистая моя... Моя? Или всё? Нет, как это – всё?

Помнится, мы сидели в читальном зале библиотеки, где она работала, и приобщались к высокой поэзии. Сегодня у нас Иосиф Бродский.

– Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря... – голос у Галки не «заточен» под декламатора, но убедителен, – неужели ты не улавливаешь переживание героя? Оно же в каждой строке, в каждом слове! «Извиваясь ночью на простыне»... А «мычащее ТЫ» чего стоит! Какой же ты толстокожий!

Нет, тогда не улавливал. Зато сейчас до озноба...

Мы жили с ней в малюсенькой коммунальной квартирке, выделенной ей, как детдомовской. Я перебрался туда из общаги бумажного комбината, где уже два года работал наладчиком оборудования.

У Галины серые глаза и густые чёрные волосы. Она безумно красива!

Помню, у меня была фотография, где она запечатлена вместе с несколькими подругами. Иногда я показывал это фото друзьям, которые не были знакомы с Галкой и просил их выбрать из всех девушек одну – самую красивую. Но почему-то никто ни разу не указал на моего самого красивого и милого Галчонка.

«Ничего они не понимают в женской красоте» – успокаивал я себя и целовал её изображение.

Когда я пришёл забрать свои вещи, она сказала на прощание только одно: «Обещай, что не будешь искать встречи со мной. Никогда. Обещаешь?» Я пообещал. А потом ночью, притянув голову к коленям, терзал себя за собачью покорность – ну, почему не удержал?! Даже не пытался. Слабак! Или схватил бы за руку и потащил в загс, а то за два года даже не намекнул о

свадьбе. Я никогда не думал, что бывает так больно. Даже не так больно, как пусто и беспросветно черно.

С её новым я незнаком. Только единственный раз, уже зимой, случайно увидел их вместе. На нём была морская форма с погонами мичмана. Лицо простое и, что я с удовольствием отметил, слегка угреватое. Но мне больше запомнилась его походка, так уверенно и по-особому мощно, я пройти вряд ли бы смог. Выражение Галиного лица тогда было понять трудно – дул порывистый ветер, она шла, чуть наклонив голову, придерживая шапку рукой. Какое-то время даже стала продвигаться вперёд спиной – может, по причине усиления ветра, а может, заметила меня и повернулась, чтобы убедиться. Я не знаю, какая сила удерживала меня не броситься вслед и, не смотря на мичмана, схватить её за руку и не отпускать уже никогда.

Скоро полгода нашей разлуки, а боль та же... Даже, острее...

Решено. Завтра уже улетаю. На Север. В «городок, занесённый снегом по ручку двери...»

Я уже минут пять стою у входа в читальный зал и незаметно наблюдаю за ней. Мне видно её рабочее место и слегка курносый профиль. Сегодня голова Галины плотно повязана тонким шёлковым платком на восточный манер и поэтому у меня такое впечатление, что она очень коротко подстриглась. Нет, не может быть – она любила длинные волосы. Загадываю желание – если почувствует мой взгляд и повернётся, то подойду попрощаться. Уже не знаю, что лучше.

Не повернулась...

Я женился на пятый год нашей разлуки на тихой, домашней женщине, уже там – на севере. О Гале она ни сном ни духом не ведала и, тем удивительнее было то, что, будучи на последнем месяце беременности, предложила назвать будущую дочь Галей. «Нееет!» – почему-то испуганно возразил я, – «Галя... Надя... сейчас так почти не называют» – уже спокойно резюмировал я, но на самом деле подумал, что ещё одна Галя как-то может затмить память о моём прежнем Галчонке, который никак не улетал из моей головы.

«Я любил тебя больше, чем ангелов и самого, и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих...»

Бродский, Бродский... Коршун зоркий... Знает, где клюнуть больнее...

Из моего окна пятиэтажки видно, как садятся и взлетают самолёты в местном аэропорту. Лет двадцать тому назад лайнер уносил меня из него в город моей юности.

В библиотеке, куда я направился в первый же день прибытия, шёл ремонт. Среди заляпанных краской и побелкой рабочих, я всё же отыскал нужного мне человека. Ольга Сергеевна была уже на пенсии, но продолжала работать в отделе детской литературы. Мы с ней уединились в уголке и она, ничуть не напрягаясь, сразу вспомнила Галю:

– Галину Максимовну? Ну, как же, хорошо помню. Да не только я – все её по-доброму вспоминают... Хороший был человек, небо ей в царство...

– Что? Её уже... нет? – не узнавая своего голоса, переспросил я.

– Так уже больше двадцати лет прошло, как умерла. Опухоль. Бедная, боролась до конца. В радиологии лежала – волосы там потеряла... Так в платочке последнее время на работу и ходила. Потом уже брат её из Феодосии приехал, мичман. Увёз к себе, думал южный климат на пользу будет. Какой там... Вскоре он нам и позвонил, что всё... умерла. Там сестру и похоронил.

А я так и живу в своём небольшом заполярном городишке, но уже один. Жена не так давно уехала к нашей дочери и внукам в Карелию. Как я понял – навсегда. Я её не виню. Просто я не мог дать ей, хоть сколько-нибудь, из тех чувств, которые всю жизнь хранил для другой. Она это чувствовала...

Из моего окна по-прежнему видны самолёты. Но это уже не мой транспорт. Куча разных таблеток и пузырьков на подоконнике говорит о том, что эти четыре угла моей хрущёвки и есть мой последний причал. И ещё у меня есть память. О чистом и светлом человеке, научившем меня понимать Бродского. И жизнь...

** строка из стихотворения Иосифа Бродского*

«Предпоследний этаж раньше чувствует тьму...»*

Бутманова Оксана

Этот месяц был сказочным. Он приглашал Вику в какую-то чудесную игру. С каждым днём действие разрасталось, вбирая в себя весь огромный северный город и улицы в патине ранних сумерек, всё волшебное время, когда яркие цвета дня блекнут, уступая место мерцающему свету фонарей и перемигиванию светофоров, слепящему безумству витрин и рекламных огней, отблеску фар на снегу. Рождалось ощущение границы, перехода в какой-то таинственный, но, безусловно, привлекательный мир. Сумеречная ворожба удачно совпадала с утренней дорогой в офис и вечерним возвращением домой – с теми часами, в которые Вика принадлежала только самой себе. Казалось, что уже не бывает ни густой полуночной тьмы, ни прозрачного морозного дневного света, что весь мир – только серые сумерки, раскрашенные россыпью живых огоньков. Главным условием игры стала поездка на электричке. В мерно качающемся вагоне Вика рассматривала силуэты пассажиров, проступающие в широких оконных стёклах. Отражения эти, нечёткие, ещё разбавленные остатками дневного света, казались ей намного прекраснее самих людей. Вика ужасалась, когда наружный мир пронзал эти образы, пропускал сквозь них дома, машины, случайных прохожих. И радовалась, когда полутени на стекле вагона наполнялись матовым снежным хаосом. Она словно впитывала в себя мир, наполненный тенями. Единение с этим миром делало Вику кем-то вроде хозяйки: «Здравствуйте! Я – королева сумерек!» – мысленно подшучивала она над собой.

12

Только одно отражение она с удовольствием отдавала на растерзание зазаконному миру – собственное. Дождавшись, когда унылое бесцветие стекла превратится в графитовое полотно, она начинала всматриваться в проявившийся автопортрет, с каким-то детским упоением наблюдала чёткость проступающих на лице теней и морщинок. Даже записала себя в совершенно сумасшедшие создания, заметив, как время от времени двигается так, чтобы как можно больше прохожих и машин проскакивали через её силуэт на стекле. Придумалось, будто бы с каждым таким вторжением она становится легче, прозрачнее, что тяжёлые воспоминания и давно уже ставшая хронической усталость, уходят, зацепившись за промелькнувшего гостя из реального мира.

Сегодня Вика вышла из вагона особенно довольной и отдохнувшей. Предпраздничная городская суэта буквально изрешетила изображение и, тем самым, выпустила весь мусор, накопленный за неделю. Она казалась себе лёгкой, прекрасной, да и была такой – ни тяжести мыслей, ни гнетущих эмоций... Была, пока опять не увидела странное существо, умело маскировавшееся под уличного художника, – вот уже третью неделю подряд

провожающее её печальным укоризненным взглядом. Вика окрестила человека «существом», потому, что тот жил, – это чувствовалось, – наперекор сумеречному чуду и поступал так, как в холодные тёмные декабрьские вечера нормальный, да пусть даже и чокнутый человек, делать никогда не будет – рисовал. Он рисовал, – на улице, в мороз, без света, – её портрет. Её, женщины, которая не любила ни своё отражение, ни фотографии, и уже заранее не любила, а даже боялась увидеть ту «непрощенность», над которой работало это «существо». Он рисовал обыденную её – привычно уставшую, задумчивую. Вика краем глаза видела рисунок, случайно отразившийся в витрине, позавчера, а потом долго не могла уснуть, так как вообразила, что это отражение рисунка она видела сквозь художника. Нынешняя встреча, лишившая счастья и спокойствия, – тем самым была особенно возмутительна.

– Да как вы смее... – всё, что успела выдохнуть Вика до того, как услышала наглое и фамильярное:

– Привет! Пойдём. Давно хотел показать тебе твои портреты. Знаешь, у меня их целая комната, уже двадцать пять работ. – Он, проявившись в свете фонаря и превратившись из странного существа в обыкновенного мужчину, говорил с ней просто, спокойно и ласково, как с давним другом.

– Какое пошлое начало знакомства, – недовольно пробубнила она, и с удивлением обнаружила себя, уже идущей рядом с незнакомцем.

– Ничего пошлого нет. Я тебя давно знаю, – это не начало...

– Тогда объясни, почему я тебя слушаю? Почему иду с тобой? – полюбопытствовала Вика, неожиданно для себя переходя на манеру общения собеседника,

– Это просто. Ты доверяешь мне и знаешь, что обязательно должна вернуть то, что дала городу унести из своей жизни, оставила сумеркам. А для этого – надо увидеть потерянное.

– Полагаю, мне это не нужно, и ещё – это больно, – ответила она, совершенно не задумываясь над чрезмерной осведомлённостью незнакомца.

– Человеку нужна боль. Ты всё поймёшь, когда увидишь...

– И где ты живёшь?

– Вон в той высотке, наверху.

– Любишь жить выше всех? – улыбнулась Вика.

– Нет. Я живу на предпоследнем этаже, – и я не выше всех. Выше всех те, кто судят. А я – предупреждаю.

– О чём ты можешь предупредить меня? У меня всё хорошо. Точнее, было хорошо, пока я не заговорила с тобой. Неужели хочешь предупредить об опасном незнакомце, который ведёт наивную девушку смотреть непонятные картины? Как в страшилках для девочек младшего возраста?

– Не ёрничай. Тебе не идёт. Я могу предупредить тебя о тьме. Без воспоминаний душу наполняет тьма. Ты всё поймёшь и увидишь... – повторил незнакомец, открывая дверь квартиры.

И Вика увидела, – увидела молодую красивую женщину, пристально разглядывающую серый город. Женщину беззаботную, счастливую, с бликами от вечерних уличных огоньков в глазах. Этот портрет висел прямо при входе – он испугал ее – настолько чужой показалась изображению. А в глубине комнаты висели другие рисунки. С каждым шагом от выхода женщина на них становилась грустнее, задумчивее, и только на некоторых изображениях она осторожно улыбалась. Вике вдруг очень захотелось вспомнить, чему и когда именно она так улыбалась, но не смогла. Не утерпев, она спросила об этом у художника.

– Это самое начало твоей игры с тенями. У тебя внутри свет и память о дорогих людях. От нее больно, но светло. Улыбаешься ты свету.

– А знаешь... уже и не помню никого, кто заставил бы меня так улыбаться. Люди проходили сквозь мою жизнь, делали больно...

– Не веришь собственной улыбке?

– Верю. Но вдруг ты её придумал?..

– А хочешь снова так улыбаться?

– Не знаю... Да! ...Только я совсем не помню как...

– Сейчас я зажгу свет, а ты подойдёшь к окну. Будешь смотреться в ночь. Знаешь, на предпоследнем этаже её не заслоняют огни. Позволь звёздам наполнить свой силуэт. Помнишь, тебя радовали снежинки в отражениях людей? А меня порадуют звёзды в твоём отражении...

И сказка ушла. Кончилась. Финал.

А финал не сказочной истории мы не знаем, но он может быть очень разным: Вика могла опять по-настоящему улыбнуться – и улыбается до сих пор; Вика могла не выдержать тяжести вновь возвратившихся воспоминаний; ...Вика могла влюбиться, – ведь на предпоследнем этаже не судят, не подсказывают, а просто раньше всех чувствуют тьму. А значит и свет – тоже. И если это так – то здесь начало новой сказки...

** строка из стихотворения Иосифа Бродского*

Командная игра «Четыре грани». 3 этап

Между затмениями

Милана Секоненко

00.15

Вечером серьёзно повздорил с женой. В общем-то, первый раз в жизни. Из-за пустяка. Наверное, вымотала вконец её любимая работа. Отошёл от кухонного окна, сходил в спальню посмотреть, успокоилась ли. Спит как сурок.

А мне не заснуть. Вернулся на кухню, взял из шкафа тетрадку в линейку, лет сорок в школьных не писал. Сажу за столом, тычу беспомощно в первую страницу авторучкой, желая сочинить что-нибудь запоминающееся: не только ученикам удивлять Екатерину Павловну.

Прямо перед окном, над крышей соседнего дома застыла луна – бледная, холодная, как лоб мой, который опять покрылся испариной. Температура тела, чувствую, понижена, но в моём состоянии это нормально. Вскипятил воды, выпил целый стакан. Читал, китайцы так учат делать при начале заболевания, чтобы быстро поднять температуру на градус для скачка иммунитета. Полегчало, вроде, даже в голове потеплело. Из-за плотно закрытой оконной рамы свист раздаётся – сильный ветер, наверное, поднялся, вон как тучи несутся. Луну моментально закрыли. Темно на улице стало, как при затмении.

Жизнь без тебя, Катюша, тоже похожа на затмение. Куда ни пойдёшь, всюду темно.

09.00

Спал плохо. Встал пораньше, на завтрак яйца сварил всмятку, кофе приготовил, бутерброды. После завтрака Катя буркнула спасибо, не глядя мне в лицо. Обида, значит, не прошла.

Замешкался, убирая со стола, вышел в переднюю, хотел пальто подать, а жена одета уже, обута и сумку ищет. Нашёл сумку супруге, до лифта проводил, собрался уже потормозить, обнять Катеньку, как всегда при расставании, а тут двери открылись, и три человека совиными не выпавшими глазами на нас уставились. Махнул соседям головой, подождал, пока двери закроются, и пошёл посуду домывать.

16.40

День прошёл так себе.

Сходил в поликлинику, поставил все печати и подписи на подготовленных для госпитализации документах. Неужели мытарства закончились: казёнщина и бюрократизм кругом. Завтра в больницу ложиться, а столько раз по всяким непредвиденным обстоятельствам операция по

онкологии откладывалась. Плановая-то плановая, но каждый день, как врачи говорят, дорог. Кажется, в это раз ничего не должно помешать. Звонил жене, да время перепутал, в школе перемена как раз закончилась. А после уроков, по четвергам, учителя на совещаниях находятся.

Жду домой только к ужину; напротив друг друга посидим, как обычно.

А я ведь так и не налюбовался ею за годы. Светлым круглым личиком с курносом носом, яркими синими глазами и мягкой улыбкой. В детских книжках, скорее всего, такой луну и рисуют.

18.20

Молча поужинали, а после ушла Катя в комнату какие-то пособия делать. Всё ещё в обиде на меня, оказывается. Стоило из-за пустяка дуться, не разговаривать. Пошутил всего-навсего: разрезать нетрудно сверху донизу, главное, зашивать потом, кого или что...

20.00

Помирились с Катенькой, слава Богу. Извинился за глупую шутку. Простила, улыбнулась, засияла, как луна на детской картинке.

В приемный покой провожать собирается, не отговорить. На работе попросила кого-то её подменить.

16

22.30

Только что со старшим сыном говорил. Тот о детях долго рассказывал. Да ты знаешь всё, Катюша, и без меня, каждый день в загруженном своём графике умудряясь найти время для внучат-погодков. Начальная школа, ответственность большая, как без советов? Из старшего сына хороший отец получился, да и невестку, видно, любит. Спокойно за них.

Младшему тоже позвонил. У него только начинается семейная жизнь складываться.

23.55

Уже лёг, вдруг вскочил несколько слов добавить, а потом положить тетрадь обратно в шкаф. Иначе не уснуть.

Луна на небе, будто вчерашняя, как ни вглядывался в неё. Так и жизнь пролетела незаметно.

Катенька, не удивляйся записям. Сам от себя не ожидал.

На ошибки, если встретятся, не обращай внимания. Не грусти о прошедшем.

Я любил тебя, одну, всю жизнь.

Не забрасывай дачу, мы отдали ей лучшие годы, и веселее всего проводили время именно там. Яблоневые стволы в конце лета тщательно

побелил, компоста хватит на несколько лет вперёд, парники, погреб – в порядке, внукам соорудил новенькие качели.

Ещё раз попросил сегодня по телефону сыновей помогать тебе.

Если будет, чего недоставать.

Если будет, кого...

Чумазая днюха
Таёжник

15 сентября

На проходной городского зоопарка ко мне уже привыкли, и я спокойно вхожу на территорию. В кармане у меня всегда есть банан или яблоко для грустного слона Зорро. Возле его клетки я обычно поджидаю с работы свою подружку Аню, которая работает здесь ветеринарным врачом. Она недавняя выпускница мединститута, но, по её словам, замечательно принята и людьми, и зверьми. Закончив свою работу в автосервисе, я обычно захожу за ней. Хорошо, что мы живём совсем неподалёку от моей и Аниной работы, поэтому ходим пешком. Мне нравится идти с ней рядом – Аня хороша собой и мне льстит, что прохожие оборачиваются. У нас ещё ничего не было. Даже не целовались. Я знаю, что и сегодня всё закончится, как и прежде – минута прощания у подъезда и по домам. А чего я, собственно, хочу от неё? Чтобы она кинулась мне на шею со словами: «Всё, я устала уже скрывать свои чувства к тебе» и тут же повела меня знакомить со своей мамой? Размечтался... Это ещё заслужить надо.

19 сентября

18

Сегодняшний вечер ничем не отличался от предыдущих – разве что на пару минут дольше задержались у её подъезда – Аня тактично дослушала мою очередную байку. Я вполне серьёзно считаю, что женщина любит ушами и поэтому, наговорив ей кучу комплиментов, рассказываю разные истории. Разумеется, что в них я выгляжу весьма привлекательно. Аня всё это молча выслушивает, но ни восторженные слова в её адрес, ни мои геройские подвиги её не впечатляют – ноль эмоций.

23 сентября

Сегодня уговорил Аню сходить в кино. Смотрели поляков – «Мужчина и женщина». Во время сеанса я осторожно положил ладонь на её колено. Не убрала.

Приписываю себе, как начало успеха, хотя не уверен, что она заметила это робкое поползновение: уж больно привлекало её действие на экране.

30 сентября

Пришёл домой позже обычного. У Ани на работе рожала кенгуру, и бригада задержалась, принимая роды. Мы возвращались под унылым дождём.

Аня рассказывала каким крохотным рождается кенгурёнок: «Представляешь, крохотный эмбриончик сам переползает из чрева матери в её сумку! Сразу по хвосту, а потом, по пролизанной мамой дорожке напрямиком в уютное гнёздышко!» – Аня восторгалась природным феноменом сумчатых, а мне хотелось тоже вместе с ней спрятаться в какую-нибудь большую и тёплую сумку...

5 октября

Сегодня Аня гадала мне на ладони. Когда она указательным пальцем водила по моим судьбоносным линиям, мне нестерпимо захотелось поцеловать ей руку. Но как только я приблизил тёплую ладошку к своим губам, Аня медленно её отвела и засмеялась:

– У тебя долгая линия жизни. Не торопись!

Не торопись... Сегодня ровно два месяца нашего знакомства. Если честно, то у меня ещё не было в жизни таких долгих ухаживаний. Обычно цветочно-конфетный период очень скоро переходил в более серьёзные отношения. И это уже было дважды. Я спросил её:

– Скажи, а я, вообще, как тебе со стороны?

– Со стороны? – Аня, прищурив один глаз, шутливо измерила меня взглядом, – симпатяга! Говоришь складно, ухаживаешь умело, но это оболочка. Кто его знает, что там у тебя внутри?

Я хотел спросить её, когда уже начнём познавать друг друга, так сказать – «на ощупь», но сдержался.

19 октября

Двадцать восемь! Вот сколько лет стукнет мне завтра! Аня согласилась посидеть вечером в кафешке. Но только вдвоём. Я навёл в квартире порядок и прикупил бутылку хорошего вина, с хищной мыслью, что уговорю Аню зайти после кафешки ко мне. А вдруг?

21 октября. 8-15 утра

Суббота. Никуда не надо. Лежу на диване, раскинув руки. В воздухе витает еле уловимый аромат духов. Все события вчерашнего дня затмевает одно – Аня меня поцеловала... Первая! Обняла за шею и поцеловала мягкими и тёплыми губами.

Вчера по пути в кафе нам нужно было перейти разрытую траншею по временному шаткому мостку. Впереди нас шёл, покачиваясь, крепко подвыпивший грузный мужчина, и когда он ступил на доску мостика, его вдруг повело в сторону, и он вместе с перилами рухнул на водопроводные

трубы, наполовину утопленные в глиняной жиже. Я тут же спрыгнул к нему на помощь и, пытаясь приподнять его, сам поскользнулся на глине. Мужик оказался неподъёмным, к тому же из его ладони сочилась кровь – видимо порезал осколком разбившейся бутылки. Пока Аня бегала звонить в автомат, чтобы вызвать скорую, мы с двумя, пришедшими на помощь, молодыми парнями вытащили бедолагу из траншеи. Когда Аня посмотрела на меня, мокрого и по уши вымазанного в глиняно-кровяной смеси, она приложила ладонь к губам и покачала головой, – ну, дела... Но в её взгляде я уловил что-то такое незнакомое и тёплое, которого я не замечал раньше.

Потом у меня дома, пока я приводил себя в порядок, Аня похозяйничала на кухне и накрыла нехитрый стол.

«Сегодня я увидела, что ты можешь не только словами...» – это она сказала вместо тоста, но как-то доверчиво и негромко. И подошла ко мне близко.

Это был лучший день моего рождения, Аннушка...

II. Планета ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

«Приз симпатий авторов Литгалактики». Проза

Специальный конкурс прозаических произведений (проект «ПАС»)

Игра прозы «Бросаю вызов!»

«Приз симпатий авторов Литгалактики». Проза

Не такая, как все
Наталья Сафронова

Каждая женщина мечтает, чтобы мужчины слепли от ее неземной красоты, но если вам не хочется при этом потрясти земной шар, чтобы они упали именно к вашим ногам, то с вами все в порядке. А вот если мысли о том, что вас обделили любовью, не дают вам спокойно жить, значит, вам есть, над чем задуматься.

Женька не должна была родиться, ее не ждали. Так бывает, что родители уже собираются разводиться, но при этом случайно зачинают ребенка. Сначала случайно зачали, потом случайно оставили жить. Но когда увидели, что у новорожденной девочки нет левой кисти, не хотели забирать из роддома. Однако акушерка заставила мать приложить дочку к груди, и женщине нежной жалостью обдало сердце... Мать поняла, что не сможет разжать руки и бросить малышку на произвол судьбы. Муж не забирал их из роддома, рождение ребенка-инвалида только утвердило его в решении уйти от жены. Мать принесла девочку домой, как найденыша, в тряпках. Муж ушел, а Женька появилась. Общее количество членов семьи осталось прежним. Мать смотрела на дочку, думала:

– Вырастет, ничего... А этот все равно ушел бы... Пусть живет девочка, ничего

Женька с раннего детства, в любую жару, носила платья с длинными рукавами, чтобы отсутствие кисти на левой руке не бросалось в глаза. Однако замечали. Женьке всегда казалось, что на нее смотрят как-то особенно. Она говорила о себе: не такая, как все. Вот если бы у всех не хватало одной кисти, то «не таким» казался бы полноценный обладатель обеих рук, несмотря на явные его преимущества. А так из общей массы детей выделялась Женька. Дети жестоки, не принимают в свои ряды того, кто на них не похож. И Женька чувствовала себя белой вороной в стае черных. Белым кричащим пятном, на которое нельзя не обратить внимания и не посмеяться, не ущипнуть, не дать тычка. Что взять с детей, если деликатностью не отличаются и взрослые. Сколько Женька встречала притворно-сочувственных и откровенно любопытных взглядов!

А однажды ей пришлось полдня простоять в углу в детском саду, потому что она не сумела зашнуровать ботинки. Она осталась без прогулки, без обеда, сна и ужина. Пока за ней не пришла мама и не забрала ее, зареванную, из садика. Дома мать долго учила Женьку справляться со шнурками, придерживать шнурок культией и завязывать бантик пальцами правой руки. Женька сопела от злости, но повторяла это несложное для двуруких движение бесчисленное количество раз, пока не научилась. А на следующий день

девочка зашнуровала ботинки всей группе. Разъяренная Женька просто не выпустила никого на улицу, не дав мастер-класс по шнурованию ботинок. Напоследок она подошла к воспитательнице, той самой, которая поставила ее в угол, и развязала шнурки на ее ботах. Сначала развязала, а потом завязала.

– Я могу! – заявила девочка и посмотрела воспитательнице прямо в глаза. Неумная гордыня обуяла Женьку. «Я сама» – стало ее излюбленным выражением, после случая со шнурками она никому и никогда не позволяла ни пожалеть себя, ни помочь.

В школе первоклашка Женька подралась в первый же день, когда дети окружили девочку и уставились на ее руку:

– У тебя руки нет?!

– Есть! – Женька подняла вверх свою культю. И кинулась на первого же, кто посмел в этом усомниться. Она дралась со всеми, кто не успел отскочить от нее: кусалась и лягалась, и царапалась. Когда в класс вошла учительница, то увидела растрепанных, в разорванной школьной форме, исцарапанных детей, сбившихся в стайку, и Женьку напротив с чьим-то клоком волос в правой руке. Больше никто и никогда не смел над ней смеяться.

И тем не менее, Женька прилагала невероятные усилия, чтобы быть, как все. На физкультуре она занималась в общей группе здоровых детей. Прыгала через козла и подтягивалась на турнике на одной руке, играла в волейбол, ловко отбивая мяч. Сказать, что это давалось ей огромным трудом – значит, не сказать ничего. Для того, чтобы сдать стандартные нормативы физкультурнику, девочке приходилось часами заниматься в спортивном зале после уроков. Учитель разрешал ей заниматься, ему нравились упрямые:

– С таким характером ты могла бы стать хорошей спортсменкой, Женька.

– Могла бы, – кивала в ответ девочка. – Я много могу, мне просто чуть-чуть труднее, чем другим. Но в итоге у меня все получается куда лучше, чем у многих, потому что я не даю себе спуска.

Она отлично училась по общеобразовательным предметам, с ней советовались успешные ученики и просили списать троечники. Женьке это доставляло удовольствие. Она занималась не из любви к знаниям, а для того, чтобы быть лучше всех. Если раньше она хотела быть незаметной, то теперь всеми силами старалась обратить на себя внимание. Женька все равно выделялась из общей массы одноклассников, но хотя бы со знаком плюс.

Характер у Женьки был колючий, она напоминала кактус, который никому даже в голову не придет погладить, но если вдруг кто-то случайно заденет его – долго потом вытаскивает занозы из ладони. Женька, как ежик, оцетинивалась иголками при малейшем движении ей навстречу. Она страдала бы гораздо меньше, если бы не размышляла так часто о несправедливости. Девочка спрашивала:

– За что? – она не знала, кому именно задает этот вопрос – кому-то, ответственному за высшую справедливость. Порой Женьке снилось, что во сне

у нее выросла кисть, и, просыпаясь, она с недоумением рассматривала свою культю, словно не веря, что ничего в ее жизни не изменилось.

Ровесники с Женькой не дружили, но она делала вид, что и не нуждается в этом. Дома мать тоже не находила с ней общий язык. Они не чаевничали вместе вечерами и не вели долгие разговоры перед сном. Женьке нечем было поделиться с матерью. Мать знала, что ей будет нелегко с необычным ребенком, но не ожидала, что настолько тяжело.

В подростковом возрасте, когда девочки стремятся нравиться мальчикам, мать озаботилась тем, чтобы найти дочери поклонника. Все подружки матери были озадачены сердечным одиночеством Женьки и нашли ей пару: такого же, как она, мальчика без левой кисти. Казалось бы, они должны были понимать друг друга и общаться без проблем. Однако Женька смотрела на мальчика, как на свое отражение в кривом зеркале. У юноши были слишком заискивающие глаза, он слишком хотел нравиться, и этим не нравился девочке категорически. Когда он попытался поговорить с Женькой по душам и сказал: – Нам просто немного труднее, чем всем, – Женька повернулась к нему спиной и убежала. Он размышлял как будто о том же, что и сама Женька, но до чего жалко выглядел при этом!

– Никогда не буду общаться с инвалидом, – сказала девочка матери.

До этой минуты она только не позволяла смеяться над собой и жалеть себя, ибо и в жалости чувствовала насмешку. Теперь же она хотела нравиться, но Женька не собиралась просить любви – она ее требовала.

Сначала Женька подружилась с самыми красивыми девочками класса, а потом у самых-самых красивых пыталась отбить парней. Иногда ей это удавалось, пусть и ненадолго. Причем мальчики часто не замечали отсутствия у Женьки левой кисти, она прикладывала много усилий, чтобы скрыть свой дефект. Понятно, что до поцелуев дело не доходило, тогда Женькин секрет непременно раскрылся бы. Но тем загадочней и желанней была Женька, все непонятное и ускользающее притягательно. Однако Женькины подружки непременно сообщали мальчикам, что Женька – инвалид, из лучших побуждений, разумеется. Тем не менее, Женька после каждой дискотеки рассказывала девочкам о новом поклоннике. Гибкая и сильная, она хорошо владела телом и с удовольствием танцевала в ночных клубах. Мать разрешала ей приходить домой поздно, Женьке многое позволялось, больше, чем другим. Женька курила в компании, правда, без особого удовольствия. Мать чувствовала запах табака, однако не ругала дочь. Она боялась что-то не так сказать, задеть ее болезненное самолюбие и совсем потерять общий язык с ребенком. Случалось, что девочка надолго замыкалась в себе, уходила из дома, ночевала у подруг. Мало ли что она не ладит с ними, для того, чтобы наказать мать – все средства хороши.

Однажды после танцев Женьку провожал новый мальчик, вернее, она поначалу так подумала, что он ее провожает. Однако когда они дошли вместе

до автобусной остановки, он попрощался с девочкой. Женька остановилась и еще некоторое время непринужденно болтала с ним, хотя она не соображала, о чем именно говорит, словно это не она произносила слова, она только смотрела на мальчика, втягивала его в себя взглядом, не отпускала. А потом бежала за автобусом, не в силах перестать видеть своего нового знакомого. Когда автобус скрылся за поворотом, Женька присела на корточки и бессильно заплакала. Она не плакала ни разу после того, как в садике ее наказала воспитательница за незашнурованные ботинки. Женька отрастила такую броню, сквозь которую боль не просачивалась и не проникала в душу. И только сегодня этот мальчик, сам того не желая, заставил Женьку почувствовать сердечную боль. Он шел с ней после дискотеки и дружески беседовал. Просто товарищ, а Женька хотела ему нравиться. Он не пожелал проводить ее до дома, и девочка восприняла это как оскорбление. При этом он был так обаятелен, что Женька не могла отвести от него взгляд, не могла не слышать его голос.

Женька прометалась в постели, не сомкнув глаз до самого утра. А на следующий день проявила чудеса дипломатической хитрости и выведала у подружки все о понравившемся ей мальчике и вечером уже дежурила рядом с его домом. Она непринужденно пошла навстречу вошедшему во двор Игорю и с удивлением откликнулась на приветствие, словно и не ожидала его увидеть. Просто случайно шла мимо, она часто здесь бывает, у нее тетя живет в соседнем доме. Женька с Игорем стали встречаться. То ли Игорь прощал подруге ее колючесть, то ли Женька стала чуть мягче, но они не ссорились. Женька, как могла, долго скрывала от Игоря, что она инвалид, пока подружки не открыли ему глаза. Однако мальчика это не смутило. Женька возликовала душой и поверила, наконец, в высшую справедливость и возможность счастья лично для нее. Она окончательно разуверилась в женской дружбе, но обрела любовь.

Женька сочиняла сказку для себя. О том, как гадкий утенок станет лебедем, распахнет крылья и поднимется высоко в небо, к самому солнцу – и отогреется. Женька чувствовала, как ее любовь оперяется, еще немного – и полетит! А все задерут головы к небу и ахнут:

– Вот она какая, Женька! Красавица! Вон как ее любят, а мы – дураки, не заметили, не оценили...

Посожалуют, да поздно будет, не для них она, Женька! Для Игоря.

Женька засыпала и просыпалась с именем любимого на устах:

– Игорь!

Она чувствовала, как бьется ее сердце, словно и оно тоже произносит вместе с Женькой:

– И-горь!

Стукнет два раза и замрет, и на долю секунды Женька задерживает дыхание, потом оглядывается вокруг после этой привычной медитации и

замечает, как прекрасен мир, как улыбчивы люди, или они улыбаются в ответ на ее улыбку?

Женька училась в выпускном классе, когда Игоря призвали в армию. Она пришла к нему на проводы как его девушка. Ей было горько расставаться с любимым, и все-таки гордость распирала ее от одной мысли, что Игорь сейчас познакомит ее со своей матерью и она сядет рядом с ним за столом как невеста. И все это увидят. И он обнимет ее за плечи, и будет весь вечер смотреть на нее задумчиво и нежно, и поцелует на вокзале. И этот поцелуй тоже все увидят. Однако Игорь посадил ее рядом со всеми девчонками, а сам весь вечер проговорил с ребятами. Время от времени к нему подсаживалась мать, брала его руку, прижимала к своей щеке и так сидела некоторое время, и за столом возникало неловкое молчание. Когда все фотографировались на общий снимок, Женька снова попыталась встать рядом с любимым, но и тут ее оттеснила мать Игоря. Женька ничего не понимала: а где же слова, просьба, чтобы ждала? Однако Игорь так и не подошел к ней и не сказал особенных слов, махнул рукой и улыбнулся своей обаятельной улыбкой, предназначавшейся всем – и ей на общих основаниях. И Женька, всегда требующая свое, вдруг растерялась. Она не только не получила официального статуса невесты, но и не побыла даже минутки с Игорем наедине. Игорь держал за руку только мать и обещал писать только ей, и нежные слова он тоже говорил только матери.

26

Через неделю Женька пришла к любимому домой. Дверь ей открыла мать Игоря. Женька поздоровалась и подождала приглашения войти. Однако женщина молчала. Тогда Женька собралась с духом и спросила:

– Скажите, а от Игоря уже пришло письмо?

– Ну, конечно, несколько писем. Игорь писал еще с дороги, – ответила мать.

– Дайте мне его почтовый адрес? – попросила Женька.

– Зачем? Ведь Игорь вам не пишет, – прямо посмотрела на нее женщина.

– Вот я и спрошу у Игоря, почему он мне не пишет, – так же прямо ответила Женька. – Мы встречались.

– Это ведь у вас одна рука? – внимательно посмотрела на ее руки мать Игоря.

– Мой сын вас жалел.

Женька отшатнулась, как будто женщина ее ударила. Все эти дни она размышляла над сложившейся ситуацией, придумывала Игорю мифические оправдания, снова путалась в своих домыслах и даже сомневалась, не придумала ли она любовь между ними. Может быть, он с ней просто дружил, а она себе насочиняла. Однако это жестокое заявление матери Игоря отбивало у нее охоту еще что-либо выяснять. А может быть, узнать его адрес у мальчишек, приехать к нему и просто посмотреть в глаза? Что-то он ей скажет?

Женька шла по городу и покачивалась, как пьяная. Никуда она, конечно, не поедет. Девушка выработала в себе прямо-таки звериную гордость и

подставлять для удара вторую щеку не собиралась. Наоборот, корила себя за этот поход к матери Игоря. Надо было терпеть и ждать. Нужно научиться терпеть. Нужно научиться не любить. Никого и никогда. Женька прямо-таки застонала от той пытки, на которую она себя обрекала. Любить так высоко и так сладко, она узнала это за те несколько месяцев, что любила Игоря. И душа заходится от любви к целому миру, ибо если ты пустил в сердце чувство, оно заполняет его полностью – и ты любишь все вокруг. Пока Женька любила Игоря, она стала чуть ближе матери и наладила отношения с одноклассниками, не было в них ни гордыни, ни зависти. Любовь щедра. Однако где любовь – там и предательство. А ты его не ждешь, не строишь баррикады, у тебя разведены руки для объятий, и в это самое незащищенное ты и получаешь – под дых... И не можешь вздохнуть... Больно...

Женька не заметила, как пришла домой и упала на руки к матери. Мама потихоньку раздела ее и уложила в кровать, напоила теплым молоком и просидела рядом, выслушивая дочкины всхлипывания, пока та не уснула. Сладко было уснуть под материнское поглаживание.

– Прости их, – шептала мама, но Женька возмущенно качала головой. – Прими это, просто прими.

Однако Женька не простила и не приняла. Она окончила школу и уехала из города.

Женька устроилась работать диспетчером в автобусное депо и жила в общежитии автопарка. Она общалась с водителями на равных, не скупилась на крепкое словцо, и они чувствовали в ней своего парня и не обижали. И Женькина обида не то, чтобы стала забываться, а поостыла. Конечно, ради такой работы не стоило уезжать из родного города, да и одноклассники посмеялись бы – и это гордячка Женька с вечным стремлением быть лучше всех? Но одноклассники далеко, а шоферня любит Женьку такой, какая есть. Для них не надо расшибаться в лепешку и стремиться утереть всем нос. Что-то надломилось в Женьке. Единственное правило, которое она продолжала соблюдать – это не влюбляться. Не привязываться. Не верить и не доверять.

Женька написала маме, только когда поняла, что беременна, да и то не сразу. Потянула некоторое время, поразмышляла, оставлять ребенка или не стоит. Юра просил сделать аборт, а иначе грозился уйти. Женька его не задерживала, даже наоборот, помогла собрать вещи. Сделала это спокойно, как и раньше, когда собирала его в очередной рейс. И так же заботливо положила в карман куртки презерватив, все как всегда.

– Ну, что ты все ерничаешь? – разозлился Юра.

– Забочусь о тебе, – сказала Женька. – Кто о тебе еще позаботится?

– Холодная ты, – устало посмотрел на нее Юра. – Я, может, и не гулял бы, если бы от тебя таким холодом не веяло.

Женька почувствовала, как сжалось сердце. Справедливое обвинение, но позволить себе впустить в сердце любовь, раскрыть его навстречу новому

чувству она не могла. Ее единственный прыжок в счастье закончился болью. И Женька неосознанно сделала вывод, что любовь и счастье влекут за собой боль. Лучше жить без любви, зато и без боли. Она проводила Юру без особого сожаления и даже не сильно на него обиделась. Ну, подумаешь, гулял. Подумаешь, бросил ее, беременную. Мать говорила, что отец тоже гулял и ушел из дома сразу, как только Женька появилась на свет. Значит, все гуляют и все бросают. Не она первая. А вот стоит ли рожать на свет еще одно обреченное на несчастье существо, стоит подумать.

Женька думала до тех пор, пока ребенок не стал шевелиться в животе. Она лежала ночью и размышляла, что она может ему дать, как вдруг почувствовала легкий толчок, и живот словно качнуло вправо, потом влево... И такое блаженное тепло охватило Женькино существо, обдало ее всю с ног до головы, омыло золотым дождем и тихонько понесло в неведомую даль.... – Счастье есть, – подумала Женька. Это было не вопросом и даже не ответом на ее бесчисленные поиски справедливости, а просто принятием того, что счастье возможно. Его не надо бояться.

Утром Женька побежала на почту, чтобы отправить маме письмо, но вдруг свернула на переговорный пункт. Она услышала мамин голос и счастливо и свободно улыбнулась:

– Мама, я завтра приеду, насовсем. Я жду ребенка, мама. Пока не замужем, но непременно выйду, не сомневайся. Обязательно полюблю и выйду замуж за хорошего человека. Все будет хорошо, мамочка...

Лестница
Артур Кулаков

День угасал медленно и неохотно, ещё цепляясь за чахлые лучи осеннего солнца.

Народу в кафе прибавилось, и я, сидя за столиком у окна, недовольно поёживался, оглядывая равнодушных, никого, кроме себя и своих коллег, не видящих посетителей, всех этих офисных служащих, точно таких же, каким и я был всего пару месяцев назад. Они собрались здесь в ожидании босса, костлявого мистера Зелински, как обычно пятничным вечером собирающего наиболее отличившихся подчинённых и набивающего ими автобус, чтобы отвезти их к себе на ранчо, якобы на барбекю, а на самом деле – на пьяную оргию.

Одетые с иголочки, ни пылинки на пиджаках, ни лишнего волоска в идеальной причёске. Многих я знаю, вот только они не желают замечать меня. Я выпал из фирмы, я для них теперь никто, нуль, невидимка.

29

Боже, неужели когда-то и я гордился своей принадлежностью к «Янг Старз», к этому прожорливому монстру, который с лёгкостью переваривает миллиарды долларов, конкурентов и человеческие души, превращая молодых, невинных клерков в бессердечных карьеристов, интриганов и любовников для босса и его похотливой жены? Как хорошо, что я удрал из этой разбойничьей берлоги!

Я мотнул головой, чтобы отогнать от себя отвращение.

Я бы и близко не подошёл к этому кафе (кстати, оно принадлежало племяннику Зелински), если бы Линда не назначила мне здесь свидания. Хочешь не хочешь, а приходится сидеть за третьей чашкой кофе и второй порцией мороженого.

Уже два часа торчу я здесь, как одинокая кочка на болоте, а Линды всё нет...

– Вот ведь дурак! – бурчу я себе под нос. – Кто же ждёт женщину так долго? Если уж на первое свидание она придёт с таким чудовищным опозданием – что же будет дальше? Ладно, ещё пять минут – и всё...

Пять минут проползли, как пять сонных черепах, а за ними – ещё десять...

– Всё, хватит!

Я решительно поднялся на ноги, чувствуя в душе тошнотворную смесь горечи и злости, расплатился с официантом, отметил при этом, что денег в бумажнике почти не осталось, и медленно, всё ещё надеясь, что Линда вот-вот появится, вышел на улицу.

А теперь-то куда? Домой не тянет, работу вечером искать бесполезно, да и надоело мне это бесконечное набирание телефонных номеров и рассылка по конторам и фирмам своих лживых резюме. Хочется чего-нибудь эдакого, напиться, что ли, или накуриться марихуаны, чтобы забыть, что под ногами – широкая чёрная полоса, конца-края которой не видно. Наверняка, она покрыла всю землю, как тень от луны во время затмения, и никуда от неё не деться, разве что пустить себе пулю в лоб.

О пуле я задумывался в те дни не раз, особенно после того как грузовик раздавил мою любимую кошку. Но вот в моей жизни появилась Линда – и душа начала расслабляться, словно кулак, уставший сжимать боль неудач, пустоту одиночества.

30

Линда была единственным светлым пятном на чёрном фоне безысходности, в ней, как в фокусе линзы, сходились лучи ещё не погасших надежд и мечтаний.

Познакомились мы на прошлой неделе в компании моих школьных друзей, которые несколько лет назад организовали довольно успешную музыкальную группу, играющую музыку в стиле «Black Metal». Они не только помогали мне кое-какими грошами, но и свели меня с этой юной рокершей, грубоватой, некрасивой, но чертовски милой и по-детски простодушной.

И вот она не пришла.

– Эй, Мартин, дружище! – услышал я знакомый голос, прилетевший с противоположной стороны улицы. – Давай к нам!

Вот повезло! Это же Грег с дружками, мои добрые металлисты! Лохматые, в кожаных куртках, утыканных железяками, но такие чудесные! Спеша к ним через дорогу, я почувствовал на глазах слёзы умиления.

– Пойдём с нами! – Высокий, плотный Грег обнял меня, после чего я попал в жёсткие, прямо-таки металлические объятия гитариста-виртуоза Фреда, затем ко мне прижался пухленький бас-гитарист Боб, и наконец нежно похлопал

меня по спине медлительный, задумчивый клавишник Арти. Вся четвёрка была в сборе и явно настроена весело провести вечер.

– Пойдём. Почему бы и нет? – согласился я, когда ритуал встречи друзей был окончен. – А вы куда?

– Аттракционы Джоша приехали, – громогласно объявил Грег, и мы пошли. – Клёвые ребята, надо тебе сказать. На Чёрном Поле обосновались. Говорят, у них там такие чудеса творятся! Чего только стоит та чувиха, что глотает змею! А карлик-силач, поднимающий в воздух здорового детину, словно тот из пенопласта сделан! А герла, которая подражает любому звуку и голосу... Короче, есть, на что поглазеть. А ты что здесь делал, в этой офисной клоаке?

– Линду ждал.

– И зря, – сказал коротышка Боб. – Она с Майклом Ву в Техас подалась.

– Ненадёжная оказалась, – поддакнул Арти.

– Ничего, – продолжал горланить Грег, не обращая внимания на удивлённые взгляды прохожих, – не сникай, чувак, мы новую герлу тебе найдём! А как у тебя с работой?

31

– Никак, – тяжело вздохнул я.

– И это не беда. У моего предка вакансия нарисовалась. Курьером пойдёшь?

– Пойду, – обречённо вздохнул я.

– Не дрейфь, кореша тебя в беде не оставят! – Грег взъерошил мне волосы и смачно поцеловал меня в лоб. – А вот и наш катафалк!

Друзья влезли в стоящий на парковке микроавтобус, Арти сел за руль, и весёлая поездка на аттракционы Джоша началась.

По пути мои друзья на разные голоса исполняли непристойные куплеты и то и дело хохотали до колик, и моё настроение взлетело так высоко, что я без алкоголя и марихуаны забыл и о безработице, и о вертихвостке по имени Линда.

А вот и аттракционы! Народу полно. Музыка, крики, смех, детские голоса...

Шумной ватагой экзотических созданий ворвались металлисты в толпу нарядно одетых горожан, и я впервые почувствовал себя одним из этих раскрепощённых весельчаков, живущих как будто в ином измерении, полном радости, подростковой непосредственности и погони за наслаждениями. Вот бы полностью влиться в эту сумасшедшую группу! Почему бог не дал мне хотя бы чуточку музыкального слуха? Колесил бы я по стране, летал по всему земному шару с гастролями, а в перерывах между репетициями, концертами и записями радовался простой жизни, не зависящей от сильных мира сего и от проклятых чёрных полос...

– Что скажете, на чувиху со змеёй сначала? – предложил Грег. Он был не только солистом и автором песен, но и заводилой безумной четвёрки.

– Денег нет, – сокрушённо признался я и почувствовал, что покраснел от смущения. Я всегда стыдился своей бедности, даже в школе.

– Фигня! – отрезал Грег. – А ну, Арти! Гони полсотни, те, что проспорил мне во вторник!

– Это ведь ты проспорил! – попытался возмутиться Арти.

32

– Господа, вы слышали? – Грег состроил обиженную физиономию. – Он опять не хочет платить по счетам! Гони, тебе говорят, а то не проголосую за новый синтезатор.

– Ладно уж. – Арти вынул из кармана купюру и вручил её мне.

– Так-то лучше. – Грег расплылся в улыбке. – Борись с грехом скаредности, сын мой Артур, учись держать десницу разверстой – и легче будет тебе на том свете, в преисподней.

Мы взяли билеты на представление девушки со змеёй, но, к сожалению, оказалось, что мест в балагане для всех нас не хватило. Мы бросили жребий, и вывалившимся из обоймы оказался я, что меня совсем не удивило, учитывая полосу неудач, успевшую въестся в моё сознание.

Утешив меня металлическими хлопками по плечу, ребята с шумом и смехом ворвались в шатёр, а я остался один. И решил поискать туалет – после нескольких чашек кофе мне необходимо было опорожнить мочевой пузырь.

Но не успел я отойти от кассы и тридцати шагов, как ко мне подбежал высокий чёрный парень с красивым лицом и в костюме Арлекина.

– Я вижу, что тебе, друг, не хватает в жизни одной важной вещи, – вкрадчивым голосом произнёс он.

– Да, и какой же? – рассеянно спросил я его, ища глазами место, где, по логике вещей, должны были бы находиться кабинки.

– Тебе недостаёт элементарной удачи, Мартин, – так сказать, улыбки Фортуны.

– Ты это на моём лбу прочитал? – раздражённо бросил я и рванул в ту сторону, где, как мне казалось, обязательно должен был ждать меня спасительный унитаз.

Но клоун схватил меня за руку:

– Постой! Ты не туда бежишь, там нет туалета, он за каруселями.

– Спасибо, тогда я пойду туда. – Я дёрнулся было в другую сторону, но Арлекин довольно крепко держал мою руку. И я вспыхнул: – Послушай, что тебе от меня нужно? Отпусти меня!

Но парень, похоже, совсем не обиделся на мой грубый выпад:

– Не мне нужно, друг, а тебе! Без удачи ты погибнешь, и очень скоро. Всё разваливается в твоей жизни. Начинается вроде бы с пустяков, например, с того, что твоя кошка попала под машину. Это, конечно, не такая уж и мелочь, но по сравнению с тем, что тебя ждёт...

– Откуда ты знаешь о кошке? – От изумления я перестал вырываться из рук Арлекина.

– Я не только о ней знаю, – продолжал красавчик всё тем же спокойным, вкрадчивым голосом, – но и о том, что, читая книгу, ты обязательно проверяешь, на какой странице кончается та или иная глава, а встаёшь по утрам только с левой ноги – так ты борешься с суевериями. Я прав? – Не дожидаясь моего ответа, он продолжал: – Ты так и не сумел найти работу, а Линда ни с того ни с сего снюхалась с Майклом и укатила далеко и надолго. Я даже больше тебе скажу: твоя жизнь висит на волоске, который должен порваться завтра, примерно в это же время.

Я был совсем сбит с толку: этот клоун знал обо мне всё, а значит, я просто не мог не поверить его мрачному предсказанию. И мне стало страшно. И даже писать расхотелось.

– Как я... это самое... умру? – с трудом произнёс я роковое слово.

Парень отпустил мою руку.

– Я мог бы, конечно, открыть тебе эту тайну, но, боюсь, узнав подробности своей гибели, ты потеряешь голову и наделаешь кучу глупостей. Не лучше ли тебе пойти со мной?

– Куда? – Я насторожился: а вдруг это какой-нибудь аферист... Хотя на кой чёрт сдался мошенникам такой нищий, как я? И потом, аферист не мог бы узнать интимные подробности моей жизни...

– На лестницу удачи, – ответил клоун. – Только она и спасёт тебя. И приведёт к белой полосе. Да, да, я знаю и о том, что сегодня, выйдя из кафе, ты сравнил свою жизнь со сплошной чёрной полосой.

34

– Что это за лестница? – Я уже ни на йоту не сомневался в том, что передо мною – настоящий маг или пророк, знающий моё нутро лучше, чем линии на своих ладонях.

– Пойдём – увидишь. – И Арлекин направился к ближайшему балагану, невзрачному, серому, без ярких лампочек (а надо сказать, что уже изрядно стемнело).

– Эй, Стив! – крикнул парень, когда мы подошли к шатру. – Ещё один согласен изменить свою жизнь.

Откинув клапан шатра, к нам вышел невысокий полный человек с длинными русыми кудрями. Он дружелюбно мне улыбнулся и произнёс мягко, почти нежно:

– Идём, Мартин.

И я последовал за ним, не удивившись тому, что и он знает моё имя.

Мы вошли в сумрачное помещение. Перед нами была широкая дощатая дверь, сквозь щели которой пробивался яркий свет.

– Ты готов? – обратился ко мне Стив.

– Не знаю, к чему, но, думаю, готов.

– Похвально. – Он протянул мне руку, я машинально пожал её. – Тебя ждёт удача. Непусти её.

Он распахнул дверь – и я зажмурился от настоящего солнечного света – за дверью был ясный день!

– Вперёд, Мартин, – мягко, но внушительно промолвил Стив, – и ничего не бойся. Как только ты ступишь на лестницу – можешь считать себя победителем. – И он слегка подтолкнул меня в спину.

Я вошёл и оказался на каменной ступени лестницы, сбегаящей по крутому склону горы, такой высокой, что её подножия не было видно.

– Откуда в нашем городе такая гора? Ведь мы на равнине... – промямлил я, повернувшись к Стиву. Но того уже и след простыл, а дверь за моей спиной оказалась закрытой.

35

– Ну, что ж... – Я пожал плечами и, решив больше ничему не удивляться – ведь я попал на аттракцион чародеев, – пошёл вперёд, вернее вниз.

Лестница была футов двенадцати ширины. Торцы ступеней упирались в ровные каменные бордюры, скользящие вниз двумя ровными линиями, как рельсы железной дороги. Справа и слева, за бордюрами, зеленела нежная травка, над которой возвышались яблони, апельсиновые деревья, длинные лопухи банановой травы, финиковые и кокосовые пальмы. А дальше, за деревьями, ничего нельзя было разглядеть – там царили довольно высокие стены тумана, одинаково плотные что слева от меня, что справа.

Воздух был пропитан запахами цветов и фруктов, а бабочки и стрекозы просто кишели в знойном мареве.

Любуясь необычным зрелищем, я спускался всё ниже и ниже.

– Вот это декорации! – удивлялся я вслух. – Что же это за место? Попробовать что ли яблочко? Или апельсин? А вдруг они настоящие...

Я подошёл к ближайшему дереву и, подпрыгнув, сорвал крупную, жёлтую грушу. Она оказалась съедобной, причём сочной и сладкой.

Оглядевшись по сторонам, я приблизился к стене тумана и, жуя божественно вкусный плод, наконец-то справил малую нужду.

– Всё, больше мне ничего не нужно, – сказал я. – Теперь посмотрим, что же всё-таки там, внизу, что за обещанная удача там прячется. Но откуда здесь эта гора? И кто построил такую длинную лестницу? И почему здесь лето? А впрочем, не всё ли равно? Тепло, как в тропиках, фруктов полно, на любой вкус, никто мне не мешает, не стоит над душой, да и работу искать не нужно. Может, это и есть пресловутый рай? Наверное, Адам с Евой были изгнаны именно с этой лестницы... А кто такие в таком случае Арлекин и Стив? Архангелы, спасающие несчастных? Любопытно... – Я остановился и поглядел в небо, усеянное мелкими облачками и запятыми стрижей, чей писк тонул в звонком хоре птиц, гнездящихся на деревьях и кустах. – А ведь до этой минуты я даже не задумывался над тем, насколько я несчастен! Просто чувствовал, что мне плохо, а мыслить, похоже, разучился. Наверное, меня действительно необходимо было спасти от распадающейся на куски жизни. Спасибо вам, добрые ангелы! Мне здесь намного лучше, чем в городе с его волчьими законами. Видимо, я не гожусь для мира преуспевающих себялюбцев и баловней судьбы.

36

Я пошёл дальше. И шёл довольно долго, так что у меня стали побаливать ноги. Солнце заметно склонилось к горизонту, размытому белёсой дымкой. А лестница никак не хотела кончаться.

– Чудеса! – восклицал я, оседлав бордюры и поедая тёмно-оранжевые, почти красные мандарины. – Магия какая-то. Ведь не может же лестница быть бесконечной. Когда-нибудь я доберусь до последней ступени. И увижу свою удачу. И начнётся белая полоса. А может, она уже началась?

Внезапно небо потемнело, и начался такой сильный ливень, что по ступеням хлынул шумный поток, а моя одежда вмиг промокла до нитки. Я вскочил, чтобы поискать укрытие, но тут же успокоился – дождь оказался тёплым, словно я стоял под душем.

Я, недолго думая, разулся, сорвал с себя мокрую куртку, рубашку, штаны, трусы, разложил всё это на траве и стал натираться соком, который выжимал из мандаринов. А струи дождя смывали с меня этот чудесный лосьон, и всё-таки не смогли полностью удалить с кожи цитрусовый аромат, так что, когда дождь прекратился, я благоухал, как фруктовый прилавок на рынке, и с наслаждением принохивался к своим рукам и подмышкам.

Затем я развесил мокрую одежду на кустах чёрной смородины и решил заночевать прямо здесь, под мандариновым деревом. Мне не нужно было разводиться огонь, так как после дождя жара только усилилась и даже дышать стало трудновато.

Растянувшись на траве и глядя на ближайшую стену тумана, я стал мурлыкать «Smoke on the Water» и скоро убаюкал сам себя: глаза закрылись, а мотив песни потянул меня к какой-то сумрачной реке, которая взмахивала, как лошадь, кудрявой гривой сизого дыма. И вот мягкими шагами босых ног я вышел на берег спокойного сна...

Разбудили меня какие-то неприятные шаркающие звуки. Я открыл глаза, огляделся: ослепительно светило утреннее солнце, а по лестнице, приближаясь ко мне, поднимался старик. Судя по тому, с каким трудом он переставлял ноги, он совсем выбился из сил. Его лицо заросло длинной, пышной бородою, седые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. На его худом теле болтались лохмотья неопределённого цвета, которые когда-то гордо назывались твидовым костюмом. А башмаки были связаны у носков шнурками, но, несмотря на это, из них всё равно выглядывали пальцы. Беззвучно шевеля губами, он сосредоточенно смотрел прямо перед собой, словно считал ступени, по которым поднимался, и, судя по всему, не замечал моего присутствия.

Я сел и с удивлением воззрился на старика. Он был похож на вконец опустившегося бездомного, и тяжёлый взгляд его поблёкших глаз не располагал к знакомству с ним.

И всё же, движимый любопытством, я обратился к незнакомцу:

– Простите, сэр... Я вижу, вы идёте снизу... Не могли бы вы сказать, долго ли мне ещё спускаться по этой лестнице?

Старик вздрогнул, услышав мой голос, и со страхом и недоверием уставился на меня. Но, видимо, не найдя, в моей внешности ничего подозрительного, остановился и, кряхтя, сел на ступень.

– Так о чём ты хотел узнать, сынок? – спросил он бесцветным, равнодушным голосом.

– Долго ли ещё мне спускаться...

– Кто ж его знает? – пожал он плечами. – Это, наверное, зависит от того, как далеко ты находишься от конца.

– И как далеко я нахожусь от конца?

Старик смерил меня унылым взглядом:

– Этого я не знаю. Я вообще больше ничего не знаю. Я иду вверх, к славе и власти – мне обещали их люди, что спасли меня от верной смерти там, внизу, – и давно уже потерял счёт дням и даже месяцам... А лестнице конца-края не видно...

– Но вы уже почти пришли, – сказал я, удивлённый и встревоженный словами незнакомца. – Я ступил на лестницу вчера, ближе к полудню, и провёл в пути всего каких-нибудь несколько часов.

– Эх! – Старик печально махнул рукой и совсем сгорбился. Было заметно, что ему стоит немало труда не только идти, но даже сидеть. – Примерно то же мне говорила одна женщина, которую я встретил на лестнице ещё в то благословенное время, когда моя одежда была совсем новой и красивой, а на лице не успела проступить щетина. А потом те же слова произнёс бодрый, жизнерадостный парень, сбегавший по ступеням как заправский спортсмен... Столько раз я встречал идущих вниз! Кто-то из них жаловался на слишком долгий путь, кто-то уверял меня в том, что ещё совсем немного – и я достигну цели... Но я давно уже не доверяю словам. Я просто иду, потому что верю в одно: если есть у дороги начало, то обязательно должен быть и конец. Это закон природы, физики, здравого смысла, в конце концов... – Он помолчал, а затем, поднялся на ноги и, глянув на меня с тоской, добавил на прощанье: – А ты, значит, вниз? Желая удачи. Внизу её много, даже чересчур много. – Он собрался было идти дальше, но я остановил его вопросом:

– Так зачем тогда вы пошли вверх, если внизу так много удачи?

– А к чему мне удача? – Старик пожал плечами. – Я крайне тщеславен и честолюбив, мне противны жалкие филистерские удовольствия. Мне нужно всё или ничего. Я светоч, который должен гореть на вершине, а не тлеть под спудом, где-то внизу, в болоте мелких страстишек. Вот так, сынок, каждому своё. Ладно, прощай.

Я смотрел вслед уходящему оборванцу и невольно сравнивал его с собой. И никак не мог его понять. Вот я, к примеру: много ли нужно мне для счастья? Тепло, еда, здоровье, книги, рыбалка, долгий сон, мечты и, конечно, секс. Всё

это такое вещественное, близкое уму и сердцу... Чёрт возьми, я не стал бы тратить время и силы на достижение таких эфемерных вещей, как власть и слава! Удача – вот что ждёт меня внизу, вот чего мне всегда не хватало для того, чтобы все мои ценности и желания сошлись в одном месте и сложились в цельную картину! Вперёд к удаче! Старик прав: если есть начало, должен быть и конец... А если конца нет? Он же сказал, что идёт уже несколько месяцев... Какая-то нелепица! Как это нет конца? А вот так, нет его и всё тут – тогда что?

Я представил себе, как всю жизнь иду по этой лестнице в тщетной надежде достичь её нижней точки – и мне стало не по себе.

Я вскочил на ноги.

– Нет! – крикнул я, обращаясь к невидимой силе, построившей эту лестницу и украсившей её райским садом. – Я не хочу превращаться в такого же упрямого оборванца, как этот опустившийся властолюбец! Я хочу просто жить... – Я осёкся и продолжил тихим голосом, почти шёпотом: – Постой, а что такое «просто жить»? Не знаю. Как это не знаешь? Тогда что вообще ты знаешь? Всё, хватит ныть, мне нужна удача – и я её раздобуду! По крайней мере, попытаюсь.

39

Я оделся и пошёл дальше.

Я шёл и шёл, сначала до полудня, потом, после сиесты, с полудня до вечера. Потом снова брызнул небесный душ, но я уже был готов к нему и успел раздеться и спрятать одежду под густой лавровишней.

Больше мне никто не встречался, и я, соскучившись по человеческому общению, начал бояться, что во всём мире, кроме меня, не осталось больше ни одной живой души. Меня угнетала эта мысль, я отгонял её, но она снова и снова овладевала моим вниманием. Эта её неотвязность стала раздражать меня, затем злить. Наконец я не выдержал и закричал:

– Всё, хватит! Я не один! Понятно вам, ангелы и боги? Я не один! Нас много! И меня тоже много! Что? Что ты такое сказал? Меня много? Любопытно, в этих словах что-то есть. Ну, конечно, я ведь в самом деле не один. Говорю же я с собой... Нет, не с собой – с собой говорить невозможно, как невозможно утолять жажду собственными слезами... Я беседую с кем-то, кто живёт во мне и ждёт от меня сочувствия. Как я схожу с ума от одиночества, так и этот некто во мне жаждет общения...

Рассуждая подобным образом, я не заметил, как вошёл в тёмный вечер.

С дерева упало яблоко и с тихим стуком поскакало вниз по ступеням.

– Вот оно! – прошептал я, глядя, как яблоко исчезает в сумерках. – Это же не просто плод, сорвавшийся с родной ветки, а я! Да, именно я! Так же бессмысленно, подчиняясь законам таинственной природы и упрямой логики, бегу я куда-то, где, как сказал тот старик, чересчур много удачи, но куда я, вполне возможно, никогда не попаду... Глупое яблоко, скачи до самого низа! Хотел бы я посмотреть, как ты достигнешь подножия горы, успев превратиться в сморщенный сухофрукт... А я? А я не хочу больше измерять бесконечность. Всё, дальше не пойду! Не дождётесь!

Так я и поступил: проснувшись утром, отказался продолжать нудный свой путь. Просто ходил от одного дерева до другого, пробуя на вкус спелые плоды и думая, который из них вырос на древе жизни. Вот хорошо было бы съесть такое яблочко и забыть, что значит гадкое слово «смерть».

В полдень на верхних ступенях показалось несколько подвижных точек. Медленно приближаясь, они становились всё крупнее и ярче, пока не превратились в фигуры четырёх людей.

40

Я обрадовался, что наконец в этой пустыне мне будет с кем перекинуться словцом. Видя же, как бодро они спускаются по лестнице, я отбросил от себя пессимизм, владевший мною с прошлого вечера, и подумал, что неплохо было бы присоединиться к этим людям и вместе с ними идти, просто идти, вечно идти, видя в этом некий смысл, и больше не чувствовать себя последним из землян.

Однако, когда эта четвёрка приблизилась ко мне, я пожалел, что не спрятался за ближайшим кустом крыжовника. Незнакомцы были похожи на шайку бандитов. Их злые глаза и грубые, жестокие ухмылки заставили меня сжаться от страха. Я старался не глядеть на них, надеясь, что, не обратив на меня внимания, они пройдут мимо. Но не тут-то было: они остановились, не доходя до меня нескольких шагов, и один из них, должно быть, вожак, рывкнул:

– Это что ещё за чучело? Эй, фраер, ты вверх или вниз?

– Вверх, – солгал я, думая, что, узнав, что мне с ними не по пути, они скорее отвяжутся от меня.

– Он врёт, – заявил другой мужчина с неприятным лицом и злорадными глазками крысы.

– Я не вру! – с вызовом возразил я.

– Если так, зачем ты идёшь вверх? – спросил меня главный.

– Я писатель и хочу всемирной славы, – придумал я причину, вовремя вспомнив, о чём говорил мне старик в лохмотьях.

– Ну, раз так, живи, – уже дружелюбнее произнёс главарь. – Тебе повезло – мы убиваем тех, кто идёт вниз, за удачей. Конкурентов устраняем.

– А зря, – немного осмелев, сказал я.

– Почему?

– Удачи там так много, что её хватит на всех, – снова солгал я, чтобы ободрить злодеев, ведь, как известно, даже бессердечный негодяй, охваченный радостью, заметно добрее.

41

– Да? Это хорошо. – Вожак задумался. – Но всё равно, чем меньше конкурентов, тем больше достанется нам.

– Логично, – пожал я плечами.

– А как ты думаешь, долго ли нам ещё топать по этой чёртовой лестнице?

– Самое большее три дня.

– Это пустяки. Ладно, прощай! Удачи!

– Но я не за удачей иду, а за славой. Удачи – вам, ребята!

И они продолжили путь.

Бандит, усомнившийся в моих словах, несколько раз оглядывался, сверля меня беспокойными крысиными глазками и что-то с жаром объяснял главарю, но тот только отмахивался от него. Когда же между нами было уже ступеней пятьсот, не меньше, злодеи остановились, постояли с минуту и вдруг стали подниматься.

Я похолодел от страха: они шли ко мне и что-то кричали, размахивая руками. Как я понял, они подзывали меня к себе.

Что-то надо предпринять! Бежать вверх по лестнице не имеет смысла, – если они захотят поймать меня, рано или поздно догонят. Что же мне делать?

Я стал обшаривать глазами кусты и деревья, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-нибудь лазейку из смертельно опасного положения. Оглядываясь по сторонам, я шаг за шагом отступал от лестницы, до тех пор, пока не вошёл в стену тумана. И вдруг молния мысли пронзила моё сознание:

«Пусть я затеряюсь в этом тумане – по крайней мере, эти зверюги меня не убьют!»

И я смело вбежал в стену. Выставив перед собой руки, чтобы не удариться о возможное препятствие, я сделал с десятков быстрых шагов. И вдруг остановился, поражённый увиденным: туман остался у меня за спиной, а впереди расстилалась живописная долина с небольшими рощами, просторными лугами и неширокой, спокойной рекой.

42

Я бы ещё долго любовался чудесным пейзажем, если бы сзади не раздался рычащий возглас вожака бандитов:

– Куда делся этот ублюдок?

– А, может, ну его? – возразил ему, судя по тембру голоса, более спокойный и разумный товарищ.

– Не «ну», чёрт тебя побери! – огрызнулся главарь. – Ищите на деревьях! Похоже, он забрался на одно из них.

Я не стал ждать, когда они додумаются войти в туман, и побежал к ближайшей банановой роще, где и спрятался.

Просидел я там долго, но ничьих голосов больше так и не услышал.

Наконец я осмелел и выглянул из зарослей – никого. Я приблизился к стене тумана, осторожно прошёл сквозь неё и огляделся: лестница была безлюдна, лишь внизу едва виднелись четыре точки – удаляющиеся бандиты.

Вздыхнув с облегчением, я поднял с земли большое красное яблоко и стал лихорадочно грызть его, думая, что же мне делать дальше.

Оставаться на лестнице было опасно. Мне ещё повезло, что у тех негодяев не было ружья или пистолета – а то бы мой труп уже истекал кровью на этих ступенях. Но нельзя быть уверенным в том, что мне не встретятся вооружённые разбойники... Или даже каннибалы... Нет, пора определяться: призрачная удача или жизнь? И тут меня осенило: я понял, что значит выражение «простая жизнь»! Это когда просто стремишься выжить и найти вкус в том, что у тебя есть, и не бежишь сломя голову за славой, деньгами или светлой полосой! Это же так просто! Слишком просто, чтобы казаться очевидным.

Окрылённый этим открытием, я решительно прошёл сквозь туман и, чувствуя в сердце бурю радости, зашагал по лугу. Меня тянуло к реке, к её мудрому покою. Я больше не искал удачи, не мечтал о счастье, придуманном философами и писателями, мне вдруг стали непонятны и неинтересны суетливые люди, причины их желаний и поступков. Я шёл не туда, куда направил меня шеф компании, президент страны или клоун Стив, пусть даже он работает в небесной фирме архангелом, – а туда, где ждала меня река. И не было в этом стремлении ни причин, ни поводов, ни корысти, ни придуманной кем-то религии – только голое желание остаться один на один с тихой красотой.

Однако, не дойдя до реки, слева от себя, за кустом розы, я увидел небольшой одноэтажный дом. И вновь испугался, да так сильно, что сел на корточки, раздумывая, где бы мне спрятаться, – ведь и хозяева этого дома могли быть злодеями.

«Чёрт, в каком мире я живу! – думал я, подползая под защиту куста. – Приходится бояться людей даже в безлюдных местах. Особенно в безлюдных местах! До чего же мы докатились!»

Я лежал, не сводя глаз с дома. Он был ухожен и выкрашен в приятный салатовый цвет. Правда, лужайку перед ним давно не стригли, но это не портило приятного впечатления.

Прошло, наверное, больше часа, а никаких признаков жизни я так и не заметил. И решил рискнуть, обследовать дом поближе. Встал и, опасливо оглядываясь, подошёл к крыльцу. Дверь в сени была открыта, а пол устлан толстым слоем пыли. Значит, уже год, а то и два не ступала на эти доски нога человека.

Совсем успокоившись, я вошёл в дом. Всего одна комната, но такая уютная! Кровать застелена. Между двумя окнами – шкаф, полный книг. Рядом с очагом – полка с посудой. Если бы не пыль и паутина, можно было бы подумать, что хозяин, наведя порядок, только что вышел во двор.

Я был рад находке и подумал, что это и есть долгожданная удача, и другой мне не нужно.

Когда же, смахивая пыль с мебели и подметая пол, я обнаружил в сенях удочку, радости моей стало тесно в сердце, и она вырвалась из горла громкими восклицаниями и смехом. Неужели всё это моё? Неужели ещё при жизни я попал в рай? Не на лестницу, по которой можно лишь тупо идти и идти без конца, опасаясь повстречать разбойников, а в настоящий рай! И что из того, что я здесь один? Наверное, так и должно быть, только я и достоин такого рая...

Накопав во дворе червей, я пошёл на рыбалку и обрадовался ещё больше, наловив дюжину крупных рыб.

«Нет, я отсюда никуда не уйду!» – решил я, готовя на плите ужин.

44

И всё же через два дня безмятежной, поистине эдемской жизни я начал скучать по людям. Разум убеждал меня в том, что этих непредсказуемых, эгоистичных существ следует избегать, а сердце ныло: но ведь не все они плохие, есть же среди них и те, кого смело можно назвать другом, любовницей, женой, в конце концов...

На четвёртый день я не выдержал и вернулся на лестницу. И как раз вовремя – ко мне спускалась молодая женщина, красивая, но явно утомлённая долгой дорогой. Она была одета в джинсовый костюм и несла на спине оранжевый рюкзак. Приблизившись ко мне, она смерила меня недоверчивым взглядом.

– Добрый день, – смущённо проговорил я.

– Привет, – кивнула мне женщина и, не останавливаясь, продолжила спуск.

– Вы за удачей идёте?

– Да, – обречённо кивнула мне она.

– Судя по вашему печальному лицу, вы не очень-то уверены в успехе...

Она остановилась и, немного подумав, подошла ко мне.

– Вы правы. Много дней иду и уже начала сомневаться.

Я был рад, что она не побрезговала общением со мной, и решил отговорить её от продолжения бессмысленного пути:

– Один старик, что идёт снизу, успел уже обрасти длиннющей бородой. Так что, похоже, долго придётся вам спускаться по этой лестнице.

– Когда-нибудь она кончится, – отрезала женщина, но её слова показались мне пустым заклинанием – не услышал я в них уверенности.

– А если не кончится?

– Нет, – замотала она головой, испуганно глядя на меня, как будто я оскорбил её сокровенную мечту, – не может этого быть...

– Не может, потому что этого нет, или потому что вы верите в противоположное?

Она пожала плечами:

– Я верю в милость Бога. Он не оставит меня в беде...

– Но того старика почему-то оставил! – воскликнул я.

Её непонятливость раздражала меня. С досады я едва не плюнул себе под ноги. «Успокойся», – приказал я себе, а вслух произнёс, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мягче:

– Вы ведь уже убедились в том, что нет в природе таких высоких гор, с которых приходится спускаться месяцами. А эти ступени, плодовые деревья и кусты – кто, по-вашему, способен соорудить всё это? Какой сверхбогатой компании это по силам? И главное, для чего?

В глазах женщины загорелись искорки понимания. Она словно вынырнула из густого, тяжёлого сна.

– Вы хотите сказать, что всё это магия?

– Не знаю, – признался я. – Магия... или мы попали в рай... или так выглядит преисподняя...

– А где в таком случае черти?

– Кто их знает? Может быть, наблюдают за нами с неба и хохочут, любуясь нашей глупостью, нашим легковерием... Вам не сдаётся, что спуск или подъём по этой бесконечной лестнице и есть обещанные муки, уготованные грешникам?

– Так что же нам делать?

Мы уселись на траву в тени дерева, и мне было так хорошо и спокойно рядом с незнакомкой, всё более склонявшейся к принятию моего взгляда на вещи. Я уже открыл было рот, чтобы рассказать ей о доме на берегу реки, но внезапно послышались чьи-то шаги.

– Марта, и ты здесь? – раздался весёлый женский голос. Я глянул налево и увидел остановившихся в пяти шагах от нас высокого красавца лет тридцати и совсем юную привлекательную девушку.

– Дженнифер! Роберт! Как вы здесь оказались? – воскликнула моя собеседница и вскочила на ноги. – А мы тут обсуждаем... Короче, мы пришли к выводу, что эта лестница – сплошное надувательство, козни дьявола...

– Да ладно тебе! – прервала её со смехом Дженнифер. – Что за пессимизм! На тебя это не похоже. Скажи лучше, долго ли ты идёшь?

– Два месяца... Может, дольше.

– А этот парень? – бесцеремонно кивнул на меня Роберт.

– Я его не знаю. Кстати, – обратилась Марта ко мне, – когда ты начал спуск?

– С неделю назад.

– А вы? – спросила она только что пришедших.

– Мы уже две недели топаем. А что?

– Странно, – задумчиво проговорила Марта.

– Что в этом странного? – Дженнифер глядела на нас удивлённо и недоверчиво.

И тут я решил объяснить непонятливым людям, что они как были неудачниками, так и останутся ими, сколько бы ни стремились к удаче:

– Странно здесь то, что, логически рассуждая, мы никак не могли встретиться в этой точке...

– Это почему? – состроив наглую физиономию, перебил меня мужчина.

– А вы сами посудите, – продолжал я. – Вы начали спуск с первой ступени лестницы две недели назад, Марта вышла оттуда же два месяца назад, а мне для преодоления этого же расстояния понадобилось меньше недели. Ответьте мне, как такое возможно?

– Ну, не знаю... – Лицо Роберта застыло в тупом недоумении двоечника, не знающего урока.

– Да перестань ты путать нас! – отмахнулась от меня неунывающая Дженнифер. – Терпеть не могу эту математику. В ней сам чёрт ногу сломит...

– Вот именно чёрт, – пробурчал я.

– Всё, хватит разводить тут пессимизм! – В больших чёрных глазах Дженнифер вспыхнуло столько презрения и гнева, что я сжался. – Марта, не слушай этого паникёра. Наверно, ему нравится путать людей. Посмотри на него, он же ловит кайф от твоего уныния. Садист проклятый! Пойдём лучше с нами. Втроём веселее.

Она схватила Марту за руку, и та послушно, правда, с явной неохотой, последовала за друзьями. И ни разу не оглянулась на меня. Увы, не убедили её мои доводы, не сумел я снять с её испуганного разума железный шлем упрямой веры в невозможное, а она даже не попыталась найти выход из тупика...

– Да, да, именно так! – воскликнул я. – Лестница – самый настоящий тупик, теперь я в этом не сомневаюсь. Неужели из десятков, а, возможно, и тысяч топающих по этим ступеням лишь я один понял это?

Я смотрел на уходящую от меня троицу, верящую в то, что движениями ног, рук или языка возможно достичь удачи, счастья, а быть может, и вечной жизни, и слёзы текли по моим щекам. Но я оплакивал не горечь одиночества,

а бессмысленные перемещения тел и душ, надежд и вер, мечтаний и заблуждений, называемые почему-то жизнью.

Наконец я стряхнул с себя мрачные мысли и вошёл в туман. Но не успел выйти из него на другую сторону, на сторону своего личного Эдема, как услышал какой-то писк, доносящийся с лестницы.

«Какая-то странная птица пытается исполнить арию любви, – подумалось мне. – Хотя бы сперва петь научилась».

Я уже покинул стену, но писк повторился, уже громче и настойчивее.

Может быть, птенец выпал из гнезда? Надо бы помочь бедняге.

И я вернулся на лестницу. И остолбенел от изумления: на ступени растерянным, испуганным комочком сидел маленький котёнок и жалобно мяукал, глядя на меня желтовато-зеленоватыми глазами. Он был серый, с белым пятном на груди и белым кончиком хвоста. Точь-в-точь моя Снуффи, кошка, которую недавно переехал грузовик! Я вырастил её из такого же беспомощного комочка и полюбил как лучшего друга, да и она меня любила так сильно, что, когда я возвращался с работы домой, она не отходила от меня ни на шаг, ночью спала в моей постели, мурлыча у меня под боком, а по утрам будила меня, облизывая мне нос.

Но откуда взялся котёнок на этой лестнице? Может быть, его оставили те двое, Дженнифер со своим мужчиной? Или он вылез из рюкзака Марты? Но почему я сразу его не заметил?

И вдруг я замер, поражённый фантастической мыслью: а что если я уже умер и поэтому попал на лестницу, которая может стать адом для тех, кто продолжает бежать от себя, или раем для тех, кто нашёл лазейку из этой порочной бесконечности? А погибшую Снуффи Бог, истинный изобретатель и хранитель этого умопомрачительного сооружения, подкинул мне в виде котёнка, чтобы я и после смерти заботился о ней. Эта гипотеза показалась мне до смешного нелепой, но, когда я вдумался в неё, она окрасилась в привлекательные цвета и наполнилась радостью.

Я поднял со ступени котёнка, сунул его за пазуху и, громко напевая «Лестницу в небо», поспешил в дом у спокойной реки.

– Привет тебе, подружка Снуффи! – войдя в дом, говорил я котёнку, пригревшемуся у меня за пазухой. – Теперь-то мы с тобой заживём по-

настоящему. Я буду рыбачить, а тебе давать рыбки хвосты, головы и потроха. А за приличное поведение ты будешь получать и филе щуки.

И всё же, как ни весело мне было в те благословенные минуты, я не стал отгонять от себя и печальной правды. Я понимал, что через несколько дней меня снова потянет к людям, и я не раз ещё буду возвращаться на лестницу, осторожно выглядывать из стены тумана и завязывать разговор с теми людьми, кто не вызовет у меня подозрения. Но уже не стану убеждать несчастных в том, что они не правы и что выбрали неверный путь вверх или вниз. Я буду просто жить, любить Снуффи и ждать того, кто не ищет ни власти, ни славы, ни денег, ни коварной удачи, но кому просто нужен близкий человек.

Специальный конкурс прозаических произведений (проект «ПАС»)

Мама
Наталья Сафронова

Рита Сорокина еще раз прочитала план сочинения. Цвет глаз, волос, характер... Она знала, конечно, что у мамы голубые глаза и русые волосы, но предложения не складывались. Рита снова посмотрела на доску: за что я люблю маму? Потом покосилась на Светку Китайцеву. Та строчила, закрыв тетрадку от Риты ладошкой, как будто она будет списывать про Светкину маму, у нее своя есть.

У Риты есть больше, чем у Китайцевой: отец, брат и бабушка. Бабушка была главой семьи, это признавалось даже отцом. А выражалось в том, что бабушку беспрекословно слушались, а если и делали по-своему, то давали ей все-таки высказать свое мнение и обещали подумать. Мама, например, вышла замуж за папу, хотя бабушка была категорически против, потому что у папы не было высшего образования и даже мало-мальского честолюбия, он был простой рабочий. А потом мама всю жизнь размышляла, не поторопилась ли она, может быть, бабушка была права. А папа не спешил доказать теще, что она ошиблась, навесив на него ярлык неудачника, он вообще ничего и никому не хотел доказывать, а просто жил в свое удовольствие. После работы любил выпить рюмочку, а в выходные уходил на рыбалку, наслаждался общением с природой. Рита не принимала ничью сторону, но надеялась, что сама она будет жить интересно и ярко, еще не знала, как именно, но мечта в ее душе росла и крепла, и когда-нибудь обязательно должна была стать реальностью.

А Светка Китайцева нашла дома документы об удочерении и под честное слово поделилась с подругой. Такую страшную тайну доверила, а сочинение прячет, интересно же, что она там пишет. Кстати, Рита никому ее тайну не выдала, Китайцева сама разболтала девочкам. И только позже выяснилось, что все выдумала про удочерение. А Рита уже согласилась поехать с подругой в областной детский дом, на родину. Светка так и сказала: на родину. Инна Юрьевна вызвала в школу Светкину мать, о чем-то с ней беседовала. Рита с Китайцевой стояли под дверью, но ничего не услышали. Инна Юрьевна потом сказала Светке:

– Китайцева, с комсомолом в этом году придется повременить, поработать над сознательностью.

Рита посмотрела на подругу испуганно, у нее самой на фартуке уже красовался комсомольский значок. Светке четырнадцать исполняется через месяц, она была на очереди, и вдруг такой приговор! Но Китайцева на заявление

учительницы даже бровью не повела. Повременить – значит, повременить, она никуда не спешит.

После школы Рита приходит домой, бабушка кормит ее обедом и отправляет гулять. Рита хочет сначала сделать уроки, но бабушка непреклонна:

– Детям нужен свежий воздух.

Рита одевается и идет к подруге, Светка живет этажом ниже. Они переодеваются в мамины платья и красятся маминой помадой. Платьев и помады у Светкиной матери много, где она их только берет, говорит про нее Ритина мама. Мама Риты была похожа на всех мам их класса, с шестимесячной завивкой и в платье из универмага «Рубин». Света побрызгалась духами «Тайна рижанки» и прошла по комнате походкой манекенщицы. Потом сказала:

– Сорокина, приходи ко мне ночевать.

– Ты одна сегодня? – спросила Рита.

– Мама поздно придет, – кивнула подруга.

На самом деле, если Светина мама задерживалась допоздна, то ее подвозили на машине. А мама Риты в это время почему-то всегда оказывалась у окна, как будто ждала ее. Рита тоже смотрела, в памяти всплывало «дыша духами и туманами», это про нее, про Светкину маму. Они в школе Блока еще не проходили, но Рита читала. Светкину маму звали Тамара, имя Рите тоже казалось нездешним. Тетя Тамара работала в библиотеке, Рита к ней приходила, брала книги по школьной программе и что-нибудь еще. Тетя Тамара давала ей томик Есенина. А однажды Рита показала ей свои стихи:

«Я к тебе не вернусь – не зови...»

Не вернулась... и звать перестал...

Я хожу меж обломков любви,
где когда-то шумел первый бал,
где когда-то играл первый вальс,
золотая летела листва...

В первый раз, помнишь ты, в первый раз
были сказаны нами слова...

Тетя Тамара прочитала и улыбнулась.

– Очень хорошо, – сказала она протяжно, возвращая Рите листок со стихом. Глаза ее затуманились, и Рита поняла, что тетя Тамара знает о любви все. Своей маме девочка не стала показывать стихи, но та сама нашла.

– Меж каких обломков ты ходишь? – испуганно спросила она.

Рита не ходила, конечно, между обломками, но мечтала о встречах и расставаниях. О свадьбе и детях мечтать было еще рано, а о любви в самый раз. И чтобы вот такие духи и платья, как у тети Тамары.

Мать не поощряла дружбу дочери со Светой и неохотно отпускала к ней ночевать. Но девочки просили, она соглашалась. Китайцева сразу начинала играть в гостеприимную хозяйку, затевала печенье или жарила творожные пончики. Она именно играла, искренне и по-настоящему, и хотелось ей подражать. Неожиданно говорила:

– Представляешь, это печенье – волшебное. Я кладу в него колдовскую травку, собираю летом, сушу и добавляю в тесто, она исполняет желания.

Получалось, что у нее все иное, чем у других, и даже печенье особенное. Рита точно знала, что никакой травки там нет, но почти верила подруге.

– Я съем печенье, и твой Димка в меня влюбится.

Димка – это Ритин старший брат, он служит в армии, никто и предположить не мог, что Китайцева в него влюблена. Может быть, она и сама раньше об этом не догадывалась. Но сейчас пристала к Рите, как банный лист:

– Давай напишем Димке письмо!

– Что именно мы ему напишем?

– Пиши, что хочешь, а от меня передай привет, – мечтала Светка. – В следующем письме я сама сделаю маленькую приписочку. Он привыкнет, будет ждать от меня вестей.

– Вообще-то, у него есть невеста, Оля на проводы приходила, – осторожно уточнила Рита.

Светка помолчала, выложила на тарелку печенье с противня, потом сказала:

– Ну и что? Я – это совсем другое. Такой, как я, больше нет. Димка это поймет когда-нибудь.

Рите тоже нравился мальчик из десятого, он ходил с девушкой, приглашал ее на школьные дискотеки. Семиклассников на эти вечера не звали, но девчонки находили предлог, чтобы оказаться в школе, заглядывали в актовый зал.

Инна Юрьевна спрашивала:

– Сорокина, что ты здесь делаешь?

Рита мгновенно терялась, но Светка выкручивалась:

– Инна Юрьевна, она со мной, я физкультурную форму в раздевалке забыла.

Рита видела, как Саша танцевал с девушкой, обнял ее за талию, и они качались под музыку, как водоросли в реке. Рита откусила печенье с волшебной травкой и представила себя на месте Сашиной девушки, пусть сбудется.

– А где твой папа? – спросила Рита подругу.

Светка посмотрела в окно, словно именно там прятался ответ вопрос.

– Далеко, в другом городе. У них с мамой была большая любовь, потом им пришлось расстаться, – неопределенно ответила она.

Рита так и знала, что у тети Тамары была большая любовь. В этот момент Рита как-то особенно остро позавидовала подруге. И тому, что у нее такая красивая мама, и что у ее родителей была трагическая любовь, и даже ее нелепое увлечение Димкой казалась Рите загадочным и достойным восхищения.

Становилось очевидно, что Китайцева будет носить модные платья и ездить на машине, а Рита подсматривать за ней из-за занавески.

Ночью Рита проснулась оттого, что хотелось пить. Она пошла на кухню за водой и замерла от неожиданности. В окне сияла огромная луна, и вся кухня словно была заполнена призрачным светом. За столом сидела Светкина мама. По лицу у нее текли слезы, одна слезинка скатилась по носу и упала в чашку с чаем. А может быть, это была чашка для слез. Рот у тети Тамары кривился от сдерживаемых рыданий, но она молчала, и от этого было как-то особенно страшно. Как будто ей нельзя пожаловаться, а может, некому.

Рита оделась и ушла домой. Дома все спали, даже папа не пошел на рыбалку, хотя завтра воскресенье. Рита лежала с открытыми глазами, думала, может, попросить папу взять ее с собой в следующий выходной?

Урок подходил к концу, надо собраться с мыслями. Китайцева настрочила уже половину тетради, и судя по вдохновенному выражению ее лица, до финала далеко. Сорокина сосредоточилась и написала, что у мамы голубые глаза и русые волосы. Мама похожа на бабушку, а Рита на маму. И у мамы замечательный характер, потому что она никогда ничего не запрещает, а объясняет и терпеливо ждет, когда ты сама примешь решение. А когда мама ставит горчичники, то обязательно садится рядом и гладит тихонько по голове, поэтому болеть с ней очень уютно. А когда брата провожали в армию, то приходил фотограф. Он сказал, что любит родовые гнезда, потому что на фотографии особенно ощущается родство. Этот снимок у них сейчас под стеклом и в рамочке, и сразу видно, что это семья, а не случайные чужие люди.

Память
Туранга

Сижу, никого не трогаю, примус починяю. Точнее, не сижу, а вишу, и примус не починяю, но никого не трогаю – это точно. А, может, и трогаю, недаром возле меня словесные битвы разгораются.

- Она мне не нравится!
- Зато мне нравится!
- Она портит интерьер!
- Это ты интерьер портишь!

Дальше лучше не слушать – результат известен заранее. Победителем, как обычно, остаюсь я, наслаждаясь триумфом.

Но я не гордая, могу и в углу постоять. Однажды так и произошло. Правда, стоять мне пришлось недолго. А помогло восстановить справедливость солнце! Могли бы сделать ремонт, но вернуть меня на место было проще.

Помните Простоквашино?

- Какая польза от этой картины?
- Она дырку в обоях загораживает!

Я дырку в обоях не загораживаю. У нас и обоев-то нет. Я просто вишу очень долго.

Меня – в угол, а на стене немым укором остался «квадрат Малевича». Ну, разумеется, Малевич розовые квадраты не рисовал. И, вообще, человек, хоть немного знакомый с геометрией, скажет, что это не квадрат, а прямоугольник. В тот раз дело закончилось компромиссом:

- Купим новую картину после ремонта. А пока давай повесим эту?

С тех пор грядущий ремонт стал моим ночным кошмаром. Я видела в мельчайших подробностях, как чужие люди выносят в другую комнату мебель, а картину – меня! – на помойку. Я лежу под открытым небом, по мне топчутся люди и животные, коварный дождь размывает и без того блёклые от времени краски, плотный картон размокает и превращается в бесформенную жижу под ногами. Бррр!

Если бы я могла говорить, я бы обязательно закричала:

- Люди! Вы не по картине топчетесь! Вы топчете художника, который вложил в меня душу!

Но я не могу говорить, поэтому молча страдаю и плачу ночами. К утру слёзы высыхают, оставляя после себя еле заметные полосы. И только женский пронизывающий взгляд может их заметить.

- Это похоже на следы слёз.

– Не смейся меня, дорогая. Не надо вкладывать душу в неодушевлённые предметы.

Жалкий глупец! – не в предметы, а в свой труд! Я потому и нравлюсь людям, что в меня вложена душа неизвестного художника.

Час икс настал! Именно так всё и происходит – незнакомые небритые мужики с запахом табака и перегара, чертыхаясь и матерясь, выносят мебель в другую комнату. Меня снимают со стены, обнажив «квадрат Малевича», который когда-то спас меня от незавидной участи. Я бросаю на него прощальный взгляд – увы, больше он мне не союзник.

Неужели?! Уф, кажется, опять пронесло. В соседней комнате темно, пыльно и тесно. Но я дома, дома! Да, это мой дом! Я здесь вишу больше тридцати лет и помню хозяйку маленьким ребенком.

Вот он – час моего торжества! Меня вносят в комнату и водружают на прежнее место. Как приятно висеть на пахнущей чистотой стене!

– Мы вроде хотели купить новую картину?

Я ему определённо не нравлюсь. Что я ему сделала?!

– Мы потратили на ремонт больше, чем планировали.

Ты просто умница! Я люблю тебя ещё больше, чем прежде!

55

Прошло совсем немного времени, когда я услышала фразу, которая окончательно решила мою участь.

– Дорогая, после ремонта картина смотрится иначе. Она делает комнату уютнее.

Давно бы так!

Я начинаю понимать, почему ремонт делали в таком темпе – в семье долгожданное пополнение.

Малыш активно осваивает пространство. Мама показывает на меня и говорит:

– Эту картину нарисовал твой дедушка.

Вот оно что! – я память об отце!

Как быстро летит время! Маленький сын хозяйки взял в руки карандаш и нарисовал – кого бы вы подумали? – меня! Ну, мама с папой там тоже, конечно, есть, но – самое главное! – я в сердце маленького хозяина!

Мечты, мечты! Я уже вижу, как он вырос и стал известным художником. Все стены увешаны картинами, а на самом почетном месте вишу я. Хозяин показывает меня гостям и говорит:

– Эту картину нарисовал мой дед. В детстве я часто смотрел на неё и мечтал стать художником.

Что изображено на картине? – спросите вы. Разве это имеет значение? Я – просто память.

Зеленая книга

Marara

Увидев шатер, Лиз заныла, словно она мечтала о нем с самого рождения. Пит поморщился, как от зубной боли. Обычно детей выводила гулять его жена, и она явно избаловала девочку. Сын, Сэм, вел себя куда лучше. Но и он, похоже, был не прочь взглянуть, что скрывается под вывеской «Иллюзион» и за полотняными бордовыми стенами тента.

– Фильм-сказка, наподобие Диснеевских, живое шоу, музей иллюзий, – бодро отрапортовал толстяк-индус на входе, – билет – 15\$. Детский – 10\$.

– У тебя остались деньги, Сэм? – строго спросил отец. Сэм мотнул головой и замер, ожидая выволочки: он должен был учиться «разумно распределять расходы», но они уже полдня гуляли по ярмарке, оплачивая разные аттракционы. У него в кармане осталось лишь 3 жалких доллара; он никак не ожидал, что встретится еще один аттракцион, да еще такой заманчивый!

Питу стоило, конечно, просто развернуться и уйти, преподнеся урок бестолковым чадам, но бордовый тент был сюрпризом и для него самого. Баскетбольный матч по телику вот-вот начнется. Пока он дотащит детей до дома, игра наверняка кончится. А тут, неподалёку живет приятель со сносно работающим телевизором и неплохим баром – почему бы его не навестить? А во время матча Сэм вполне присмотрит за малышкой в шатре – они никуда из него не денутся...

57

– Сэм, купи! – канючила Лиз, протягивая ему огромную книгу сказок с иллюстрациями. Сэм лишь нервно сглотнул. Он обожал сестру. Одиноким, мечтательным подростком, он не был популярным в компании сверстников, а сестра с восторгом слушала его фантазии и охотно принимала участие во всех играх. Он был в ее глазах героем, если не волшебником, но никакой героизм не мог превратить 3 доллара в 16. Продавец в чалме, стоявший за прилавком, с интересом наблюдал за ними: покупателей было мало, их оттянуло на себя очередное шоу с фокусами.

– Сколько у тебя денег, малыш? – сочувственно спросил он мальчика. Сэм выгреб из кармана весь свой капитал; продавец задумался и ласково произнес, – На ту, дорогую, явно не хватит. Но у меня есть и подешевле.

Он достал из-под прилавка три большие тетради в разноцветных обложках.

– Эта – желтая – сказки пустыни; синяя – о море, зеленая – джунгли, луга... Какую хочешь?

Сэм протянул руку к зеленой; она была побольше других.

– Но тут черно-белые картинки! – огорченно воскликнул он, наскоро пролистав страницы, – Тут и язык – не наш! Я не знаю букв, – как читать сказки?

– Имеющий воображение – не нуждается в алфавите, – медленно протянул продавец, и в черных непрозрачных глазах его что-то блеснуло – он любую историю прочтет сердцем. Ты сам найдешь цвета для иллюстраций; но сказка становится частью жизни купившего такую книгу. Иллюзии – не безобидны; они меняют и их владельца. Берешь?

Сэм хмуро протянул деньги и Лиз просияла: хоть что-то да купил!

Родители громко спорили за стеной. Сэм спал, как убитый, а Лиз, проснувшись, напряженно вслушивалась в раздраженные голоса. Она по опыту знала, что плакать в такие минуты не стоит: папа слишком зол и рассердится еще больше.

– Парень совсем разболтался, – рычал Пит – сплошные «Ди». И математика, и химия...

– Мальчик – гуманитарий, – жалобно возражала мама, – его последний английский тест – на «А». И рисует прекрасно!

– Вот-вот, рисует! Занимался бы уроками, а не рисовал... Все его проклятая зеленая книга!

– Ох! Как ты мог, Пит! Что мы скажем Сэму, когда он проснется!

Сэму снились джунгли: зеленые, праздничные. Сквозь просвет в кронах пробивались мощные лучи солнца, и мох на позеленевших от старости стволах казался бархатным, как занавес в театре. Актеров – веселых дикарей с их вигвамами пока не было видно за этими мощными стволами-колонами, но они вот-вот выйдут на сцену, как не раз бывало и раньше... Неожиданно небо полыхнуло алым, как на закате. В просветах между стволами заметались языки пламени и огромный огненный смерч понесся ураганом вдоль деревьев, охватывая и руша их на землю. Между падающими стволами носились испуганные звери и туземцы. Но стоило языку пламени лизнуть их, они мгновенно вспыхивали и тоже падали, рассыпаясь черным пеплом. За пару минут джунгли превратились в черную выжженную пустыню, плоскую, как поверхность стола. Сэм в ужасе закричал, но даже эхо ему не ответило.

Лиз осторожно вытащила книгу из шкафа. Она была угольно-черной, как и весь предыдущий месяц. Сэм так и не проснулся тогда, и врачи ничего не смогли сделать. Кома, да...

А она в то утро пробралась к остывшему камину и увидела, что книжка не сгорела: просто страницы стали гладкими и черными – ни букв, ни картинок. И акварель не оставляла на них следов. Но ей на день рождения подарили гуашь. Вот она. Гуашь – густая, а что за книжка без картинок? Сэм любил картинки! Девочка обмакнула кисточку в воду и окунула ее в баночку с зеленым цветом. Закрасив обложку, Лиз занялась первой страницей: желтое солнышко в бороде лучей, синее небо, зеленая яркая травка. Очень большой человечек-мальчик и маленький человечек-девочка в треугольной юбке. Она и Сэм.

Дверь заскрипела, и Лиз испуганно оглянулась. В проеме двери покачиваясь стоял Сэм, такой худой и бледный после его странной болезни. Он ей улыбался.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 1

Диктатура совести

Андрей Яковлев

– И кто бы это мог быть?.. – задумчиво протянул Макс, когда две тёплые ладошки закрыли ему глаза.

Сзади засопели, но ответа не последовало.

– Катя? Аня? Оля?.. А, я знаю! Марина, это ты, что ли?

Сопение стало громче.

– Сдаюсь! – сказал Максим и быстро повернулся.

– Пахомов, ты нагло издеваешься надо мной! – сказала Ленка. – Тут ещё какие-то Ани, Кати и Марины ожидаются? И Оли в придачу?

– Ага. А ещё Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта и Жоржетта, – добавил Макс и улыбнулся.

– Шутник! – засмеялась Лена. – Ну что, пойдём? Посмотрим на что ты меня пригласил... И пока твои Жанетты не подошли – позвольте взять вас под руку...

На афише было написано «Михаил Шатров. Диктатура совести». В газетах и на экранах телевизоров пестрели слова «гласность» и «перестройка».

60

В течение всего спектакля Пахомов косился на соседку, не особо обращая внимания на то, что происходило на сцене. Намного интереснее было наблюдать за тем, как на лице Лены отражались и сменялись эмоции от спектакля, как она улыбалась и хмурилась, не отводя глаз от разворачивающегося действия. Перед тем, как пойти на представление, Пахомов уже прочитал пьесу – и потому не опасался попасть впросак, если бы его спросили, о чём она. Нет, он опасался другого, он опасался не выдержать...

Лена Минина появилась в их группе год назад, переведясь из Омского университета. Её отца, подполковника, лётчика, прикомандировали в качестве военпреда к одному из НПО родного Пахомову города. А вместе с главой семейства, в город приехала и его семья, в том числе и Леночка, изящная и хрупкая девушка с неуловимой ноткой восточной красоты, влекущей и завораживающей своей необычностью. Парни засматривались и хорохорились, девчонки бешено ревновали. Однако новая сокурсница быстро и бесконфликтно вошла в коллектив, – и хотя влюбляла в себя она по-прежнему, но «страсти по Лене» как-то нормализовались и приутихли... хотя и не без рецидивов.

Когда Максим увидел новую сокурсницу – влюбился сразу. Внешность, походка, улыбка, повадки, то, как она строила фразы и о чём она говорила, – его привлекало в ней всё. Макс даже растерялся. А вот Лёха Авдонин, лучший друг Макса – не растерялся. Он первым подошёл к новенькой, о чём-то спросил, та ответила... и тем же вечером, после последней пары, Лёшка сказал: «Прикинь, Макс, я влюбился!».

Внутри похолодело. «Табу! Чёрт возьми! Лёха – лучший друг. Ну что же я так медлил?! Какой же я дурак!"

И начался кошмар. Началось раздвоение – борьба воли с чувством.

И, тем не менее, они общались. Они даже стали как-то по-дружески близки. Но и влюблённость никуда не делась. Лена чуть ли не каждую ночь снилась Максиму, а днём при взгляде на неё, сбилось дыхание. Сдерживаться и не показывать свои чувства, было трудно. Особенно, когда ему казалось, что подруга и сама поглядывает на него с интересом, – а такое периодически случалось. Но Макс держался.

На день рождения, зная любовь подруги к театру, Макс, помимо прочего, подарил парочке дефицитные билеты на завтра, на вызывающий ажиотажный интерес спектакль. Ленка обрадовалась, а Лёха сказал: «У меня лабы будут, старик. Пересдача. Я не смогу, так что ты сам иди вместо меня. Если хочешь», – и он пристально поглядел на Макса, а затем перевёл взгляд на Лену. Оба кивнули – и вот, в результате, они теперь сидели рядом, на пятом ряду партера, и Пахомов любовался Леночкой, испытывая одновременно и счастье, и нечто, схожее с тоской.

После спектакля Максим провожал подругу домой. Оба были задумчивы, разговаривали мало. А когда подошли к её подъезду, Лена сказала: «Спасибо тебе», – и внезапно потянулась к Максиму. Теряя голову, Макс обнял Леночку и поцеловал её губы. Но длилась эта неожиданная близость недолго. «Извини, больше этого не повторится, – отстранившись, сухо сказал Максим, – Тебе тоже спасибо. Спокойной ночи!» После чего он повернулся и, стараясь твёрже держаться на ногах, пошёл прочь.

С этого момента Пахомов стал стараться избегать общения с подругой. Получалось не всегда, но тем не менее... Слово «табу» продолжало доветь.

Через полгода курс разъехался по разным городам на практику. Потом были госы, сдачи дипломов... На выпускной бал Максим не пошёл, страшась встречи и разговора с Леной. Да и с Лёхой встречаться не хотелось.

Распределение было в другой город. Но и там Леночка не забывалась. Поэтому, в первый раз приехав в отпуск, Максим сразу пошёл в гости к другу – узнать кто где, а если уж быть откровенным перед собой, то ради того, чтобы вновь увидеть именно её, Лёну. Лёшка дома был не один, а с какой-то девицей. Отозвав друга в сторону, Макс спросил:

– А как же?..

– А Лена всё, – пройденный этап.

– Ушла от тебя?

– Нет, Макс, я ушёл. А ты – дурак. Она ведь тебя любила. Но теперь поздняк метаться, замужем она. Два месяца назад вышла. Говорят, ребёнка ждёт.

Максим посмотрел на спокойное лицо друга – и со всего маху ударил по нему, разбивая в кровь и лицо, и костяшки кулака. Лёха обмяк и упал. Максим молча вышел из квартиры. Через два дня он, прервав отпуск, вернулся к месту работы.

По прошествии полугода Пахомов женился, чтобы через два года развестись...

Лена снится ему до сих пор.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 2

Тимофей
Наталья Сафронова

Тимофей бежал за Антониной, истошно кричал:

– Ты куда пошла, хозяйка? Бросить меня хочешь?

– Грозный у тебя мужик, – покачала головой соседка.

– Здравсти, баба Шура, – поздоровалась Антонина. С горделивой усмешкой покосилась на Тимофея:

– Догоняй давай! Жду!

Тимофей в два прыжка догнал хозяйку, потерял о ноги, замурчал.

– Болеет Веня-то? – спросила баба Шура.

– Болеет, – вздохнула Антонина. – Сейчас пива ему куплю.

Баба Шура снова покачала головой. Антонина с Тимофеем отправились в магазин. Веню Тимофей не любил. Зачем хозяйка держит это животное, ему было непонятно. Морда у Вени всегда красная, недовольная. Ходит Веня, покачиваясь, под ноги не смотрит, того гляди лапы отдавит. Еще и воняет! Тимофей брезгливо морщит нос, но идет за хозяйкой след в след. Антонина купит ему в магазине сосиски. Утром Тимофей принес хозяйке мышь, снисходительно переждал восхищенные восклицания. Потом отошел в сторонку, улегся под кустом смородины, смотрел, как хозяйка смела мышь веником на совок. Тимофей мышей не ест, честно зарабатывает на сосиски.

Из магазина Антонина свернула на соседнюю улицу, зашла к подруге на кофе. Это был их утренний ритуал. Галина варила в турке эспрессо, разливала по чашкам. Тимофей запрыгивал к Антонине на колени, тянулся носом к чашке, он был кофеман. Хозяйка давала коту понюхать кофе.

– У вас прям любовь, – задумчиво улыбалась Галина. Ловко переворачивала чашку на блюдце. Рассматривала узоры.

– Что там у тебя? – интересовалась Антонина.

– Валерка мой машет, видишь? К себе зовет.

Антонина напряженно всматривается в рисунок.

– Это он тебе говорит: «Даже не думай! Рано еще!» Бабе Шуре вон сто лет в обед – и ничего, живет. А мы с тобой только на пенсию вышли, только жить, можно сказать, начинаем.

Муж Галины умер прошлым летом, и дом словно бы опустел. Сердечко Галины не знало, куда прислониться. Единственно, кенарь Петруша, мужнин любимец, услаждал ее слух пением. Петруша заливался с утра до ночи, чтобы не оставлять хозяйку наедине с грустными мыслями. Понимал, сопереживал, сочувствовал. Сейчас, правда, молчит. Кота, наверное, боится.

Тимофей улегся на полу так, чтобы держать в поле зрения обеих женщин и кенаря. Голову положил на лапы и даже глаза прикрыл, но сквозь сомкнутые веки все видел. Уши чутко фиксировали каждый звук. Женщины щебетали о чем-то несущественном, его, Тимофея, по имени не называли, колбасой не угощали. А кенарь беспокойно возился в клетке. И вдруг выпорхнул! Кот мгновенно взвился в воздух. Раскрыл пасть. И закрыл пасть. Петруша даже чивкнуть не успел. Женщины подняли такой визг, что Тимофей выскочил в окно, выронив бездыханное тельце Петруши.

Хозяйку Тимофей дождался дома. Наблюдал из-под дивана, как Антонина наливает в бутылку вишневую наливку, кладет в сумку сыр с колбасой. Вышел за калитку, посмотрел, куда направилась. К Галине пошла, Петрушу оплакивать. Надо будет встретить. От Вени какой толк? Назюзился уже. Не глядит, куда ступает, того гляди, лапы отдавит.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 3

Строго научное волшебство

Марина Юнг

– Наконец-то! – с облегчением вздохнула миссис Эдвардс, найдя в стопке старых, еще от руки переписанных рецептов заветную пожелтевшую от времени карточку с надписью «Медвежонок».

Почему бабушка Бетси называла этот торт таким смешным именем, никто уже не мог объяснить. Возможно, из-за шоколадного крема, которым намазывался верхний корж, он казался ей похожим на бурого медвежонка.

– То, что надо, – пробормотала миссис Эдвардс, – никаких «быстрых» рецептов из интернета и тому подобной чепухи... и конечно, очень хорошо, что я переписала его от руки. Колдовство наверняка подействует. А уж повозиться с этим тортиком придётся – будьте мне спокойны... да, это как раз то, что надо...

Вот уже две недели, как над городом... да что там, над всей планетой, нависло страшное «нечто». Никто не мог толком сказать, что это такое. Никто его даже не видел, но все ощущали липкий страх, который охватывал всё больше и больше людей – на улицах, в магазинах, в домах и транспорте.

Какое-то время все ждали разъяснения от учёных. Но время шло, а учёные безмолвствовали; единственное, на что они оказались способны в текущей ситуации – это рекомендация всем оставаться по домам, и очень скоро миссис Эдвардс стало ясно: спасение надо брать в свои руки.

– Да что же это за учёные! – возмущённо бормотала она, пока ее руки летали над доской, вымешивая тесто, – вот были же учёные когда-то... Вот скажем, сэр Ньютон... или к примеру сэр Майкл Фарадей. А что уж говорить о таких почтенных джентльменах, как сэр Чарльз Дарвин или сэр Герберт Спенсер... Уж они-то не стали бы отмалчиваться! Конечно же, нет!

Она так распалилась, что в сердцах стукнула скалкой по доске. Сидевший в углу Джаспер дёрнул хвостом и подпрыгнул от неожиданности, но быстро вновь принял важный вид, поскольку был полностью согласен со словами хозяйки.

– Но ничего. Ничего, ничего. Мы и сами справимся, – миссис Эдвардс приступила к раскатке коржей, – мы-то всё сделаем правильно. И не поленимся, нет-нет, будьте мне спокойны... посмотрим ещё, кто здесь учёные...

Один за другим были выпечены четыре коржа. Потом старушка долго и старательно взбивала сметанный крем, добавляя по очереди все ингредиенты, тщательно прописанные в старой карточке витиеватым почерком...

В соседнем доме миссис Томпсон как раз заканчивала выпекать свои несравненные пирожки с грибами, а на соседней улице миссис Харрис и миссис Скотт вынимали из духовок рыбный пирог и плюшки с изюмом...

Чудовище, нависающее над миром, занервничало. Что себе позволяют эти людишки? Они же должны бояться. Сидеть, забившись в свои норы, и смотреть телевизор. И трястись от страха! А они... да что они о себе возомнили!

– Да-да, вот так! – продолжала миссис Эдвардс. Она уже представляла себе, как придет на день рождения внука Майкла. Малыш будет рад «Медвежонку». Как и обе его сестры, Мэри и Мардж. И уж точно всё в этом мире останется на своих местах. Потому что колдовство надо делать правильно. Всё должно быть по науке. Вот так!

Через три дня тортик пропитался кремом, и миссис Эдвардс выложила на нём орехами цифру 6. Малыш Майкл и обе его сестры были очень рады тортику, а главное – приходу бабушки. Потому что с ней можно было порисовать, поиграть в прятки, а иногда даже (пока не видит папа) побросаться мягкими игрушками (только вы никому не говорите!).

Точно так же радовались в эти дни внуки миссис Томпсон, миссис Харрис, миссис Скотт и все остальные дети в городе и далеко за его пределами. Потому что их бабушки и дедушки, мамы и папы как ни в чём не бывало продолжали с ними играть, читать им книжки и готовить вкусняшки. И не только ко дню рождения!

Глядя на всё это, чудовище не выдержало. С каждой маленькой радостью, которая расцветала на земле, оно злилось всё больше и больше. И наконец лопнуло от собственной злости и разлетелось в мелкую пыль, которая просто исчезла во вселенной.

Никто из учёных так и не смог объяснить этот удивительный факт.

И только бабушки всего мира потихоньку улыбались, доставая с полок пакеты с мукой и вчитываясь в очередной волшебный рецепт на старом листке бумаги...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 4

Музыка ветра

Ольга Альтовская

В мире ничего случайного не бывает. Всё, что вроде бы случайно происходит, странным образом влияет на судьбу. Всё взаимосвязано. Порой неудачное происшествие так всё повернёт, что уже и грех его таким называть: ведь оно привело по цепи следующих за ним событий к необыкновенной удаче. В народе давно это заметили, и родилась поговорка «нет худа без добра».

Вот и в этот раз: такая досадная промашка случилась, а вышло-то вон как интересно...

Началось с того, что Аглая опоздала на свой автобус и застряла до вечера в чужом городе.

От нечего делать она зашла в сувенирную лавку неподалёку от автовокзала и стала рассматривать представленный товар. А там всё такое необычное, как в музее: статуэтки из нефрита, настольные часы на подставке из опала, цветы из драгоценных камней, женские украшения, китайские шкатулки и веера. Но один предмет особенно заинтересовал Аглаю, так как она не могла определить его назначение.

– Что это такое? – спросила она продавца.

И продавец, немолодой лысоватый мужчина в очках, похожий на приказчика из старинных фильмов, ей ответил:

– Это музыка ветра. Когда ветер шевелит эти металлические трубочки, они издают звон. Так поёт ветер. Послушайте.

И продавец достал с витрины этот странный предмет. Подвешенные на нитках, трубочки висели свободно и чуть покачивались. Продавец прикоснулся к ним – и лавку наполнил нежный звон: «Блям, блям...»

– Слышите? – сказал продавец. – Ветер может не только выть в непогоду, не только греметь жестью на крыше. Он может вот так чудесно петь.

И снова зазвучало: «Блям, блям...»

Аглая была очарована мелодичным звоном и без сомнений купила этот сувенир. А приехав домой, повесила его в беседке. И сразу же ветер, залетев туда, тронул трубочки и стал ей петь свою волшебную мелодию.

Боже, какой же у него был красивый голос! Как нежно и проникновенно он звучал! Как хрустальные колокольчики, к которым прикасаются стеклянной палочкой!

И в какой-то момент Аглая, слушая этот звон, ощутила что-то странное. У неё в голове стали возникать картины природы, разные города и люди, живущие в них.

Она вдруг услышала и увидела жаворонка, парящего над полем. Потом – лесные тропинки с шёпотом листьев. Всё новые картины рисовало ей воображение. И она поняла, как ей повезло! У неё появился волшебный прибор, с помощью которого она может услышать рассказы ветра о том, где он побывал, откуда прилетел и что увидел! И она сама может это увидеть! Это было похоже на сказку!

Аглая могла часами слушать песни ветра, так они были хороши. И однажды она решила нарисовать то, что представало перед её внутренним взором, то, о чём рассказал ей ветер. Она взяла альбомный лист, краски, и рука сама, будто подчиняясь какой-то неведомой воле, стала изображать услышанное.

«Блям, блям», – начал ветер, прилетевший с востока, свой рассказ. И на листе появились горы в туманной дымке, курносые пагоды, селения и люди, работающие в поле в широких конусовидных шляпах. И Аглая поняла, что это Китай.

А в другой раз ветер прилетел с севера и рассказал о тундре, болотах, усеянных голубикой. И вот на листе, на фоне сопок – олени, жилища людей, узкоглазых и круглолицых, и ярко-голубое низкое небо над ними.

Все, кому Аглая показывала свои работы, удивлялись: откуда она всё это в таких подробностях знает, ведь не бывала нигде дальше своего района.

– Откуда это у тебя? – спрашивали её.

– Ветром надуло... – смеясь, отвечала Аглая.

А ветер всё пел и пел. Аглая не успевала переносить на листы то, что ей он рассказывал. И картины копились.

В какой-то момент она решилась показать свои работы художникам-профессионалам. Они одобрили её работы и помогли организовать выставку. Как её картины понравились людям! Они были как живые! В них будто присутствовал воздух и простор. И такая широта, что хотелось заглянуть за картину, будто рамой она не ограничивалась. И только Аглая знала, что в каждой из них живёт дух ветра.

Особенно чуткие зрители его слышали. Кто-то смотрел на лесные пейзажи – и в ушах у него раздавался шелест листьев; у кого-то птица, сидящая на ветке, пела чистым, звонким голосом. А кто-то слышал скрип калитки, изображённой на картине...

К Аглае пришла слава. Её работы охотно стали покупать коллекционеры и музеи. Появились свободные деньги. Много денег. Столько, что она смогла купить квартиру в центре города.

Без сожаления Аглая рассталась со своим домиком на окраине и беседкой. Из старой жизни взяла только самое необходимое. И ещё – металлические трубочки: в память о том, как всё начиналось.

Она обставила новую квартиру красивой мебелью, оборудовала мастерскую. Купила компьютер, провела интернет. Всё как у людей. Накупила краски и холсты. Работай – не хочу. В интернете любые виды природы, города, посёлки, море и горы – всё что душе угодно. Музыка разная, пение птиц, шум моря, шум дождя и прибоя – всё, чего ни пожелаешь. Всё есть. Только знай себе работай, вдохновляйся, твори, пиши!..

69

Но странно: ей почему-то не писалось. Она смотрела в монитор, представляла себя в разных местах, восхищалась красотами мира, звуками и картинами природы, пыталась изобразить то, что видела, – и ничего не выходило. Что-то с ней произошло, только что – непонятно...

Трубочки висели молча в углу. Аглая подходила к ним, слегка прикасалась – и они, будто жалуясь, отвечали робко: «Блям...», – и опять замолкали.

Работа у Аглаи не шла. Картины потеряли былую живость. Всё вроде было на месте: и пейзажи, и сюжеты – но жизни в них не было. В голове вертелось где-то когда-то прочитанное:

Сегодня всё – не так, не то.
Из глаз небес сочится влага.
Вскипает глупое «за что?!»
Забыто мудрое «во благо!»

И тоны Божии тихи.
Больной души надсадны вздохи
В обилье слов пустых.
И плохи
Мертворождённые стихи...*

Картины её тоже были мертворождёнными...

И вот однажды, в очередной раз отчаявшись написать что-то путное, Аглая сожгла все свои последние картины в камине и, продав квартиру, уехала жить в деревню в небольшой дом за околицей села. Он был уютным, но главное – в яблоневом саду была беседка! Она в обрамлении цветов стояла на возвышении и будто предлагала себя для отдыха и работы. Туда и были повешены трубочки.

Как они обрадовались свободе и простору! Как ветер запел в них! Он будто приветствовал девушку: «Здравствуй! Я соскучился. Где ты так долго была? У меня столько новостей! Слушай, слушай, что я сегодня видел!»...

И он начал рассказывать...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 5

Швея
Джон Маверик

Она шила. Белые свадебные платья, прохладные, как морская пена. И наряды из хлопка и льна, с ароматом лета. И тонкие брюки из шифона. И легкие, как облачка, платьица для первого причастия. В умелых пальцах Марики рождалось яркое чудо – ломкое, как осенняя бабочка. Ей, может, и летать-то всего один день. Зато какой! Это не просто одежда, думалось ей, а пойманные на кончик иголки мгновения радости.

Это музыка, а не платье, улыбалась Марика, раскраивая на длинном столе воздушную, теплую от льющегося в окно солнца ткань. Посмотрите, оно звучит в руках и поет о любви. Один единственный такт вселенской мелодии. Важен ли он? Да! Если кого-то хотя бы на пару часов сделает счастливым.

Так, в мыслях о чужом счастье Марика забывала о своем собственном. А жила она в маленькой каморке под самой крышей многоквартирного дома. Сначала вместе с мамой, а когда та умерла, оставив ей в наследство старенькую швейную машинку – одна. Но грустно ей не было. Потому что над головой, за тонкими досками потолка гнездились голуби и загадочно ворковали по утрам, встречая новый день, а за стеной сосед-алкоголик ночами играл на гитаре. Марика и видела-то его всего пару раз – небритого мужчину средних лет, когда он, с грохотом волоча за собой огромные сумки с пустыми пивными банками, спускался по лестнице. Но в его ночных серенадах слышались и перезвон медных колокольчиков, и осторожное прикосновение ветра к щеке, и долгая протяжная жалоба, и вся нерастраченная нежность одинокой души.

А еще Марика любила слушать радио. Небольшая черная коробочка стояла на полке и болтала на разные голоса, как целая стая попугаев, играла музыку – в том числе и любимые песни своей хозяйки – вслух читала книги, рассказывала новости, а под вечер трогательно желала самой себе спокойной ночи. А Марики казалось, что радио говорит с ней. Как будто у нее был друг – неугомонный фантазер, затейник и выдумщик, который на какие только хитрости не пускался, лишь бы не дать ей заскучать.

Но и с самыми верными друзьями порой случается беда. Однажды радио сошло с ума. Вместо любимых песен оно теперь играло громкие марши. Оно говорило о войне, болезнях и голоде, и не веселая беседа лилась из него, а встревоженные, сердитые голоса, слышалось эхо далеких взрывов, стоны и крики. Из маленькой черной коробочки словно выплеснулся в мир какой-то зловещий вирус и заразил всех и вся. Марики больше не встречались на улицах счастливые лица. И все реже случалось ей шить свадебные платья. Теперь в ее каморку приходили плачущие женщины и заказывали траурную одежду из грубой черной материи.

Марика жалела их и даже научилась тайком штопать порванные души, которые представляла себе в виде больших раненых птиц. Осторожно, перышко к перышку... она легкими стежками незаметно стягивала поврежденное, рваное, изрезанное... вправляла вывихнутые крылья, накладывала заплаты, смазывала йодом царапины. И печальные женщины робко улыбались, вытирая слезы, и в их глазах загорался пусть и слабый, но живой свет. Увы, но заплатки Марика вырезала из своего собственного сердца – никакая другая ткань не приживалась на страдающих душах. И сердце болело все сильнее, пока однажды...

Она проснулась среди ночи – словно от беззвучного хлопка. В окно струился зеленоватый лунный свет, и каморка выглядела странно. Вроде все такое же, как и раньше – столик под белой скатертью, а на нем швейная машинка, два резных стула, длинный закроечный стол, старенькое трюмо и кактус на подоконнике. Но с полки над кроватью исчезло радио. А в изножье постели стоял высокий человек в длинном сером балахоне. За спиной у пришельца не было крыльев, но Марика его узнала. Не могла не узнать.

Она села на кровати, а потом легко встала, оправляя складки длинной ночной рубашки, похожей на бальное платье. Гулко стучало сердце – и с каждым ударом из него уходила боль.

– Я умерла? – спросила Марика.

«Серый» усмехнулся.

– Не умерла, а призвана. Разве можно призвать мертвого? И чем в таком случае он поможет живым?

Марика задумчиво кивнула и вслед за пришельцем вышла в открытое окно.

Они поднимались по воздуху, как по ступеням – все выше и выше, и вот уже Земля съежилась до размеров крошечного голубого шарика, прозрачного и хрупкого, словно выдутого из тончайшего стекла. Желтой искоркой блеснуло солнце. Как ручей по песку, заструился, сворачиваясь в тугую спираль и сверкая каждой каплей, туманно-белый Млечный Путь.

– Посмотри, – сказал «серый», – на эту Вселенную. Как она износилась... Ее надо починить, зашить дыры, аккуратно заштопать. Ты можешь.

Марика взглянула на всю эту мешанину галактик, подобную рождественской елке в огнях, на разноцветную мишуру, величие и блеск – и особым взглядом швеи увидела ее по-другому. Как нечто бесформенное, вроде огромного мешка, драного, истертого, разлезшегося на клочки и нитки, на котором буквально не осталось целого лоскута. Кое-где торчала трава и лезли из прорех сухие цветы. А в других местах – высыпались звезды.

Марика вздохнула.

– Я не смогу, – ответила она растерянно, почти умирая от жалости к этому старому, изношенному нечто. – Его не починить. Тут только выбросить.

– Да, я знаю, – произнес «серый» и втянул голову в плечи. – Знаю, что он никуда не годится. Но как же его выбросить... Когда в него столько вложено...

красоты, мудрости, силы... любви, наконец? Как все это можно выбросить? Скажи мне, а? Швея?

– Никак, – прошептала Марика, и слезы покатались по ее щекам, обращаясь в свет, заостряясь и вытягиваясь, и превращаясь в длинную лунную иглу.

Она взяла ее в руку, села и, положив на колени рваный мешок, принялась бережно зашивать дыры.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 6

Работа над пунктуацией
Таёжник

Обычно мы с тобой ладим. Если и возникали между нами разногласия, мы всегда, пусть не сразу, пусть с сомнениями и даже с внутренней борьбой, но находили компромисс. Всегда. Но сейчас другой случай...

– Послушай, я не знаю как начать разговор. Вернее – с чего. Если сразу с сути дела – ты тут же оборвёшь меня и не станешь выслушивать ни моих доводов, ни заверений. Ты же у нас принципиальный, только чёрное и белое признаёшь. Ладно, помнишь Генку, который флэшку со своей повестью оставлял мне, чтобы я с пунктуацией поработал? Умер он неделю назад. Пил же запойно, сам знаешь. Но как писал! Откуда только в его нечёсаной голове брались такие сюжеты? В каждом слове по три ошибки делал, но сколько правды и света было в его рассказах!

Он не успел забрать свою повесть. Ты уже догадался, к чему я всё это... Я закурю...

Понимаешь, последнее время совсем ничего не пишется. Абсолютно. Какая-то боязнь чистого листа – уставлюсь, а зацепиться не за что. Поэтому нужен толчок. Написать что-то одно – яркое, необычное! А потом пойдёт, это уже проверено. Такие обороты набираешь...

Ну что смотришь? Чего молчишь? Начинай уже... Ведь понимаешь, к чему я клоню... Да! Да! Украд я сюжет у Генки! Вернее, позаимствовал. Но я уверен, что он бы понял меня и простил. Ему уже ничего не надо, а мне это сейчас позарез. Тем более, я взял оттуда только основу. Все описания, имена героев, диалоги я переписал на свой лад. Это уже почти и не Генкино получается. У меня там есть свои кусочки – пальчики оближешь! Ты же знаешь, что я кое-что могу. Ну, скажи хоть слово...

– Я опять к тебе. Вчера разговора не получилось. Я всё понимаю... Трудно тебе согласиться со мной. Ты же и в детстве был таким... маленьким правдолюбом. Но сейчас, прожив столько лет, ты же должен понять – нет абсолютно чистых людей. Каждый где-то когда-то чего-то там слямзил, обманул, покривил душой. Это жизнь. В ней много соблазнов, а человек слаб. Слаб, понимаешь! Извини, что кричу, но ты, как чурбан, смотришь только и молчишь.

Помнишь, у тебя же один ловкач украд целый стих и включил в свой сборник. Ты тогда даже шум не поднял. А ведь мог уничтожить плагиатора. Размазать подлеца по стенке. А что творится среди небожителей? Воруют друг у друга

мелодии, тексты. Сколько уже по телеку скандалов было! Да Генка даже рад был бы, что напоследок кому-то пригодился! Я же знал его. Рубаха-парень! Что, опять ничего не скажешь? Ну, наори хоть! В морду дай, в конце концов! Вторую курю, а ты ни слова...

– Последний раз я к тебе... Сегодня девять дней было Генке. Сидели, выпивали. Пели под гитару песни на его стихи. И вот в одной из песен, с которой я почему-то не был знаком, были такие слова:

«Жизни немного и смерти немного,
только молю умереть не во сне –
видеть хочу, как спокойно и строго
взгляд свой Господь остановит на мне...»

– Я отнёс сегодня Генкину рукопись к его редактору. Его рукопись... изначальную. Пунктуацию только подправил. А тебе спасибо. За молчание. Ты, в общем, неплохой мужик. Только куришь много...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 7

Ночное происшествие

Туранга

Сон был тяжёлым и изнурительным. Сначала Сергей за кем-то гнался и, на свою беду, кажется, догнал, а потом этот кто-то гнался за ним, с криком: «Верни деньги!».

Сергей проснулся весь в поту и, пытаясь унять разбушевавшееся сердце, поплёлся на кухню – попить водички. По дороге он по привычке выглянул в окно и оторопел – его недавно приобретённой машины во дворе не было.

– Украла! Ласточку мою украла! – ахнул он и бросился в спальню. – Люда, вставай – машину угнали!

Постель была пуста. Сергей бестолково метался по квартире, включая свет во всех комнатах, но тщетно – жены нигде не было. В который раз пробегая через прихожую, он краем глаза углядел пустую вешалку и невольно остановился: на трюмо не было косметики и духов, а на коврике перед дверью – босоножек.

76

Бросившись в спальню, Сергей со страхом открыл дверцу шифоньера – так и есть, пустые полки и ни одной женской вещи. С отчаянием он опустился на стул, обхватил голову руками и глухо зарыдал.

– Что делать?.. Что же мне теперь делать?..

Делать было что-то необходимо, но что? Надо заявить в полицию об угоне машины и исчезновении жены, но сначала сообщить Женьке – соседу по лестничной площадке и лучшему другу, ведь Люда – его сестра.

Женька долго не открывал, а когда отозвался – голос его был заспанным и очень недовольным:

– Кто там?

– Женька, открывай! У нас машину угнали!

Замок щёлкнул и в дверях появился Женька.

– У кого – у нас? Какую машину? Мы с тобой только завтра пойдём её покупать! – он глянул на часы, висящие в коридоре. – Точнее, уже сегодня.

– Жень, Люда... Ты не знаешь, куда она могла уехать?

– С чего ты решил, что она куда-то уехала?

– Ну, я проснулся, а её нигде нет...

– Э, друг, как тебя угораздило, однако... Ты же, вроде, не пьёшь? – окинул его Женька цепким взглядом, одновременно сторонясь и пропуская Сергея в квартиру.

– Ты это о чём? – промямлил Сергей, нерешительно переминаясь в прихожей.

– Нет у тебя жены.

– Как нет?!

– А вот так! – неожиданно возникла за Женькиной спиной женская фигура. – Мы с тобой ещё не поженились, насколько мне известно. И я не помню, чтобы ты мне предложение делал. А говорил, что не пьёшь.

– Люда! Я не пил, клянусь! – в отчаянии бросился к ней Сергей, пытаюсь обнять.

Она отстранилась, подозрительно принохиваясь:

– Действительно – трезвый...

– Жень, – нерешительно сказал Сергей, – если мы завтра пойдём покупать машину, значит, у меня должны быть деньги на неё?

– Пошли, – тяжело вздохнул Женька.

– Куда?

– К тебе – деньги искать.

Войдя в квартиру, Женька решительно направился к шифоньеру, вытащил маленький чемоданчик и открыл его – деньги, новенькие, хрустящие, в банковской упаковке, лежали там.

Не успев толком обрадоваться, Сергей подозрительно спросил:

– А ты откуда знаешь, куда я их положил?

Тот взглянул на него с беспокойством:

– Ты совсем ничего не помнишь? Мы с тобой вчера вместе были в банке – кредит оформляли на машину, и я – твой поручитель. А деньги ты сам при мне в чемодан положил и наверх засунул. Договор показать?

Женька, не глядя, открыл ящик шкафа и вытащил тонкую папку с документами.

Сергей нерешительно посмотрел на Люду, которая последовала за ними.

– Я правда на тебе не женат?

– Правда, – деланно вздохнула она. – Но ты в любой момент можешь исправить эту ошибку.

Тот тут же бухнулся перед ней на колени:

– Люда, выходи за меня!

Брат с сестрой громко рассмеялись.

– Лет через десять я непременно расскажу нашим детям, как ты мне предложение сделал!

Сергей облегчённо вздохнул.

– Зачем тебе жена, если завтра у тебя будет новенькая машина? Кого ты больше любить будешь – меня, или машину?

– Тебя, – широко улыбнулся Сергей.

Он всё вспомнил: утомительное оформление кредита, дорогу домой через универмаг, Женькино предложение – обмыть кредит, свой отказ, странную улыбку друга...

– Ладно, извини, – примирительно сказал Женька. – Ты вчера возбуждён был без меры, а от водки отказался, вот я тебе в стакан с водой и подсыпал снотворное, чтобы ты ко мне ночью домой не вломился.

– Ну и как – помогло, братец? – с сарказмом спросила Люда. – В следующий раз у себя в больнице над пациентами медицинские эксперименты проводи!

– Ладно, ладно, сестричка, пойдём лучше досыпать.

– Может, лучше позавтракаем?

Все трое непроизвольно взглянули на часы – они показывали шесть утра. Ложиться было глупо – всё равно через полчаса вставать, и Люда бодро захлопотала на кухне.

Сергей наблюдал за ней с затаённой гордостью – такая она была светлая и ладная, работа кипела в её руках, и уже через десять минут стол был накрыт на двоих.

– А Женька где? – спохватился Сергей.

Он даже не заметил, как брат с сестрой заговорщицки переглянулись и Женька незаметно ушёл.

– Ты домой не пойдёшь? – нерешительно спросил он.

– Ну уж нет! Чтобы ты опять посреди ночи поднял нас с постели – в поисках машины, которую не купил, и жены, на которой ещё не женился? Теперь я буду твоим казначеем, записной книжкой и жилеткой, которой ты можешь доверить все свои тайны.

Сергей зажмурился и глубоко вздохнул – начинался новый период его счастливой жизни.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 8

Зимняя зарисовка
D Grossteniente Okku

Смеркалось. Он шёл, прихрамывая, кутаясь в легкий суконный плащ с меховым воротником, помогая себе тяжёлой суковатой палкой. Позади оставались следы. Мокрый снег красиво падал на дорогу и на еловые ветви.

– Эй, ходи сюда, человече! – окликнули его. Голос был странным – рычащим и в то же время очень мелодичным. Казалось, будто кто-то на скрипке или виолончели выводит красивую музыку. Он обернулся – в той стороне стояли двое, оба бледно-рыжие с серыми подпалинами и с черными кисточками на ушах. Рыси! Он было дернул пистолет из-за пояса, но передумал – дикие кошки были спокойны, от них не исходило запаха агрессии.

– Заплутал? – Войтек прямо ощутил, как вопрос прозвучал от кота, что был побольше – хоть тот и смотрел полуприкрытыми глазами, и не раскрывал уст. Мысленная прямая речь, вот это фантастика!

– Да, вот так вышло, от охотников ушёл, – ответил он. – Подранили, коня убили. Если б не поторопился, может, и добились бы.

– Пойдем с нами, – мысленно позвал другой (или другая), этот был порыжее и с коричневыми более яркими крапинками на шерсти.

79

Вопрос «идти или не идти?» не стоял – во-первых, погоня ещё могла продолжаться. Во-вторых, от рысей он не чувствовал того, чем несло от полусотни пеших и конных людей с ружьями, рогатинами и легкими пиками – желания настичь добычу и убить. Правда, со зверьми, тем более так прямо ему до этого разговаривать не приходилось, даже не слышал, разговаривал ли кто с ними не в сказке и не во сне. Однако, ему до сих пор и живой добычей быть не доводилось.

– И куда двигаться? – он повернулся к ним. – Ведите.

Тот, что побольше, пошёл впереди, второй сзади. Усилившаяся позёмка быстро заметала следы. Часа через два они достигли небольшого домика на заброшенной лесной полянке.

– Здесь есть печка, но тебе лучше её не разжигать, – заметил тот, кто побольше.

– Входи, располагайся.

И в два-три прыжка рыси скрылись.

Он толкнул дверь, вошёл. Избушка как избушка, у порога коврик-циновка полтора на два шага, у левой стены в северном углу печь, справа закрытое изнутри ставнями небольшое окошко, здесь же длинный стол и пара лавок. Под столом – самовар, ведро с ледяной водой, примерзшие к оберточной

бумаге куски мяса, короб – в нём наверняка соль, спички, ещё что-то. Жить можно, день-два, а то и побольше.

...ему срочно нужно было выезжать, а казначей, собака, всё не появлялся. Пришлось вскрыть замок – сначала на двери, потом на сундуке с деньгами. Герцог, возмущенный самоуправством, отрядил погоню. Хорошо ещё, удалось уйти.

Странно. Может ли быть такое? Ни в сказках, ни в рыцарских балладах он никогда не слышал и не читал такого – чтобы рыси помогали человеку?! Но, неведомого в мире всегда больше, чем понятного или объяснимого. Он осторожно приоткрыл дверь и вышел на крыльцо. Начинало подмораживать, в небе сверкали звезды. По трем бледно-голубым звездам он нашёл созвездие Охотника и обратился к своему Хранителю – «Спасибо, что уберёг от гибели!».

– Всегда буду рад помочь, – вновь прозвучал в голове голос бледно-рыжего спасителя. Войтек обернулся – кот подходил к крыльцу.

– Ты один? А где твой спутник?.. – он замялся, не зная, что сказать, как продолжить разговор.

– Ему нужно спасти других. Он ушёл, – ответил кот. – Есть ещё такие, кто нынче нуждается в спасении.

– Они... И они тоже придут сюда?

– Нет, каждому суждены свои дороги. В конце концов, Создатель каждому рассказывает только его историю.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 9

Не пара

Ольга Альтовская

Она была давно и безнадежно в него влюблена, эта маленькая Стиральная Машина. С тех самых пор, когда увидела его впервые в магазине бытовой техники. Красавец Холодильник тогда поразил её воображение своей статью: большой, величественный, невозмутимый и белый, как айсберг. Она была умна и понимала, что у неё мало шансов на взаимность: они слишком разные и внешне, и внутренне, слишком далеки друг от друга – но мечтала. Не о многом: просто быть рядом, смотреть на него, прикасаться, ощущать его тепло! Она ещё не знала, какие непохожие судьбы уготованы им Высшими силами, не ведала, какие переживания выпадут на её долю. А кабы знала, то запретила бы себе даже думать о нём!

Но тогда, в самом начале, случилось почти чудо. Их купили в один день и привезли в одну квартиру. И только она обрадовалась такому случаю, как тут же пришло горькое разочарование. Да, они находились под одной крышей, но в разных местах. Его поставили в просторную и светлую кухню, а её – в тесную и тёмную ванную комнату. И вот уже долгие-долгие годы он был таким близким и таким далёким! Иногда, когда дверь в ванной была неплотно закрыта, она видела в щёлочку его блестящий белый угол и горько вздыхала.

– Бедняжка! Как она его любит! – жалели её друзья: Стеклянная Полочка, Раковина и Резиновый Коврик. А Латунный Кран так за неё переживал, что плакал. Из него то капали, то ручьём текли слёзы, и Раковине приходилось его утешать: «Мы все по-своему несчастны...»

Шло время, а Холодильник был всё так же недосягаем...

– Брось ты по нему сохнуть! – уговаривала Машинку её подруга Чугунная Ванна. – Ничего у вас с ним никогда не выйдет. Кто ты, и кто он! Займись делом!

И Стиральная Машина соглашалась с ней, понимала, что глупо на что-то надеяться. Работая, отвлекалась. Но в перерывах между стирками продолжала сохнуть.

Чугунная Ванна имела авторитет среди обитателей санузла. Она славилась глубиной и весом, и гордилась, что купала в себе не одно поколение жильцов квартиры, а некоторых даже пережила. Она опекала Стиральную Машинку.

Ей нравилось, что та обожает чистоту, не боится испачкаться, любит работать. А главное – несмотря на то, что через неё проходит столько грязи, остаётся чистой внутри и верной своему идеалу.

Машинка дружила с Чугунной Ванной и совсем не обращала внимания на соседа, который давно к ней приглядывался. А сосед, Фаянсовый Унитаз, обижался: чем он хуже Холодильника? Он тоже белый и блестящий, тоже открывается и закрывается. Правда, меньшего размера, но зато рядом, всегда под боком. К тому же у них с Машинкой много общего: он, как и она, любит чистоту и не боится испачкаться. А в сравнении с Холодильником – обладает ценным качеством: не делится сокровенным и умеет хранить тайны.

– Обрати на меня внимание! – шумел его смывной бачок...

Но разве Унитаз мог сравниться с Холодильником?! Её кумир стоял на почётном месте в кухне, вёл сытый и размеренный образ жизни, довольно урчал, охотно открывал дверь гостям и даже, зажигая свет, позволял исследовать закоулки своей широкой души, удивляя и восхищая взгляд разнообразием содержимого. Он был в почёте, он был полон идеями и щедро делился своим богатым внутренним миром со всеми страждущими. Барин! Аристократ!

82

– А я простая прачка, стиралка, – думала о себе Стиральная Машинка. – Прислуга... Рядом с ним такие красавицы как Газовая Плита, Посудомоечная Машина... Куда мне до них?..

Бедняжка завидовала подругам Холодильника. И только его сожительница, зазнайка Микроволновка, вызывала у Стиральной Машинки не зависть, а страх. Какой-то мистический ужас обуревал её, когда она пыталась понять, каким силам служит эта краля? Она считала её ведьмой. Вот как может быть такое: еду греет, а посуда холодная! А характер?.. Точно ведьма! До ванной дошли слухи, какой она устроила разгром, когда в ней решили сварить яйцо. Просто кошмар, что было! Думали, дом взорвёт! Надо бы Холодильник предупредить, чтобы держался от неё подальше...

Жизнь текла, как вода. Стиральная Машина крутилась, как белка в колесе, и продолжала работать, и продолжала сохнуть... В трудах и переживаниях старела, постепенно начались перебои в работе. И в один какой-то день она сломалась... Хозяева купили новую, а её отнесли в сарай, и вскоре все про неё забыли.

А Холодильник вообще вряд ли знал о её существовании. У него была совсем другая жизнь, наполненная открытиями и впечатлениями. Но и она подошла к концу. Он тоже сломался. Его отнесли в тот же сарай и поставили рядом со Стиральной Машиной.

И вот наконец её мечта исполнилась! Он был рядом с ней! Она могла о нём заботиться, подставляя своё плечо! Она могла его боготворить, осязать, не боясь соперниц! Она даже ради него ржавела быстрее, принимая на себя все тяготы неустроенного сарайного быта... Но всё напрасно. Холодильник был холоден. Его не трогали чувства старой прачки. Он пользовался её поддержкой. Приспособился, но жил воспоминаниями о прекрасном сытом прошлом и просто позволял ей себя любить. Такой близкий и такой далёкий, он так и не снизошёл...

Им было суждено доживать вместе и умереть вместе – сгорая и плавясь в одной печи вместе с другим металлоломом. Но только там, на волосок от смерти, им дано было познать восторг и непостижимость мгновений – в страстных объятиях друг друга. Только там они были близки как никогда и, сгорая, ни о чём больше не мечтали. Только несколько мгновений подарили им Высшие силы. И только тогда их души и тела, образовав новый сплав, соединились навсегда.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 10

Растяпа с Лысой горы

Марина Юнг

Одарка съёжилась под суровым взглядом Солохи, старшей над молоденькими ведьмами-первогодками.

– Ну? Что ещё случилось?

– Гребешок... гребешок потеряла...

«И что же с тобой делать?» – было написано на лице у Солохи. Вслух же она сказала:

– Ну что ж, ты помнишь, что за это полагается. Ты ведь помнишь? (в голосе её слышалось: а то кто тебя знает, вдруг ты и это не выучила)...

– Да! – радостно воскликнула Одарка, – я помню! Я выполню!

– Ну-ну. Посмотрим, как ты выполнишь. Это ведь не так просто. Или изощрённая пакость, что ты скорее всего и выберешь, или исполнение искреннего, бескорыстного желания... – «а таких сейчас практически не бывает», – хотела добавить Солоха, но не успела.

– Да! Я выбираю искреннее и бескорыстное желание! У меня получится!

– Да не кричи ты так! В ушах звенит, – поморщилась старшая ведьма. – Ты понимаешь, о чём говоришь? Ты с людьми давно общалась? Где ты возьмёшь такое желание?! Особенно бескорыстное! Они все хотят или денег, или карьеры... то есть, опять же денег. Давай так. Мне хвосты в группе не нужны. Да и вылетать вам в полночь, оставлять тебя не хочу. Если до семи вечера не найдёшь желание, можешь передумать. У тебя ещё останется время. Договорились?

Одарка насупилась:

– Я найду.

– Ой, ладно! Иди... – ведьма раздраженно махнула рукой.

«Растяпа, да ещё упрямая. Не переспоришь. Ну ничего, сама убедится...»

Женька шла на этюды. Обычно она доезжала до Львовской площади и шла пешком по Пейзажной аллее. Некоторые умники считают, что у этого места плохая энергетика – из-за Десятиной церкви, разрушенной дважды. Но Женька любила там ходить. Глаз радовался открывающемуся простору, она мысленно приветствовала веселые скульптуры, а когда доходила наконец до камня «Отсюда есть пошла...», то уже знала, что будет рисовать сегодня. Решение всегда приходило в дороге.

Но сегодня ей захотелось пройти снизу, по Аллее художников под фуникулёром. Наверное, потому, что ей опять приснился Старый Дом. Он не отпускал её, хотя она никогда не видела его живым. Так она считала – именно живым.

Десятинная 12. Дом, в котором жили её родители. Жили в коммуналке на первом этаже, а за стеной, в соседней комнате, известный композитор репетировал с разными исполнителями новые песни. «Куда уехал цирк» они выучили так хорошо, что уже могли бы спеть сами. Дом, из которого их выселили в 80-е, сначала как бы для капремонта. Который потом вроде бы выкупило одно из иностранных посольств. И который в итоге просто снесли, а на его месте построили новый. У родителей не осталось ни одной фотографии, только мамина акварелька боковой башенки, сделанная со двора...

«Конечно, знать бы, что снесут, нарисовала бы весь, – говорила мама, – или хоть сфотографировала. Но кто же знал?..»

И Женька бы нарисовала. Она, как и мама, училась на архитектурном. Вот только переименованный вуз уже не звучал так гордо, как в былые времена. «Ой ты гой еси, ежли ты в КИСИ!» А теперь что? Даже говорить смешно.

Женька долго искала фото Старого Дома в интернете. Находила разные архивы, но Дом был словно заколдован. То был подходящий ракурс, но Дом за деревьями, да еще автобус прямо перед подъездом (в туристах в этом месте никогда недостатка не было). То без деревьев, но снимок совсем уж сбоку. То хороший ракурс и без деревьев, но само здание недостроено... Дом как будто смеялся над ней. Одним словом, нормальной фотографии она так и не нашла. А как хотелось бы его нарисовать!

85

Не то чтобы новый дом с громким брэндом D12 был плох. Он был выше, бóльшей этажности, с красивой мансардой, во дворе был шикарный эркер, да к тому же на склоне устроена тройная терраса для престижных концертов и ресторанов. Всё это она понимала. И всё-таки дорого бы отдала, чтобы увидеть Старый Дом, каким он был в начале 80-х. Хоть на минутку увидеть...

За этими размышлениями она обогнула Андреевскую церковь, затем 14-й номер, поздоровалась с бронзовыми Проней Прокоповной и Голохвастовым и задумчиво остановилась перед домом №12...

Вдруг что-то блеснуло на тротуаре. Женька наклонилась и подняла... гребень. Но какой! Такого она ещё не видела. Сине-зелёные переливы невиданной глубины, а внутри... неужели искры внутри?.. Хмм. Какие-нибудь туристы купили на Андреевском, прошли два шага и здесь потеряли?

Нет. За те семь лет, что она носила на спуск то матрёшки, то картины, то расписные ложки, ни разу не видела, чтобы здесь продавалось что-нибудь подобное. Как будто чьи-то глаза смотрят изнутри... Тьфу ты, померещится же такое! Ладно, потом разберёмся.

Она спрятала вещицу в сумочку на поясе и стала осматриваться – где бы ей встать сегодня...

Одарка почти отчаялась. Нет, не может быть такого! Должны, должны быть желания, искренние, бескорыстные, чудесные, просто ей ещё не попалось!

Вот сейчас она внимательно пройдёт по Десятинной и вниз по Андреевскому спуску. Там же художники! А художники, как известно, они такие художники... Наверняка у них искренние и чистые желания. И они... а это ещё что здесь творится?

Какая-то девчонка с раскрытым этюдником стояла перед домом №12. Казалось, она забыла, зачем пришла. Она в упор смотрела на дом, но карандаш в руке был неподвижен. Она как будто... она...

И тут Одарка ощутила то ли вихрь, то ли неудержимую струю. Она поймала её, и у неё завибрировали и заискрили кончики пальцев... Желание!

Солоха смотрела, как спускается вечер на Замковую гору. Сегодня стартуют молоденькие ведьмы. Для них это целое событие. И конечно же, Одарка отличилась. Как, впрочем, всегда. Растяпа... У неё остаётся 15 минут. Если не совсем дурочка, сейчас придёт и попросит заменить задание. А если...

С холма, со стороны Десятинной, раздался треск множества искр, но не это поразило Солоху. А тройное, оранжево-сине-зелёное сияние, поднявшееся оттуда. Сияние, по которому опытная ведьма безошибочно определила: рядом другая ведьма исполнила чьё-то искреннее, чистое и бескорыстное желание, и, судя по силе сияния, этот человек невероятно счастлив.

Женькин карандаш носился, как сумасшедший. Она боялась остановиться, боялась, что видение исчезнет. Нанесла в массах, проработала пластику фасада. Окна, балкончики, тени, мелкий декор. Башенка во дворе, с улицы не видна, ну да ладно... почти готово. Если что, теперь она сможет закончить и по памяти.

Она вдруг заметила девушку, стоящую на углу напротив, перед зданием школы. Босую и с немислимой короной волос, укрывавшей весь её стройный силуэт. Высунув от любопытства кончик языка, девушка зачарованно смотрела на рисунок.

Тут взгляды их встретились. Женьку пронзила догадка, и она выхватила из сумочки гребешок.

– Эй! – крикнула она, – твой?

Глаза незнакомки загорелись, и она повелительно протянула руку. Женька бросила гребень, но ей показалось, что она могла бы и не бросать – он сам вылетел из её ладони и оказался в руке хозяйки. Прошло еще несколько секунд, пока растаяли в воздухе и Старый Дом, и молодая ведьма со своим гребешком. Перед ней снова был престижный выставочный центр D12 с музеем в первом этаже. И только залиvistый хохот Одарки еще минуту затихал в стороне Андреевского спуска.

– Что это вы нарисовали? – удивлённо спросили подошедшие парень и девушка, глядя поочередно на D12 и Женькин рисунок.

– Это Старый Дом, который был здесь раньше.

– Ааа... – протянули они и больше ни о чём не спросили. Может быть, они жили поблизости и давно уже знали, что в этих местах ничему не надо удивляться.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 11

Чудо

Андрей Яковлев

Маловы жили на первом этаже, и никто в подъезде не понимал, как они умудряются загаживать этот подъезд аж до пятого, самого верхнего, этажа. То, что крику от них было много – не удивляло. Но зачем они выносили мусор вверх по лестнице, – не понимал никто. А ведь так и было! Участковый приходил чуть ли не два раза в неделю, беседовал с ними, угрожал выселением, но толку не было никакого. Ну, может, затихало на пару дней, – а потом всё продолжалось по-прежнему. А уж когда Малов-старший вернулся с очередной отсидки – стало и того хуже. В подъезде постоянно ошивались какие-то непонятные мужики с наколками, гремела музыка... Никакие уговоры на Маловых не действовали – ни на старшего, ни на младшего, Сашку. И уж тем более не действовали на Гальку, которая заводилась от первого же замечания и орала потом по два часа, не ослабляя ни громкости, ни напора. Маловых боялись.

И Танечка их боялась. Особенно страх этот стал невыносим после того, как Сашка выхватил у неё из рук футляр со скрипкой и, мерзко хихикая, спросил: «Дашь, если отдам?». Танечка тогда побледнела, бросилась на Сашку, тот побежал от неё, швырнул футляр в овраг, куда скидывали мусор, если вечно переполненные баки оставались не вывезены... Потом Танечка лезла в эту воняющую яму, дома долго чистила скрипку, вывалившуюся из футляра... Запах был стойким, и стоило теперь взять скрипку в руки, – сразу всплывал в памяти. И мерзкая липкость инструмента всплывала в памяти, буквально ощущаясь пальцами и подбородком. В итоге в музыкальную школу Танечка перестала ходить через две недели, выдержав дома всё, что последовало в связи с этим её решением. Почему она не рассказала родителям об этой истории – она и сама не могла объяснить. Наверное, потому, что каким-то внутренним чутьём поняла, что лучше от этого не будет: папа обязательно пойдёт разбираться с Маловыми, ничего не добьется, и будет только хуже, значительно хуже. Папа тоже боялся.

Через месяц после той истории Сашка поймал её вечером и сказал: «Плати, целочка, либо жизни тебе не видать. Можешь деньгами, можешь чем ещё... Думай!». И Танечка поняла, что тот не врёт, что дальше так и будет. В свои неполные пятнадцать лет Сашка мог многое. Да и друзья ему всегда готовы были помочь. Друзей у Сашки хватало.

Вернувшись домой, Танечка прошла на кухню, встала перед иконой и тихо сказала: «Господи, сделай чудо, сделай так, чтобы всё было хорошо! Пожалуйста!», – и заплакала, не зная, поможет её просьба или нет, и даже не зная, верит она в Бога или нет, но больше обращаться было не к кому.

На следующий день вся семья Маловых, с утра уехавшая на озеро и уже возвращающаяся с него, погибла. Их «копейка» не удержалась на своей полосе, угодив при этом под встречный КамАЗ. Потом экспертиза показала, что Малов-старший был пьян. Но это было потом, а в тот момент, когда Танечка узнала об аварии – внутри у неё что-то оборвалось, словно какой-то непомерный груз что-то сломал внутри неё... Причём, как оказалось, навсегда. И сейчас, двадцать лет спустя, Таня знает – она не верит в Бога. Его нет. Вот уже двадцать лет Его нет для неё совершенно точно. И всё же... всё же...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 12

Чёрная полынь

Николь Аверина

Наступающий день... Уже очень давно он превратился для него в сплошную белую линию, пересечь которую невероятно трудно.

Он закрывает глаза, пытаясь погрузиться в сон, и снова видит её – степь, похожую на шкуру вылинявшего зверя. Горячий ветер треплет колючие головки чертополоха и, завивая столбы серой пыли, мчит их к пылающему, лихорадочному закату. Невыносимо жарко. Он задыхается и открывает глаза. Чёртова болезнь...

...Когда-то, очень давно, его было невозможно разбудить. Из объятий сна не могли вырвать ни ласковые лучи утреннего солнца, ни голос любимой жены, ни грохот будильника, поставленного в эмалированный таз для большего эффекта.

Жена, пытающаяся растолкать его однажды, едва не поплатилась за это. С тех пор она делала это удалённо: в ход шло всё, что попадётся под руку – дочкины игрушки, луковицы или довольно увесистые картофелины...

Он потерянно улыбнулся и закурил. Воспоминания саднили, как рана на когда-то оторванном при аварии пальце, и заглушить эту боль не могла даже водка. Разве он мог подумать, что его подвижная, добросердечная и ласковая жена, уйдёт раньше. Он, уже много лет не выходящий из дома ещё при её жизни, и она...

Мысли тяжело и глухо ворочались. Опухшее лицо луны на сереньком, помаргивающем небе, было совсем не похоже на то, что преследовало его в снах: чёрное небо, звенящая луна, миллиарды светящихся звёзд и ликвидаторы, похожие на снующих муравьёв, которые не ведают о том, что их в любую минуту может раздавить человек – невидимый враг...

Таким врагом для человека была радиация – не видимая, не слышимая, не имеющая вкуса и запаха. Неужели кто-то, давая название городу, хотел предупредить, что через много лет здесь случится страшное. Чёрная былль, чернота и боль, горькая трава чернобыльник – Чернобыль.

При воспоминании о полыни, горечь во рту стала явной и во рту пересохло. Тяжело ступая опухшими ногами, он прошёл на кухню и остановился у окна. Угрюмый отблеск молний и порывами налетающий ветер говорили о надвигающейся грозе. Трясущимися руками он потянулся было к стакану и замер, прислушиваясь. Редкие, но тугие капли дождя всё настойчивей стучали в окно. И он вспомнил...

Что ж ты, ветер, мокрой своей улыбкой
не в губы целуешь меня, а в лоб...

Торопливо глотая недопитый с вечера чай, он осторожно засеменял в комнату и сел к компьютеру. Вот уже три года, как тот был его единственным собеседником и другом. Редкие набеги и торопливые, ни к чему не обязывающие, звонки дочери были не в счёт. У неё семья, маленькая дочка... А жить вместе с ними было в тягость.

Он не любил стихов. Наткнувшись случайно на эти, в его представлении и не стихи вовсе, он был сражён не столько ими, сколько совпадением с его реальностью. Особенно поразило число. Жизнь остановилась для него именно тогда.

Он открыл блокнот, в который, сам не понимая зачем, скопировал текст и, беззвучно шевеля губами, перечитал:

Точно такая же ночь.
Такие же тряпки облаков,
протирающие столешницу луны.
А завтра – первое марта.
А потом – либо жизнь, либо смерть,
в зависимости от настроения Бога...

Похоже, что настроение Бога опять не в его пользу. Уже давно он молил об одном – уйти. Уйти, чтобы быть с ней рядом. Уйти, чтобы не чувствовать этой чёртовой боли.

Для чего ему нищий старик,
этот ссохшийся сгусток молчания,
к которому не подобрать живительной рифмы?

Действительно, для чего? Уже нет в живых земляков, которые были с ним в краях, воспетых Гоголем и Пушкиным. Тихая украинская ночь накрыла их чёрным плащом забвения. Забудут и его... А стихи останутся.

Неужели, ветер, ты плачешь?
Да брось, дружище!
Я ещё в состоянии тебя приласкать
и потрепать за ухом,
как в ту блаженную пору...

Старик задумался, перебирая в памяти счастливые мгновения. Скупой на ласковые слова, он никогда не жалел красок на интонации, приправленные искрящимся и добрым юмором. Но было ли этого достаточно – знать не мог, они не смогли ни проститься, ни простить друг друга. А просить прощения всегда бывает за что... Вот и сына они потеряли по его вине. Забеременев уже после Чернобыля, жена приняла решение выносить ребёнка. Но родившийся до срока малыш, не прожив и трёх дней, умер.

Это уже после он узнал, что возраст солдат запаса, прозванных в народе партизанами, должен быть не ниже тридцати пяти. А ему только тридцать тогда стукнуло.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. За окном зрело утро. Деревья и кусты прихорашивались и, отряхивая с молодой листвы капельки дождя, протягивали к солнцу мокрые ладошки.

Старик спал. Пусть редко, но такое случалось. Чаще это было похоже на кратковременную потерю сознания. Иногда он успевал засечь время, но даже пятнадцать минут были для него счастьем. Сегодня оно было двойным – он видел во сне старый дом. В чистые, отмытые до блеска оконца, смотрелись разросшиеся кусты белой сирени. Одно окно было распахнуто настежь. Лёгкий ветерок перебирал цветы на тонкой ситцевой занавеске, а за столом сидел пацан, до боли похожий на жену.

92

Высунув язык, он осторожно макал перо в чернильницу. На тетради в косую линейку ровным и чуть угловатым почерком были выведены давно забытые слова: мы – не рабы, рабы – не мы.

Под крышей дома красовался транспарант со знакомым ему лозунгом – «Рабочий – хозяин страны», а из динамика, завораживая мягким тембром и маня, доносился голос Валерия Ободзинского и слова песни, любимой тогда очень многими – «в каждой строчке только точки после буквы л...»

Голос замирал, становился хриплым и снова усиливался. Раздался хлопок, напоминающий звук порванной струны, небо озарилось яркой вспышкой и дом накрыло чёрным пеплом горькой полыни...

Но старик уже не видел этого. Он улыбался...

Примечание:

В тексте использован верлибр Артура Кулакова В ночь на первое марта

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 13

Безмятежность

Джон Маверик

Морозный рассвет, еще слегка сонный, красит живым перламутром ледяные узоры на окне. Я с неохотой вылезая из теплой постели и, как обычно по утрам, подхожу к компьютеру. Да, так и есть. Он включен, а на мониторе мерцает новый рассказ. Вернее, новая сказка. Мой компьютер тот еще выдумщик и романтик, и все, что он выводит по ночам на экран – удивительно и волшебно. Сочиняет он не сам, конечно. Я не из тех чудачков, кто склонен одушевлять технику. А вот кто на нем пишет – для меня загадка.

Со мной под одной крышей живут немая девочка и белая кошка. Первую зовут Римма, а вторую – Рема. У девочки две тонкие, как мышинные хвостики, белые косички, выпуклый лоб и прозрачно-фиолетовые глаза. Она дочь моего брата-алкоголика, который после смерти жены превратил свою квартиру в настоящий притон. Так что девочку надо было спасать, и, не желая связываться с опекой, я взял племянницу к себе. Римме восемь лет, но в школу она не ходит. У нее аутизм, мутизм и Бог знает, что еще. Врачебная комиссия признала ее необучаемой.

У кошки глаза разные. Один – голубой, как лепесток подснежника. А другой – золотистый, как янтарь на снегу. Откуда она взялась, я так и не понял. Просто однажды пришла ко мне и стала жить. Римма ее любит. По-своему нежно и загадочно, как умеют любить, наверное, только аутисты. Целый день таскает по дому на руках, кормит говяжьим фаршем с ладони и побуждает прыгать через веревочку. А Рема ластится к ней и громко мурлычет, приветствуя маленькую хозяйку высоко поднятым хвостом. Обе понимают друг друга с полужеста. От меня им нужна только еда, а зимой – еще и жарко натопленная печка, возле которой девочка и кошка обожают сидеть на коврик, тесно прижавшись друг к другу.

Кто из них двоих пишет по ночам сказки на моем компьютере? Я каждый раз задаю этот вопрос Римме и Реме, но ни одна не признается. Впрочем, если бы кто-то из них признался, я бы, наверное, умер со страху. Остается маленькая вероятность, что я – лунатик, и тексты пишу сам, во сне. Но в это верится слабо. Мне снится обычно что-то совсем не сказочное. Лето и желто-белое, невероятное поле ромашек напротив моей калитки. Рыбалка на быстрой, студенной речушке. Плотва, снующая в тесном ведерке, и Римма, окунающая туда пальцы. Она выхватывает из воды рыбок и бросает Реме, которая ловит их на лету. А еще – отцветающий сад, зеленая завязь яблок и палые прошлогодние листья на крыше. Я всю жизнь живу в этом крошечном деревенском домике, в окружении старого сада. Я живу в нем во сне и наяву. Откуда же в моей голове взяться чудесным историям?

Поежившись от утреннего холода, я торопливо растапливаю печку и снова сажусь за компьютер. Неизвестный автор никогда не дописывает рассказ до конца, как будто нарочно оставляя за мной право поставить последнюю точку. Я сижу, и пока уютное тепло греет спину, читаю о вселенской жаре.

«Земля пылала. Трескалась, как опаленные зноем губы, умирала от жажды. Восходы и закаты огромными багровыми шарами катились по раскаленному небу, сжигая все на своем пути: облака и луну, вершины гор и кроны слишком высоких деревьев. Из обугленных крыш они выжимали последние соки, уходящие ввысь легким дымком, выпивали до дна озера, иссушали реки.

И собрались люди молить Бога о дожде. Они толпились под темными сводами церкви, не дарившими прохлады, но все-таки заслонявшими от жестокого солнца. Священник читал нараспев псалмы и воздевал к потолку руки. Потом окропил паству святой водой, вышел из дома божьего и окропил землю. Но пустым оставалось небо и глухим к человеческим мольбам.

А кошки валялись на солнышке, наслаждаясь его горячими лучами и мурлыча свою извечную кошачью песенку. Им было хорошо...»

Вот оно что. Я кошусь взглядом на Рему, которая лежит у печки, растянувшись на коврике, как махровое полотенце, и ей тоже очень даже неплохо. Ее разноцветные глаза крепко зажмурены, а уши чутко подергиваются, ловя малейшие шорохи и звук Римминых шагов, доносящийся из глубины дома. Кошку разморило в тепле.

– Ничего, – бормочу вполголоса, – скоро будет лето и солнышко... Вот и повалешься на крыльце кверху пузом, погреешься...

Рема чуть слышно урчит во сне и меняет позу, сворачиваясь клубком.

А на кухне моя немая племянница гремит кастрюльками. Пора завтракать. Я вздыхаю и с досадой оторвавшись от чтения, иду кормить ребенка. Заодно и сам перекушу.

Варю для Риммы кашу – на завтрак девочка ничего другого не ест. Не хочет. Для кошки размораживаю фарш. А после, положив на тарелку пару тостов, и с чашкой кофе в другой руке возвращаюсь к компьютеру.

«И падали с веток незрелые плоды, потому что у изнуренных засухой деревьев не хватало сил их удержать. Высыхали клубни в твердой, будто камень, почве. Пустели хлебные поля – и стране угрожал голод. И собрались шаманы, просить своих богов о ниспослании дождя. Они воткнули в пересохшую землю палки и перья, разожгли костры, били в бубны и плясали. Но равнодушны оставались небеса к их бесхитростной магии. Ни капель влаги не пролился чудовищный зной. И тяжелый воздух продолжал душить и мучить, иссушая глотки, и забивая носы и рты мелким красным песком.

А кошки лежали себе в теньке, под желтеющими раньше времени деревьями. Нежились на подушке из сухой травы. И было им хорошо...»

Бесшумно ступая, в комнату не входит, а как бы затекает Рема. Одарив меня презрительным взглядом своих бесподобных глаз, она легко взлетает на

подоконник и, облизываясь, сквозь мешанину ледяных стеблей и цветов, высматривает что-то в саду.

«Как все неоднозначно в мире, – в который раз думаю я, – и сколько в нем замкнутых, непохожих друг на друга вселенных. Наверное, немногим меньше, чем людей. Да что там люди. Каждая тварь, даже самая маленькая – это космос. Это что-то неповторимое и необъятное по своей значимости и красоте». Вот я, например, сижу и читаю страшную, почти апокалиптическую историю, а за моей спиной потрескивает печка. На моем подоконнике сидит кошка, а за окном царит безмятежность снега. Он лежалый и плотный, спекшийся под лучами февральского солнца в твердую корку наста. Но по-прежнему белый и невинный, как в первый день творения.

Я вспоминаю давнюю телепередачу про слона, который рисовал хоботом картины. В основном деревья и других слонов. Так почему бы кошке не писать сказки про кошек? Сейчас это кажется почти правдой.

– Эй, Рема, – говорю тихо, однако с ноткой лукавства в голосе. – Твой секрет разгадан.

Белая кошка недовольно шевелит хвостом, что на ее кошачьем языке означает: «Отвернись и помалкивай».

Подчиняюсь, пряча усмешку.

«И заболела земля. Полыхнула пожарами, изгоняя из нор мелких грызунов, окуталась черным саваном дыма и гари, покрылась шрамами и язвами, и стонала целыми днями от жестокой боли, уже не твердея, как в начале, а распадаясь на комья, сгорая и обращаясь в пыль. И вот, одной жаркой ночью, все кошки в едином порыве взобрались на крыши. Рыжие, белые, черные и тигровые в полосочку – в серебряном свете луны все они стали похожи на ангелов. И задрали морды к пылающим звездам, распустив хвосты по лунному ветру, и вознесли небу безмолвную молитву.

Кошкам не нужны слова. Они сами, от усов до кончика хвоста, каждой своей шерстинкой, каждым мявом, каждый взглядом своих колдовских глаз, всей своей сутью – славят Творца и творение. Каждый шаг их мягких лапок по земле – это молитва Господу.

А когда они собираются вместе, чтобы заступиться за братьев своих и соседей по планете – даже херувимы божьи плачут от сострадания.

И распахнулись небеса, и вздрогнули звезды...»

На мгновение зависаю пальцами над клавиатурой, словно раздумывая – хотя думать тут не о чем – и заканчиваю текст.

«... и вздрогнули звезды, и пролились холодным дождем, заструились по карнизам и водостокам, смешиваясь с бурой листвой, хвоей и мелким сором, и напоили страдающую землю».

С удовольствием ставлю точку и откидываюсь на стуле, заложив руки за голову и вытянув ноги под стол. Мне нравится эта история. Я люблю все сказки, написанные моей кошкой. Они что-то меняют во мне. Я смотрю на

Рему и только сейчас замечаю, какое нежное серебристое сияние окутывает ее грациозную фигурку, струится по белой шерстке мягкими лунными волнами, а в ярких глазах египетского божка светится мудрость. Как странно думать, что каждым своим вздохом это удивительное создание молится за нас... за меня... Наверное, и такие дети, как Римма, умеют молиться. Не словами, потому что нет у немой девочки слов, а чем-то другим. Чем-то особым и неистребимым в душе.

Моя племянница открывает дверь в комнату и взмахом руки подзывает к себе Рему. Они собираются на прогулку. А может, на утреннюю молитву?

Римма надевает шубку и лыжи, и выбегает из дома. Рема – за ней. Наст такой крепкий, что запросто выдерживает девочку и кошку. Они скользят по саду, легкие, как ангелы, а над ними скользят облака, похожие на яркие снежные шапки, подтаявшие на солнце.

Я выхожу на крыльцо – без куртки, но мне не холодно – и наблюдаю, как они мнут калитку и замирают на границе бескрайнего снежного поля.

Они стоят и смотрят на снег. Мы втроем смотрим на снег, и на душе становится тихо и светло.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 14

Когда взрослых не будет дома

Ирина Архипова

Пять часов между «большая стрелка вверху, а маленькая на одной палочке» и «маленькая стрелка внизу, а большая вверху» тянулись невероятно долго. Тишина хозяйничала в доме, занимая всё свободное пространство. Звуки боялись потревожить её покой и потому не подавали признаков жизни: прятались в углах, за портьерами, под кроватями и пристально смотрели оттуда огромными чёрными глазами.

Секунды нехотя превращались в минуты, минуты растягивались в часы, всё больше заполняя комнату ватной тишиной. От этой липкой тишины и ощущения затаившихся и явно что-то замышляющих звуков девочке становилось страшно.

Игрушки не хотели разговаривать со своей маленькой хозяйкой. Глупо улыбаясь, вытаращив пластмассовые глаза, они думали о своём игрушечном мире. Стрелки будильника с трудом завершали очередной круг и отправлялись на следующий. Пять кругов. Пять часов одиночества. Пять часов страха.

И вдруг посреди вязкой, густой, как кисель, тишины раздавался какой-нибудь непонятный звук. Сердце замирало, а потом подпрыгивало, как заяц над пеньком, и принималось бежать вслед за стремительно удирающим от этого жуткого, неизвестного звука лопухим. Но ничего больше не происходило – и заяц внутри останавливался, забирался под развесистый раkitовый куст и продолжал дрожать там от неизвестности. Раз-два-три-четыре-пять – стучало сердечко. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три.

Потом приходила робкая смелость, брала за руку и осторожно вела в комнату, где так недавно произошло что-то непонятное, очень сильно испугавшее маленькую девочку. Шаг-два-три-четыре, шаг-два-три – и наконец страх отпускал, покой окутывал хрупкие плечики мягкой пушистой шалью, и лишь сердечко по-прежнему тревожно, хоть и не так торопливо, стучало, стучало, стучало... А взгляд упирался в упавший на пол ключ от шкафа – источник того неожиданного звука и жуткого чувства – чувства одиночества и незащищённости.

Резиновая, противная на ощупь тишина, с привкусом миндальной горечи, вновь по-хозяйски располагалась в комнате. Пять часов. Пять дней в неделю. Они не заканчивались непростительно долго. Но ещё дольше длились пять минут от «большая стрелка вверху, а маленькая внизу» до «маленькая стрелка внизу, а большая на одной палочке» – пять минут, на которые иногда задерживалась мама. Эти пять минут превращались в пять столетий. И тогда к безмолвию и пустоте присоединялся настоящий ужас. Он появлялся внезапно, ходил кругами по комнате и шептал на ушко про темноту за окнами, открытый

люк на улице, из которого даже днём глядела жадная чернота, и ещё про многие возможные несчастья.

Эти пять минут были гораздо длиннее пяти уползших наконец-то в никуда часов. Но вот в дверях раздавался такой долгожданный и такой желанный звук – звук поворачивающегося в замке ключа. И, вопреки всем научным теориям, всё моментально вставало на свои места, а лохматые самодовольные страхи, поджав хвосты, убегали, как нашкодивший рыжий дворовый кот Васька, и забивались в самые узкие щели, чтобы завтра, когда взрослых не будет дома, вновь выбраться на свободу...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 15

Петрушка

Наталья Сафронова

Мужчина шел быстрым шагом, говорил отрывисто и не оборачивался на догонявшего его мальчика.

– Ты думаешь легко маме каждый день стирать и гладить?

– Но я же не виноват! – мальчик старался прибавить шагу, чтобы заглянуть отцу в лицо.

– Как же не виноват, если я сказал тебе, чтобы ты не шел рядом с кустами, – отец принципиально смотрел в сторону, чтобы не встречаться с сыном взглядом.

– Я нечаянно, – мальчик попытался забежать с другой стороны и поймать взгляд отца.

– Как же нечаянно, если я тебя предупреждал? – это было последнее, что Вера успела услышать, мужчина с мальчиком вошли в подъезд.

Вроде бы совсем короткая сценка, что из нее можно понять? Но мальчика почему-то было жалко. Маленьких всегда жалко.

99

Из школы вышли молодая женщина с сыном.

– Ты проучился всего один день, а я уже устала! – мальчик шел, опустив глаза в землю, а мать его отчитывала.

Вера поспешила пройти мимо, чтобы не смущать мальчика, но через несколько шагов оглянулась. Второй или третий класс, определила девушка, значит, мама устала еще в прошлом или позапрошлом году, эта усталость закрепилась и не оставила сыну никаких шансов вернуть мамино доверие. Теперь он всегда будет виноват, потому что уже никогда не оправдает маминых надежд.

Вера не станет дозвлеть над своим ребенком. Она именно так и подумала: дозвлеть. Она будет со своим ребенком на равных. Будет смотреть с ним в одну сторону и никогда не отведет взгляд. Обязательно выслушает его точку зрения, чтобы малыш не боялся разговаривать с ней. У Веры ребенка еще не было, но когда-нибудь ведь появится, поэтому девушка на всякий случай пообещала ему свою поддержку.

На работе все было как всегда, сменилась только жертва директрисы. Не то, чтобы остальные были реабилитированы, просто сейчас директриса вплотную занялась старым кукольником. Проконтролировала его работу и сделала вывод, что работать он не умеет. Она бы все сделала иначе, хотя она не должна заниматься его работой. А он должен. Николай Иваныч стоял, опустив голову, бормотал что-то в свое оправдание. А директриса над ним нависала. Не

буквально, конечно, но в этот момент она стояла на позиции взрослого, который имеет право отчитывать. Довлела. Хотя исконное, старорусское значение этого слова – быть достаточным. Но директрисы было много. А старый кукольник стоял на позиции ребенка, который виноват. И всегда будет виноват.

Вера их не видела. Дверь в ее мастерскую была закрыта, а из коридора доносились менторские поучения директрисы. Ее голос напирал, заполнил весь коридор и вжал старого кукольника в стену. Остальные сотрудники тоже сидели по мастерским и не высывались, чтобы не ставить кукольника в неловкое положение.

Наконец, голос директрисы стих, послышался стук удаляющихся каблуков. Директриса умела чеканить шаг.

– Зови Николая Иваныча пить чай, – подмигнул Вере Петрушка. – Пришло время сказки.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 16

Шахматная партия
Туранга

Сколько Миша себя помнил, он всё время болел и сидел дома, в то время как его сверстники весело гоняли по двору и устраивали вылазки по окрестностям. Почти у всех были братья и сёстры, а у него никого не было. Но на все его просьбы купить ему братика или сестрёнку мама темнела лицом и отмахивалась, а потом плакала по ночам, заглушая рыдания подушкой.

А ещё он не знал, кто его отец. Они жили с мамой вдвоём, и он помнил её всегда занятой, измученной, больной. Однажды на его вопрос об отце, мать сильно его ударила, и больше он вопросов не задавал.

Мечта так и осталась мечтой, а Миша дал себе слово, что когда вырастет – у него будет много детей, и он никогда, никогда не будет их обижать!

У него даже дедушки с бабушкой не было, но спрашивать о них маму Миша опасался. Маленьким сердцем он понимал, что у мамы есть большая тайна, которая причиняет ей боль, и очень хотел ей помочь, но не знал как.

101

Однажды Миша случайно наткнулся на деревянный ящик, разрисованный в клеточку, внутри которого находились деревянные фигурки. В ответ на его невинный вопрос, мать разозлилась ещё больше, снова его ударила, а деревянный ящик полетел в мусорное ведро. В тот день Миша впервые без понуканий вынес мусор.

Время шло, остались позади школьные годы, но тайну своего рождения он по-прежнему не знал – мать резко пресекала все его попытки завести разговор на эту тему.

Она ушла неожиданно – во сне. Просто легла накануне спать, а утром не проснулась. Хоронили всей деревней.

Когда соседи разошлись после поминального стола, Миша остался вдвоём с бабой Верой – маминой соседкой, оставшейся помочь. Всё было убрано, мебель расставлена по местам, и баба Вера, тяжело опустившись за стол, разлила водку по поминальным стопкам; они молча выпили. Тогда-то Миша и отважился задать давно мучивший его вопрос.

Она долго молчала, а потом начала говорить:

– Тяжёлая доля твоей матери досталась. А ведь любимицей у отца росла, души он в ней не чаял. Всё – для неё. Руки у неё золотые были: за что ни возьмётся – всё ладится. И красивая была – чего уж там скрывать. Я, признаться, завидовала ей сильно. Да только со временем понятно стало, что это ей было в пору завидовать мне. Шахматы помнишь?

Миша кивнул – ещё бы не помнить! Ведь именно у неё, бабы Веры, он оставил на хранение загадочную деревянную коробку, которая – как она объяснила – оказалась шахматной доской. У неё он играл с фигурками, значение которых узнал позднее. И именно у неё их не вовремя застала мать, забежавшая к соседке занять немного до полочки.

Миша вспомнил, как мать привычно замахнулась было на него, но баба Вера встала между ними и грозно сказала:

– Ещё раз ударишь – дверь тебе больше никогда не открою!
И мать отступила.

Домой Миша вернулся с шахматной доской, и уже больше никогда с ней не расставался. Но какая тайна была связана с ней – он от матери так и не узнал.

102

А баба Вера тем временем продолжала:

– Дедовы это шахматы. Любил и умел играть, поговаривали, что даже в область его хотели забрать – талант, дескать, у него. Да только родители не пустили. Время было тяжёлое, семья многодетная, а он – самый старший из детей, вместо няньки им был. После школы сразу работать пошёл – какая-никакая копейка в семью.

Время пришло – женился на девчущке соседской Марии. Ох, красивая была – загляденье! Стольким женихам отказала, а за дедом твоим пошла. Дразнила его всё время:

– Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй!
Да только люб он ей был – как замуж позвал, так сразу и согласилась.

Дружно они жили, первенца ждали – маму твою. Но не судьба была твоей бабушке Марии дочку свою увидеть – умерла родами.

Почернел Николай лицом, осунулся. Многие тогда бабоньки на него глаз положили – мужик крепкий, хозяйство справное. Да только Николай как отрезал – сам воспитаю! Сказал – сделал. Так и не женился.

Подросла Нинка, сама помощницей отцу стала: куда он – она за ним. С детства к тяжёлому труду привычная, всё хозяйство на ней. Времени свободного

больше стало, и вспомнил Николай про своё давнее увлечение шахматами. Вечерами, бывало, соберёт ребятню вокруг себя, и учит в шахматы играть. Вот от них беда и случилась.

Прибился к нему мальчонка соседский Сергунька – из неблагополучной семьи, как сейчас говорить принято. Способным к шахматам оказался, да только ничего хорошего из этого не вышло. Подружился с Ниной, а как подросли – встречаться начали. Дело к свадьбе шло.

Время тогда было – не чета нынешнему. Хранили себя девушки до свадьбы. Да только Сергей с плохой компанией связался – на слабо взяли: неужто, дескать, девку слушать станешь? А он слабым оказался, вот и повёлся – силой взял, на глазах дружков своих.

До суда не дожил: как Николай узнал об этом – своими руками его и зарезал. Вся деревня на защиту встала, когда пришли его арестовывать. Да он и не скрывался – так и сидел там, ждал, когда его заберут.

В суд ходили, письма в область писали – да куда там! Дали ему максимальный срок за умышленное убийство. Как увели из зала суда – больше его никто не видел. Так и сгинул в лагерях.

103

Первое время письма Нинке присылал, да только она ему не отвечала. Выяснилось к тому времени, что встреча та не обошлась без последствий. Попыталась было от плода избавиться, да не получилось – откачали. Я Николаю сообщила, а он Нине написал: погубишь, дескать, душу невинную – проклянута! Она и смирилась.

Михаил сидел оглушённый:

– Почему же вы мне раньше этого не рассказывали, баба Вера? Я ведь спрашивал!

– Слово твоей матери дала, что, пока она жива, ты ничего знать не будешь.

Баба Вера тяжело взглянула на него:

– А ты не осуждай её – за то, что от тебя хотела избавиться. Ты же для неё был постоянным напоминанием о беде, как красная тряпка для быка.

– Я не осуждаю. Просто только сейчас понимать её начал.

– Вот и хорошо. А мне идти пора.

В дверях баба Вера остановилась:

– Дед твой любил жизнь сравнивать с шахматной партией. Дескать, сыграть её можно так, что тебя сразу съедят, а можно и мат поставить. Так что, Миша, ты уж постарайся свою партию правильно сыграть.

– Постараюсь, баба Вера.

Слово своё Миша – а нынче Михаил Николаевич, – сдержал. Шахматы в доме на видном месте лежат – без дела не пылятся: и детей научил играть, и внуков. С женой своей Любавушкой долгую жизнь прожил, ни разу не попрекнув её; и сыновей научил уважению к матери.

Соседи часто спрашивают его – как ему удаётся и детей, и внуков воспитывать в строгости и уважении к старшим? Он только улыбается в ответ. А разгадка простая – свою партию в шахматы он разыграл правильно.

Её зовут Тигра
D Grossteniente Okku

Её нередко зовут Тигра, Рыжая бестия и так далее. Она очень удачно нашла себе хозяев или родителей – эти двое в преклонном, в общем-то, возрасте души в ней не чают. До знакомства с Рыжей бестией Мама считала, что она – собачница. Любила только собак, ну-ну. Папа много времени проводит в поездках – называет их «командировками». Он любит быть занят, но ещё больше любит играть с ней, и ещё любит трепать её за шерсть на груди и приговаривать «рыжая, кр-расивая». У Мамы можно легко выпросить «няшку» – вкусноту всякую, папа охотно поделится кусочком курочки или сыра.

Она, Тигра, знает про себя – она красива и умна. И даже обои, периодически попадающие в кошачьи когти, коврик у входа в туалетно-стиральную комнату и прочие досадные мелочи – не помеха в общении. Да, за разные шалости ей достаётся тряпошным тапочком по попе и задней лапе. За то, что запрыгнула на кухонный стол, ей обидно оттрепали уши...

105

Строгость – неизбежное средство людей в общении с такими высшими существами, как она. Люди просто не могут охватить своим взглядом всей Вселенной. Впрочем, у кошек это тоже не всегда получается.

С людьми порой сложно общаться – не все взгляды они понимают. Посему нередко приходится прибегать к более близкой для них звуковой, «мяукающей» методике – там напомнишь, что неплохо бы перекусить, тут просто привлечешь внимание – погладят, няшку-вкусняшку дадут, поиграют... Всё как-то приятнее чувствовать, что их быт заполнен смыслом, общением с высшим существом, то есть с ней, Единственной и Неповторимой. Мама научила её отзывать-целоваться на фразу «поцелуй меня»? Ффф! Это она дала Маме взглядом понять, что ей приятно прикасаться к маминим губам. Ну вроде как с настоящей кошачьей мамой общаешься... А когда возвращается Папа, надо сначала забраться на спинку кресла, он подойдет, непременно возьмет тебя, тут можно и помурчать-поворчать «Как тебе не стыдно? Как ты можешь так долго пропадать? Без тебя же скуучно».

Люди – странные существа, именно ночью им нужно спать. Сначала наша

героиня пыталась отучить их от этой привычки – ну ладно, подремать часик-другой ещё можно, а потом – активный образ жизни прежде всего! Ага, не тут-то было – ее стали выкидывать за дверь. Да еще и закрывали эту дверь. Ох и наивные... Убедительности ради Тигра продемонстрировала пару раз, что может открыть любую дверь – главное правильно прыгнуть и правильно надавить лапой или лбом на замок. Да что дверь – комод, где Мама хранит свои разные повязки-завязки, наша умница тоже как-то открыла и мило погоняла одну из этих повязок. Мама даже не обиделась. Ну или почти не обиделась.

Другое дело – обои. Что ж поделаться, когда у бедной кошки чешутся когти. А в промежутке между подоконником и батареей обои легче всего отдираются. И как же досадно! – Мама в тот день убиралась. Слава Богу, адскую машину, способную оглушить и испугать целый десяток кошек, она в спальню не втащила. Щеткой убирала мусор, мыла полы... И наткнулась на красивые кружевные остатки обоев. Звуки она издала погромче даже адской машины. А уж врезала... Нет, Тигра понимает, что люди – существа нетерпеливые. Ну не охотники они. Но по отношению к «дочке» можно было и понисходительнее быть. А то потом искала свою «дочку», звала ужинать. Нет уж, пусть теперь подумает о своём поведении, а мы молча посидим в уголке. Ничего, утром на завтрак придём, а сейчас потерпим...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 17

Обыкновенное происшествие

Марго

Идея этого рассказа пришла автору в голову после того, как он полистал «Словарь редких и забытых слов» Сомова, полученный в подарок на ДР. И если у кого-то во время прочтения возникнет желание заглянуть в это весьма достойное издание или в какое-то ему подобное, знайте: автор счастлив.

Студеным январским вечером, когда ветер завывал в печных трубах, а все окна в усадьбе затянуло куржаком, в монотонной песне метели Анисим Петрович вдруг расслышал звон колокольчика.

– Кто бы это мог быть? – всполошился хозяин усадьбы, куликавший в это время в полном одиночестве, не без удовольствия допивая уже третий лафитничек бальсана под шоколадную бомбошку. – Ужель Иван Степаныч пожаловал в такую непогодь? Вот ведь каналья, не иначе как опять проигрался в пух и прах у кого-то из соседей да мечтает у меня тут пожить. Ни за что с ним играть не сяду. Разве что в шашки... Раздосадованный Анисим подбросил еще одну истопель в жарник, запахнул шлафрок и вышел в сени, встречать.

107

Между тем колокольчик смолк у самых дверей, и сквозь пелену снежных вихрей стали видны городские дрожки с живеиником, совсем уж заметенным снегом. Не лучше выглядел и седок – мужчина в расцвете лет, одетый в альмавиву. «Небось щелкопёр какой-нибудь», – скривился Анисим Петрович, наблюдая, как незнакомец выбирается из дрожек, путаясь в этой смутившей хозяина усадьбы одежде. Но неписанные законы гостеприимства требовали своего, потому Анисим Петрович, ступив на крыльцо, поприветствовал незваного гостя (который, как известно, хуже татарина) и услышал в ответ:

– Доброго вечера, хозяин. Заблудились мы маленько, вон как пуржит. Нельзя ли у вас здесь метель переждать?

– Что ж, милости прошу в дом, – сказал Анисим, присмотревшись к приезжему моншеру и не обнаружив в нем ничего оррёрного. – Вы меня не женируете, усадьба большая.

Живейник был отправлен к прислуге, в людскую – пусть и не шишгаль какой-нибудь, но все-таки не с дворянами же ему, фофану, вечер коротать, – а хозяин с гостем, который назвался Владимиром, поужинав, уютно расположился у

камелька, чтобы побеседовать да лафитничек-другой бальсана теперь уже в компании прикончить.

Приезжий хотя и был слишком разговорчив, но по преимуществу попросту требесил, выказывая себя эдаким шаматоном, которому и сам черт не брат. Однако порядком наклюкавшемуся к тому времени Анисиму Петровичу, который сильно страдал от одиночества в занесенной сугробами усадьбе, это пришлось по душе, и он даже поведал со смешком, что принял по первости Владимира за метромана из-за его альмавивы. Последний отпираться не стал и безо всяких цирлихов-манирлихов продекламировал пару строчек якобы из своего новенького, что-то вроде: «Городовой был сильно удивлен, когда его обставил папильон».

Так и сидели они до полуночи, попивая да покуривая, да снова попивая, – вторую уж бутылочку, выуженную Владимиром из недр его баула, приканчивая. Что там было налито в этих бутылках, бог весть, но этикетки заграничные, печатки сургучные – все чинно-благородно и, главное, на вкус предостойно.

В общем, очнулся Анисим Петрович в своей одрине только к полудню, когда ночного гостя вместе с его дрожками и след простыл. Ну и, как нетрудно догадаться, много чего недосчитался он в усадьбе, в том числе слитка золотого весом в полфунта, который ему еще прадедушка из-за морей-окиянов привез да хранить велел, на черный день.

Рассердился Анисим страшно, хотел феферу задать – ан некому, разве что самому себе. Правда, и кочумать был не в силах, потому отыгрался, как водится, на дворне бесправной, на ком же еще?! И до самых сутемок все прокручивал в голове ночное происшествие – от аза до ижицы. Жалко было потерянного добра и очень обидно, что так обмишулился, так безоглядно negliжировал здравым смыслом.

В сутемки, однако, слегка пришел в себя, а подправившись крепкой порцией бальсана, и вовсе повеселел, совершенно здраво рассудив, что легко еще отделался: хоть и без прадедушкиного золота, но ведь жив-здоров, даже не кашляет. И с особой любовью почему-то весь вечер думал-вспоминал о татарине – ну, о том самом, который все-таки, получается, и вправду лучше.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 18

Мой маленький друг

Джон Маверик

Он сидит на подоконнике, похожий на сгусток тумана. Мудрый и загадочный Чешир. Его глаза – две зеленые звезды, отраженные в оконном стекле. Лунная шерсть струится сквозь пальцы, почти неосязаемая, прохладная и шелковистая. Кот довольно мурлычет и легонько трется головой о мою ладонь. Мы чувствуем друг друга с полувзгляда, с полуприкосновения.

Как хорошо, что дочка меня не послушалась! В пустой квартире, окруженный призраками прошлого, я бы сошел с ума от одиночества. В моей спальне до сих пор живут зловещие безделушки-куколки покойной жены, и рука не поднимается их выбросить. А на стенах развешаны дочкины рисунки. Пучеглазые чудовища – герои каких-то мультфильмов. Ночами они пугают меня. Но стоит под кроватью завестись Чеширу, и кошмары тают, как снег в пригоршне. Ступая мягкими лапами, словно обутыми в меховые сапожки, кот выходит на середину комнаты, хрустит сухим кормом и лакает воду из миски. А я лежу, улыбаясь в темноте. Знаю, что стоит задремать, и Чешир придет ко мне под бочок и, прижавшись уютно сквозь одеяло, запоеет свою кошачью песенку, и тогда ни одна злая куколка, ни одно мультяшное чудовище не вторгнутся больше в мой сон. Мы оба будем мирно спать до утра, согревая друг друга и защищая от всех напастей. Такая у нас дружба.

Он уже стар, мой маленький друг. Да и я не молод. Мы, как двое любопытных детей, заглядываем в окошко вечности. Что там, за последней чертой, которую вот-вот переступим? И кажется, совсем недавно моя девятилетняя дочь Мартина принесла его с улицы, крошечного, мокрого, всего как будто скрюченного от холода. Шел дождь и дул ветер, такой сильный, что деревья рвались в полет вместе с листьями. Ранний ноябрь. Хрупкая грань осени и зимы. Без помощи человека котенок бы, конечно, не выжил.

Как Мартина за него просила!

– Папа! Пожалуйста! Давай его оставим! Он маленький, погибнет без нас. Пожалуйста! Папа!

Она ревела, будто малое дитя, и, заходясь в истерике, топала ногами. Даже Алиса, моя жена, царство ей небесное, хоть и не любила кошек, но, жалая дочку, умоляла взять малыша. Напрасно. Уверенный, что детским капризам нельзя потакать, я затворил свое сердце и запер на три замка.

– Отнеси, где взяла. И немедленно! – прозвучал мой приговор, а от своих слов я не отступал никогда.

Казалось бы, поздний ребенок. Сам Бог велел обожать и баловать, как принцессу. Но что-то не срослось. Не тянулась к любви душа. Сейчас тянется – но поздно. Хоть и звонит Мартина каждую неделю, интересуется,

спрашивает о здоровье, предлагает помощь... но в ее голосе звенят льдинки. Ежусь от внутреннего холода, но исправить, увы, ничего не могу. В тот дождливый ноябрьский вечер что-то между нами сломалось безвозвратно.

Плача, Мартина ушла с котенком на руках. Через полчаса вернулась, вымокшая до нитки и дрожащая, и заперлась в своей комнате. Три дня она со мной не разговаривала, а потом я стал замечать котика у нас дома – то лежащим на подоконнике, то на диване. То за шкаф шмыгнет, то шебуршит газетами в кладовке.

Он был абсолютно белым, настолько белым, что на белом свету становился невидимым, рассыпаясь в солнечную пыль. Только в сумерки его удавалось рассмотреть как следует – грациозного пушистика с яркими изумрудными глазами.

Я прозвал его Чеширом за умение исчезать и появляться, словно из воздуха. А какое имя дала ему Мартина, не знаю до сих пор. Да и так ли это важно? Имя – по сути пустой звук, а мы с моим маленьким Чеширом давно понимаем друг друга без слов.

Котик оказался тихим, не устраивал по ночам концертов, не царапал мебель и не путался под ногами. Он совсем никому не мешал. И если поначалу я собирался настоять на своем, то потом смирился и даже рад был невинному дочкиному обману. Как мудро иногда поступают дети. Сама того не сознавая, Мартина принесла в наш дом счастье. Погружая пальцы в мягкую кошачью шерсть, я чувствовал, что и сам становлюсь мягче, добрее. Мы с женой даже ссориться перестали. Не то чтобы сблизились, но вели себя деликатнее и тише. Как наш любимый Чешир.

Нередко он приходил ко мне в постель и ложился рядом, неотличимый от белизны одеяла, грел больное плечо и баюкал тихим мурлыканьем. Я засыпал, словно под крылом у ангела и просыпался обновленным. После смерти Алисы он стал приходить каждую ночь.

От воспоминаний меня отвлекает звонок Мартины. «Поздновато ты сегодня, дочка», – думаю, рассеянно вглядываясь в темноту за окном. Хотя что тут удивляться – осень. Не успеешь пообедать – и ночь на дворе. Ненавижу смотреть на часы.

– Привет, папа, – бодро начинает Мартина, и вот уже посыпались дежурные вопросы – про здоровье, давление, врачей.

– Да все в порядке, – отмахиваюсь. – Старые мы стали. И здоровье по возрасту.

– Мы – это кто? – настороженно интересуется дочь.

– Я и Чешир.

Странное ощущение, когда в трубке потрескивает тишина.

– Кто такой Чешир? – спрашивает, наконец, Мартина.

– Ну кот же, – мне отчего-то делается неловко, как будто ненароком выболтал стыдную тайну.

– Папа, ты завел кота? – холодно изумляется Мартина.

– Да нет. Ты что, забыла? Чешир – тот самый котенок, которого ты притащила в детстве, а я сказал его выкинуть. Помнишь? Ты потом принесла его назад, тайком. И хорошо сделала. Теперь я понимаю, что хорошо.

Дочь коротко, со всхлипом вздыхает, и я представляю себе, как она поджимает губы. Возможно, комкает в руке платок или край скатерти, или чертит пальцем по столу замысловатые узоры.

– Я сделала, как ты велел, – говорит она чужим голосом. – Я не приносила котенка назад.

«Неправда», – хочется крикнуть мне, но я уже вижу, что его зеленые глаза – отражения уличных фонарей, а тело – клубящийся лунный свет. Его роскошный белый хвост разметался дождинками по стеклу. Мой маленький друг растаял, навсегда оставшись в том холодном ноябре. А я сижу один в пустой квартире, зная, что впереди долгая ночь и никто не заговорит мои кошмары.

Я смотрю на его миску с крупинками сухого корма, недоумевая, кто ел из нее? Кто шуршит по ночам у меня под кроватью? Может быть, мыши? Да, наверное. В моем доме поселились мыши. Почему бы и нет? Ведь у меня никогда не было кошки. Я твержу эту фразу снова и снова. Она горчит на губах. Горько-соленая, с привкусом слез. Она звучит как «жизнь прожита напрасно». Или «меня никто никогда не любил». Нет, не так. Это я никого никогда не любил.

Повторяю опять и опять. Слово за словом приучаю себя к этой новой боли. У меня. Никогда. Не было. Кошки.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 19

Кики

Джон Маверик

Так устроена жизнь – пока человек взрослеет, детство все дальше уходит в туман. Вроде совсем рядом оно, а уже разлетелось на клочки воспоминаний. Книжки, друзья, падение с качелей, ссоры с сестрой, какие-то поездки, песочный замок на заброшенной стройке, рыбалка на берегу безымянной реки... И над всем этим золотым облаком парит мамина любовь. Мама... Красивая, неутомимая, всегда смешливая и жизнерадостная. Ее улыбка светила ярче звезд, а нежности хватало на всех – на меня, на сестру, на отца. Но, кажется, больше нас троих она любила Кики – пушистого черного кота, помесь сибиряка с мейнкуном, который хоть и являлся отпрыском крупных пород, почему-то остался маленьким и выглядел почти котенком. Он и вел себя как шаловливый котенок, вдобавок дурно воспитанный. Мочился в наши постели, на кресла и диван, царапал обои – при том, что мама чуть ли не каждый месяц покупала ему новую когтеточку – а шторы превратил в драные мочалки. Его любимой забавой было раскачаться на занавеске и с размаху запрыгнуть на открытую полку серванта, смахнув с нее вазу с сухим букетом и фарфоровые статуэтки.

112

Мы с сестрой ненавидели Кики и всегда старались незаметно его пнуть. Отец брезговал котом, но терпел его ради мира в семье. Но мама! На любые проделки своего питомца она смотрела с доброй улыбкой.

«Ох, Кики! – говорила она, умильно глядя на расколотые фигурки и раскиданные по полу цветы. – Какой ты еще малыш! Кошки – вечные дети», – добавляла, обращаясь к нам.

Мы только головами качали, мечтая взять проказливое существо за шкуру и вышвырнуть вон.

«Марк! Соня! – звала она нас. – Взгляните, как Кики спит! Какое у него пузиком – черное в светлую полоску. Переливчатое... и мягкое, как шелковое, потрогайте», – она благоговейно гладила кошачий животик, а Кики довольно жмурил и без того узкие лимонно-желтые глаза и рокотал, как самолет на взлете.

«Смотрите, как Кики высоко залез!» – радостно кричала она в другой раз, восторженно созерцая сползающего по занавеске кота.

«Как он измазал мордочку в сметане!»

«Какие у него кисточки на ушах! Как у настоящего мейнкуна!»

Мы подходили, смотрели и кривились. Наверное, мама это видела, но отметала наше недовольство легким взмахом руки, точно стряхивала паутину с люстры. Думаю, в глубине сердца она верила, что когда-нибудь наши души оттают при

виде беззащитного пушистого комочка, невзрослеющего кошачьего ребенка – и мы полюбим Кики.

А потом она заболела. Это был страшный год. Надежда сменялась отчаянием. Отчаяние – надеждой. На этих чудовищных качелях мы раскачивались много месяцев, дежуря в больничных коридорах, в палате хосписа, осаждая кабинеты лучших в городе врачей, профессоров и волшебников от медицины. Бесплезно. Мама умерла в начале декабря, не дожив до Рождества ровно три недели. Предчувствуя скорый конец, она попросила забрать ее из хосписа домой.

Горела тусклая лампа, озаряя бледный мамин лоб мертвенной желтизной, резко очерчивая ее худые кисти и бескровные губы. Мы – трое – молча сидели у постели. Отец держал маму за руку. Соня плакала, беззвучно, не вытирая слез. Они текли по ее щекам талой водой. Кики лежал поверх одеяла и тянул мордочку к маминому лицу.

– Бедные вы мои, – чуть слышно прошептала мама. – Сиротки... Трое сироток...

Сперва я подумал, что она имеет в виду отца. Он ведь тоже в какой-то мере осиротел. Но нет. Проследив за ее полным страдания взглядом, я понял, что мама говорит о Кики. Мы с сестрой уже выросли, год – другой – и упорхнем во взрослую жизнь. К тому же, с нами будет папа – надежный, любящий, который никогда не предаст. Я, и Соня, и отец – никто из нас не останется один, потому что мы есть друг у друга. А Кики никто не любит. Он никому не нужен, всех раздражает, ни от кого больше не дождетя ни ласки, ни тепла. Как выживет он во враждебном, ненавидящем его мире – беспомощный вечный котенок?

Ты ошибалась, мама. Сквозь распахнутые двери памяти маленький черный котик вошел в наши сердца. Да, он по-прежнему катается на шторах, мочится на диван и дерет обои. Он уже перебил несчетное число ваз и стеклянных фигурок, распустил на нитки палас в прихожей и пометил все домашние тапочки.

Но – мы любим Кики. Любим с момента маминой смерти и по сей день, и будем любить до конца его кошачьей жизни. Мы прощаем ему все шалости и с улыбкой зовем друг друга полюбоваться, какое у Кики пузико и какие кисточки на ушах. И как смешно он измазал мордочку в сметане.

И я знаю, что в эти минуты мама смотрит на нас с небес и плачет от радости.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 20

Кто из нас лингвист?

D Grossteniente Okku

Как-то на днях настоящим зимним вечером (такие еще случаются в Подмоскowie) пошли мы с подружкой прогуляться.

Сразу оговорю, мы с ней просто друзья – сначала я у них в школе факультатив по иностранному языку вёл, потом года полтора в одной фирмёжке вместе работали, потом в одном приходе оказались. Какое-то время нас даже братом и сестрой считали. На свадьбе у неё не гулял – в командировке в то время был. А сейчас у неё, как пишут в модных нынче соцсетях, «все сложно».

Набродились, намёрзлись, зашли кофейку попить. Все время, пока мы бродили, и затем в кафе она рассказывает о своих делах. Потом спохватывается:

– Ой, извини, я наверно, тебя заговорила. Ты меня осаживай, если что.

– Не переживай, – улыбаюсь, а на душе так спокойно, что вечность целую слушал бы ещё, – еще три-четыре таких встречи, и научусь тебя осаждать.

114

Во взгляде девушки беспокойство, напряжение. Затем этак подчёркнуто светски-холодно:

– Ну и что за солдафонский юмор я слышу из ваших уст?!

Впадаю в ступор – вроде ничего ещё криминального не сказал, а она уже нервничает. А мы с ней недопониманием не страдаем. Ссылаюсь:

– Ты же сама сказала «осаживай».

Она на меня смотрит этак пристально:

– Ну да, «осаживай», а не «осаждай». Я тебе крепость или кто?

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 21

Люба

Леся Полищук

– Мама, расскажи еще, как ты была маленькой.

У Любы было три дочери, и долгими зимними вечерами они часто разговаривали о том, «что было раньше». Неизвестно, приятны ли ей были эти воспоминания, но она всегда охотно рассказывала девочкам о своём прошлом.

– Мама, ну, пожалуйста, расскажи ещё.

– Помню себя очень маленькой. Родилась я в 30-ом году, а это были трудные времена. Тогда после родов не давали отпуск. Через месяц надо было выходить на работу. Мама работала в полеводческой бригаде, а отец был кузнецом. В 1933 году настали смутные времена, был ужасный голод. Трудно жилось и нам. Мама перетирала какую-то траву, добавляла обдирную муку и пекла лепёшки. Не дай вам Бог узнать, что это такое – голод.

Прямо посреди комнаты к потолку был прикреплен железный крюк, а на нём висела деревянная люлька. Утром родители меня сажали в неё и давали в руки веник, что бы мышей отгоняла, а то были случаи, что мыши, или крысы, объедали ребёнку уши. Помню эту люльку, веник, я сижу, люлька качается, мыши бегают, я веником машу и пугаю мышей: «Кыш-кыш-кыш».

Окна в доме были заколочены с улицы деревянными нетёсаными досками. Боялись, что кто-нибудь окно разобьет, залезет и заберёт ребёнка, то есть меня, и съест. Детей тогда ели, голод, это страшная штука. Я, привыкшая оставаться в доме одна, не боялась, наверное, не понимала. Помню, что сижу в люльке, мышей гоняю, и вдруг в окне напротив чьи-то глаза. Вот тогда было очень страшно, сама не знаю, чего я испугалась, только эти глаза и сейчас вижу, как тогда. Потом руки схватились за доску и стали тянуть со всей силы. Сколько это продолжалось, не могу сказать. Только тот человек так и остался у окна.

Когда пришли родители, то увидели мужчину. Он висел на окне, зацепившись руками за доску, которую ему не хватило сил оторвать. Так он и закоченел. Если бы он не умер от голода, и было бы у него немного больше сил, и он смог оторвать доску, забрался в дом, то нас с вами сейчас на свете не было бы.

Мужчину сняли с окна, собрались люди, никто его не узнал, не из нашего села оказался. Похоронили, вернее, закопали, не до церемоний было, за территорией кладбища, всё-таки ребёнка хотел съесть, не по-людски это, на кладбище его хоронить.

Прямо напротив нашего дома было колхозное поле. На поле росла пшеница, а мы с голоду пухли. Когда пшеницу скосили, мама и я, хоть и мала была, как стемнеет, переходили через дорогу и ползком собирали колоски. Мама шептала, чтобы я не вставала на ноги, а то заметят – расстреляют, были такие случаи в селе. Ползали мы по полю долго, пока холщовые мешочки не

наполнятся колосками. Колени и локти были разодраны стерней до крови, саднили, но плакать нельзя, а я и не плакала, сама не знаю почему, больно же было. Дома пшеничные колоски потрошили, разминая между ладонями. Зерно мама толкла в ступе вместе с сушёной лебедой, и жарила на сковороде на керосине, что-то наподобие оладий.

После того случая с мужчиной стала мама брать меня с собой на работу в поле. Сначала женщинам воду подносила в кружке, потом помогала маме – что она делает, то и я. И прополка, и уборка урожая, и серпом жала, и снопы, что больше меня в несколько раз, таскала. Сколько себя помню, у меня частые головные боли. Поработаю в поле, на солнце, да ещё и понаклоняюсь, голова и разболится. Скажу маме, а она мне травинку сорвёт и велит в носу поковырять ею, пока кровь не пойдёт. И правда, легче становилось.

Пережили голод, только стала жизнь налаживаться, а тут и война. Перед войной брат родился, Володя. Отца на фронт не взяли, он был инвалид, у него горб, в детстве с печки упал. Так всю войну в кузнице и проработал. Никогда он не рассказывал про то, как в оккупации работал. Дом у нас был хороший, добротный на самом краю села. Как вошли немцы, сразу двоих на постой поставили. Немцы были спокойные, никогда никого не обижали. Когда планировался рейд по изъятию продуктов у населения, они говорили маме: «Матка, яйки, млеко хавай». Мама собирала курей, связывала им ноги, клала в мешок, и вместе с яйцами и другими продуктами прятала на берегу в камышах. Так называли нижнюю часть довольно большого огорода, где протекал ручей. В темноте куры сидели тихо, а может тоже понимали, шумнёшь, тут тебе и крышка. Однажды немцы не предупредили про облаву. В этот день один из немцев после дежурства отдыхал, куры ходили во дворе, паслись, а тут облава, стали курей хватать, те кричат, кудахчут, мать на крыльце платочком слёзы утирает, тут постоялец на шум вышел. Стал что-то по-немецки говорить. Что он сказал? Только ушли облавщики и курей не взяли, и обыск не сделали.

Не помню, в каком году случилась беда, снаряд попал в нашу хату, а чей, никто не знает. Хорошо в доме никого не было. Мама натаскала с хаты, что успела. Стали мы жить в погребе. В 1943 году родилась сестра, а тут в погребе – холодно, сыро, голодно. Снова через дорогу в поле, из мёрзлой земли выцарапывать мёрзлую полусгнившую картошку, свёклу, тем и жили. При немцах тоже всё сажали, а как же, только для немцев уже. Снова родители на работу, а мне – нянчить детей. Сестра маленькая, шуплая. Где мама брала хлеб, я не знаю. Уходила на работу, давала кусочек хлеба размером с половину спичечного коробка, и тряпочку, и велела, как сестра заплачет, хлеб разжевать, в тряпочку завернуть, и в рот ей положить. Да за краешек держать, что бы та не подавилась. Называлось это «куколкой». А знаете, что трудней всего было, когда хлеб разжёвывала? Самое трудное – не проглотить его. Боже, как же хотелось его проглотить, положишь хлеб в рот, пожуёшь, и вынимать надо, а

нет сил, до спазмов в горле. Но я ни разу не глотнула, всегда давала сестре «куколку». Сестра и не плакала никогда, наверное, сил не было плакать. Не понимаю, как она вообще выжила.

Закончилась война, а мне без малого 15 лет. Подалась я в город работу искать, поступила в вечернюю школу, училась хорошо, очень мне нравилось книги читать. Устроилась на швейную фабрику ученицей. Дали место в общежитии. Жили бедно, но дружно. В получку покупали хлеб, солёную кильку и устраивали пир на весь мир. В общежитии все девушки жили бедно, в основном все из села, городские дома жили. Одеться не во что, кто в чём. Если у кого заводилось новое платье, то в нём все по очереди ходили на свидание, или на танцы.

Окончила вечернюю школу, поступила в училище, учиться на швею. Стала страна от войны восстанавливаться, но всё равно жили очень бедно и часто впроголодь. До самых валенок я бегала в парусиновых туфельках, форсила, да и не за что было другую обувь купить. В воскресенье был выходной, в субботу работали, так вот в воскресенье я покупала буханку хлеба, садилась на рабочий поезд и ехала в село. Дорога долгая, целых три часа, это 80 километров. На пассажирском быстрее, да на него денег не было. Пока доеду, выщиплю весь мякиш из хлеба, довозила только корку.

В селе тоже не сладко, но посадили огород, и был какой-никакой урожай. Ездила не часто, не за что, а маме помогать надо, так я стала брать с собой девочек из общежития, из тех, кому было некуда ехать, они помогут в огороде, а мама за это их накормит тем, что уже выросло. В основном картошкой, да луком, да квашеной капустой с подсолнечным маслом. А то ещё с собой нам даст сколько сможет.

Жили в общежитии дружно, всем делились, не припомню, чтобы кто что-то утаил, всё делили поровну. И хоть получали получку, но денег не хватало, всё время хотелось есть, сколько помню, мы всегда голодные. Если у кого заводился кавалер, ему не сладко приходилось. Когда идёт в общежитие – должен принести угощение для всей комнаты, мы там жили вчетвером, и в смежной – шесть. Вот на всех и приносили. А угощения, знаете какие в те времена были? Селёдка, картошка, сахар-рафинад ломаными кусками, а если принесут булочек, или конфет «подушечек», так это настоящий праздник. С одной «подушечкой» можно целых три стакана кипятка выпить.

Когда познакомилась с вашим отцом, так он сразу всему общежитию понравился. Отец его был заведующим лавкой, это маленький магазин, потеперешнему если сказать. Потому они не голодали, и вообще жили не бедно. Никогда он не приходил с пустыми руками, и щедро угощал моих подруг. Да хитрый такой был, всегда говорил, что это мать передала, или батя передал. А родители понятия не имели обо мне.

Вот такое у меня было детство, да и юность не намного лучше. С отцом поженились, тоже, пока на ноги встали – хлебнули. Жизнь мы трудную

прожили, поэтому и стараемся, чтобы вы всегда были сытые. Всегда в доме есть хлеб, крупа, картошка. Живите счастливо, не дай Бог никому испытать голод.

– Мама, расскажи ещё, как вы с папой поженились.

– Хватит на сегодня, да и рассказывала уже много раз. Не шумите, ложитесь спать, отцу рано на работу вставать. Разбудите, будет нам, что полуночищаем. Идите, ложитесь.

– Спокойной ночи, мама.

Девочки поцеловали мать, они всегда целовали её перед сном, и отправились в постель. А Люба долго лежала с открытыми глазами. Сон не шёл, всколыхнулись воспоминания, будоражили, не давали сомкнуть глаза.

– Господи, спаси и сохрани, и отведи беду всякую от детей моих, не дай им испытать никаких бед.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 22

Линда
Туранга

Иван Михайлович любил её много лет и никогда ей не изменял – после работы спешил убедиться, что с ней всё в порядке, выходные проводил в её обществе, даже в отпусках ездил только с ней.

Жена в первое время пыталась устраивать истерики и скандалы, грозилась даже искалечить соперницу и поджечь, но он только молча усмехался. В конце концов, жена смирилась: муж не пьёт, деньги на хозяйство исправно выделяет, ни разу на неё не то что руки не поднял – даже голоса не повысил, где находится – известно. Чего ещё желать можно?

Правда, хотелось бы, чтобы он почаще дома бывал, но тут уже выбирать надо: либо мужик дома сидит – ничего не делает, либо, как говорится – при деле. Тем более, что всю мужскую работу по дому Иван Михайлович выполнял без указаний и напоминаний – всё работало, ничего не болталось и не падало.

119

Все подружки и соседки на мужей жалуются – одно и то же по десять раз надо говорить и пальцем тыкать, а пока не наорёшь – с места не сдвинутся. Ни гвоздь самостоятельно в стенку вбить не могут, ни лампочку вкрутить – всё подай им и покажи: где молоток лежит, в какое место гвоздь вбить, какую лампочку поменять?

А Линда – ничего себе так блондиночка, не капризная – денег много не просит. Зато польза от неё немалая: съездить куда-нибудь, привезти-отвезти, а когда начинается дачный сезон – вообще становится незаменимой.

Оба сына пошли в него – такие же молчаливые и нелюдимые бирюки, слова лишнего не вытянешь. Но и руки отцовские – растут откуда следует: с малолетства за отцом по пятам ходили – инструменты принести, лампочку подать, полочку прибить. Мужской работе научены, а что комплименты женщинам говорить так и не научились – не беда, не в этом счастье-то семейное – зато дом крепкий и достаток в нём.

Правда, злые языки ехидничают – не видать вам новой техники: ни телевизора, ни холодильника с пылесосом, ни даже машины импортной. Ну так что? Много ты на иномарке по бездорожью наездишь? – больше на ремонте прстоишь. А наша Линда ни дня на ремонте не стояла, а сколько этих самых иномарок из грязи повытаскивала? То-то же.

Сколько ласковых слов Иван Михайлович своей Линде наговорил – жена столько не слышала! Обидно немного, конечно, даже ревностно порой бывает. А как куда-нибудь поехать – сразу про ревность забывает.

В первое время, как только эти иномарки на дорогах запестрили – заикнулась было, что пора, дескать, машину поменять, а то соседи засмеют. Но после того, как старенькая неказистая Линда вытащила из грязи пяток красивых иномарок – примолкла, оценила и заужала. А соседи, что раньше смеялись над ними, всё чаще пешком стали ходить – капризные эти дамы иностранные, всё им не так – и дороги неправильные, и бензин не такой.

А Линда не капризничает: ест – что дают, и едет – куда скажут.

Удивлялись все, конечно, что Иван Михайлович свою машину таким странным именем кличет – даже к жене его поначалу приставали: спроси у него – откуда он такое иностранное имя выкопал? Да разве он скажет, если сам не захочет?

Бесполезно у него что-то выведывать против его воли – молчит привычно в ответ: бирюк – он и есть бирюк!

120

Так и прожили вместе больше сорока лет, да только срок, видать, подошёл – слёг Иван Михайлович и не встал больше. Впервые в жизни пожаловался однажды вечером на плохое самочувствие, прилёг на диван и уснул. Не стала его жена будить – ушла в спальню одна. А утром поздно уже было.

Хлопоты, как водится, начались – транспорт позарез нужен; сыновья – в гараж, да только не заводится Линда – и всё тут. Пришлось другую машину искать.

Проводили Ивана Михайловича, как положено, а после сороковин решили сыновья машину посмотреть – что с ней не так? Но как ни бились, а завести её так и не смогли. Видать, у машин тоже сердце и душа есть – не выдержала Линда тоски и ушла вслед за тем, кому преданно служила все эти годы.

Так никто и не узнал – почему Иван Михайлович Линдой её называл? Унёс он секрет с собой. И Линду с собой забрал. Отвезли сыновья Линду на кладбище и возле могилки оставили. В ту же ночь Иван Михайлович всем домочадцам во сне приснился: стоит он с Линдой – и улыбается.

Камни

Наталья Сафронова

Строки пробиваются сквозь усталость, стучатся ночью, днем, и сколько их ни тормози, все равно просочатся на бумагу. Нелепые, странные. Ясность наступит позже, вдруг станет понятно, зачем они с такой настойчивостью просились на свет. И спадет с души камень, еще один. Где-то прочитала, что к смерти надо готовиться загодя, очищать душу от камней. К смерти надо готовиться всю жизнь, помнить о том, что умрешь.

Ясе казалось, что вся ее жизнь – бесконечный спор с мамой и молчание с отцом. Тем более бесплодные, что она не могла нащупать, о чем именно спор и о чем – молчание.

Привет, Ксю. Как я и предполагала, тут делать абсолютно нечего. Вернее, с мамой тут делать нечего, с тобой мы, конечно, зажгли бы. Приехали поздно, мама сразу стала укладываться спать. Возражать бесполезно, пришлось лечь тоже. Сейчас мама выйдет из душа и выключит свет. И заведет свою старую сказку о главном. Просто «Спокойной ночи, малыши!» Ну, все, проявилась на горизонте. Сейчас начнет вещать, что делу время, а потехе час, что мне даже на отдыхе надо выкраивать часок и готовиться к экзаменам. Нет, ну это отдых?

121

Угораздило же меня дважды за полгода заболеть воспалением легких, теперь осталась без зимних каникул. Мать меня записала на все имеющиеся в санатории процедуры. А я права голоса не имею, приходится подчиняться. Пью травяные коктейли, делаю гимнастику и хожу на массаж. После обеда идем с мамой гулять в лес. Она суетится, подстраивается под мой шаг, и в этот момент не верится, что это я ее слушаюсь, а не наоборот.

Между процедурами и мамиными охами-вздохами успела присмотреть хорошенького мальчика. Правда, он тоже с мамой. Он с мамой, и я с мамой. Сама понимаешь, что из этого может получиться? Он делает вид, что не смотрит на меня, и я делаю вид, что его не замечаю. Наверное, тоже отличник, и тоже выкраивает часок, чтобы подготовиться к экзаменам. Кстати, ты не видела М.? Если видела, даже случайно, да еще и подошла к нему – убью, так и знай. Шутка, конечно. Ксю, ты же знаешь, что он мне нужен, как прошлогодний снег, но все-таки как он выглядит? Бледный-худой, спрашивает обо мне? Если спросит, скажи, что я здесь недалеко, в пригородном санатории.

Татьяна тогда и вправду сходила с ума. Олечка, Ясина классная, сказала:

– На ребенке лица нет, у девочки большое горе.

– Какое горе? – не поняла Татьяна.

– Я видела, как Яся плачет, – вздохнула Олечка. – Прямо на уроке потихоньку смахивает слезинки с ресниц.

Татьяна тогда устала на учительницу глаза и не мигала:

– Что же делать?

– Просто побудьте с ребенком, – подсказала Олечка. – Пусть она почувствует, что мама рядом. Может, сама расскажет. Или не расскажет, но будет знать, что вы с ней, очень близко. Для детей это важно.

– Ну, да, – кивнула Татьяна и тут же отрицательно качнула головой. – Я ей только мешаю. И не подойдет сроду.

– Это снуржи, показное, – успокоила Олечка. – А внутри всем им нужна мама.

Яська тогда закрылась в комнате и швыряла все с полки. Книжки, карандаши, шкатулки. Татьяна потом ползала вместе с дочерью по полу, собирала бисер. Яська забросила рукоделие, но не выкинула, как будто собиралась к нему вернуться. И сейчас мать и дочь снова раскладывали по папкам и шкатулкам Яськины шедевры: рисунки, вышивки, поделки.

– Ну, почему ты не хочешь в санаторий? – горестно спросила Татьяна.

– Не хочу, – не стала объясняться Яська. – Что я, при смерти, что ли?

Ты видела М.? Он так и не приехал. Знаешь, Ксю, я ему назло что-нибудь сделаю. Уже сделала. Согласилась на свидание с И., этим симпатичным соседом. Ну, как симпатичный? Вроде ничего особенного, но для мести сойдет. Даже если отличник, ничего страшного.

После обеда гуляли с мамой в лесу, она опять бегала вокруг меня и заглядывала в глаза. Как будто я безнадежно больная. Не понимаю, почему ее так напугало это воспаление легких. Не чахотка же, в самом деле!

Не знаю, куда мы пойдём с соседом. Почему-то представила себе, как мы идем с ним по этой же тропе в лесу, и я ступаю в мамины следы, вращаюсь вокруг него. Когда прощались с М., примерно так и было. Мы с мамой вечно суетимся и заискиваем перед теми, кого любим, боимся потерять. Может, это у нас семейное?

И. оказался ничего так, целуется нормально. Только он оказался из С., как тебе? Уедет, и поминай, как звали. Правда, обещал писать мне. Я подумаю, может, я еще поеду в С. поступать. Мама, конечно, уже против, но я сама приму решение.

Представь себе, М. приехал, как будто почувствовал. Мы стояли с ним на той же тропинке, что и с И, и целовались. Правда, вчерашние следы замело снегом. И мамины, и мои, все. Я не поняла, кто целуется лучше.

Сказала М., что поеду поступать в С. Он говорит, как хочешь, я в армию уйду. Я чуть в сугроб не упала. Спрашиваю:

– Когда?

А он говорит:

– Завтра, я попрощаться приехал.

Попросил, чтобы я ему писала. Проводила М. до ворот санатория, иду обратно, реву. А мама в окно со второго этажа смотрит и тоже плачет. Когда я пришла, она усадила меня рядом с собой на диван и говорит:

– Не надо из-за них плакать!

А сама ревет.

– Из-за кого, – спрашиваю, – из-за них?

Я думала, что она меня с ними обоими видела, и с М., и с И.

– Из-за экзаменов, – отвечает. – Ты у меня такая умница, ты со всем справишься, все замечательно сдашь!

– Ага, – говорю, – сдам. Но все-таки подготовлюсь.

Беру учебник по химии, открываю, уткнулась в него, а сама думаю, скорей бы мне М. адрес прислал, скорей бы ему письмо написать. Потом прошу:

– Мама, поехали домой! Надоело мне здесь.

– Вдруг, – думаю, – на провода к нему попаду. Позову Ксю, и пойдем.

Мама, конечно, заупрямилась, и мы никуда не поехали. Ночью ходила к дежурной, звонила домой. Это она долго терпела, почти неделю. Вернулась и плакала в подушку. Понятно, в кого я такая, почему меня М. мытарит и мызгает. То бросает, то приезжает, чтобы я ждала его из армии.

Пожалела, что дала И. свой адрес и взяла его. Не хочу ему писать, но, с другой стороны, неудобно отказываться, все-таки целовалась.

Сегодня снова позвал меня гулять. Представь, мама не в настроении, гулять не пошла. Пришлось идти с И., не сидеть же весь день в номере. Я предложила на лыжах, но И. сказал, что на лыжах неудобно будет целоваться. Он взял с собой «Смену» и фотографировал меня. Пообещал прислать фотографии.

Когда вернулась в номер, мама уже собрала вещи. Видно, что плакала.

Я про И. уже не думаю, думаю про М. Можно успеть к нему на провода, но как уйти из дома, когда мама будет ругаться с отцом? В общем, я приеду и тебе позвоню, Ксю. Сбегаем вместе к М. хотя бы ненадолго.

Если узнаю, что ты собралась к М. на провода без меня – убью, так и знай, не будет тебе пощады. Шутка, конечно. Я знаю, что не собралась, лучшая подруга все-таки.

Татьяна сидела в автобусе у окна, отворачивалась, чтобы смахнуть слезинку с глаз. Дочь сидела рядом, строчила что-то в тетради. Татьяна не подглядывала, неудобно. Мечтала, как отправит Яську учиться куда-нибудь далеко, хоть в тот же С. Соседка по санаторию рассказывала, как у них там хорошо. И сама уедет вместе с дочерью. Подальше от дома. А муж пусть, как знает. А может, опомнится, приедет за ней? А может быть, сейчас они обо всем поговорят, все решат, все начнут заново. Татьяна заглянула все-таки дочери в тетрадку. Подружке пишет, Ксюше. Маленькая еще, это и хорошо, зачем торопиться взрослеть?

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 23

Ряба
Туранга

Этот цыплёнок вылупился позже всех и был самым слабеньким. Его братья и сёстры сразу громко запищали на все лады и разбежались в разные стороны, с любопытством знакомясь с новым миром, а он не подавал голоса. При первом же осмотре выяснилось, что у него недоразвита лапка и он не мог даже толком стоять – он не только не успевал подбежать к кормушке, но даже не умел ни клевать зёрна, ни пить. Его судьба была предрешена с самого начала – его ждала верная гибель от голода.

Так бы оно и произошло в самое ближайшее время, если бы на летние каникулы в гости к бабушке не приехала внучка Машенька. Она только закончила первый класс, была круглой отличницей и очень серьёзной и ответственной девочкой.

Машенька сразу взяла над ним шефство – кормила из рук и поила из пипетки. Бабушка сказала, что цыплёнок всё равно погибнет, потому что кормить его надо через каждые полтора-два часа, а делать это некому. В первую же ночь ей пришлось пожалеть о своих неосторожных словах – девочка вставала по звонку будильника и терпеливо выхаживала цыплёнка, которого поселила в сенях дома.

Шло время – цыплёнок набирал вес, научился бегать, смешно переваливаясь на ходу, и необходимость в ночных дежурствах отпала. Машенька назвала его Рябой и терпеливо учила командам. Ряба оказалась на редкость умной – быстро всё усваивала, ходила за девочкой по пятам, научилась отличать её голос из десятка других и находила её везде, где бы она не спряталась.

Куручка даже бегала за Машей на речку, а когда впервые увидела её в воде, заполошно закричала, захлопала крыльями и отчаянно ринулась в воду – спасти хозяйку, а потом гнала её до самого берега, подгоняя клювом. Ещё долго после этого памятного купания Машеньке пришлось залечивать синяки и ссадины, зато Ряба, к удивлению и радости местной детворы, научилась плавать, став местной достопримечательностью.

С тех пор так и повелось – только Машенька заходила в воду, как Ряба тут же бросалась следом и кружила вокруг неё, готовая броситься на помощь при первых признаках опасности. Однажды детвора уговорила Машеньку притвориться, что она тонет и позвать на помощь – девочка так и сделала. Ряба

тут же выгнала её из воды и в тот день девочку к речке не подпускала. Больше Машенька с ней так не шутила.

Соседские ребяташки пытались приманить курочку, но не тут-то было! – Ряба шла только на голос своей хозяйки и ела из её рук.

Курочка принимала активное участие во всех ребячьих играх: участвовала в велосипедных гонках, гордо восседая на раме; во время игры в футбол зорко сторожила ворота и первой бежала за улетевшим мячом, а потом гнала его обратно, подгоняя лапками и клювом; во время игры в бадминтон истошными криками привлекала к себе внимание – дети специально роняли воланчик, а потом со смехом наблюдали, как Ряба несёт его своей хозяйке.

Как только Машенька утром выходила во двор, Ряба, бросив все свои птичьи дела, неслась к ней со всех лап, а магическое слово «гулять!» – заставляло её первой бежать к калитке. Курочка была очень смыслёной и понимала человеческую речь – она приносила именно то, что просила её хозяйка, а если предмет был слишком большим для неё – подбегала к нему и хлопала крыльями, как будто говоря «он – здесь!».

А ещё Ряба была самым лучшим охранником – Машеньке достаточно было сказать:

– Ряба, он меня обижает! – и показать на обидчика пальцем, как курочка тут же бросалась на него, а тому, под громкий хохот окружающих, приходилось спасаться бегством от её острого клюва.

В беззаботных играх пролетело лето, Машеньке пора было собираться в школу. Невозможно было без слёз наблюдать сцену прощания – Ряба как будто чувствовала долгое расставание и с утра бестолково бродила по двору, не прикасаясь к еде. Когда наступило время отъезда, курочка сначала перегородила дорогу к машине, а потом бросилась под колёса.

Машенька долго объясняла Рябе, что все дети должны ходить в школу, и что она обязательно приедет через неделю. Курочка как будто поняла её, потёрлась, как котёнок, об ногу, и больше не препятствовала отъезду.

Прошла неделя, наступила суббота – и Ряба с утра заняла свой пост возле калитки. Как же бурно она радовалась Машиному приезду, а потом целый день ходила за ней по пятам!

Два дня пролетели очень быстро, снова наступило время расставания, но Ряба уже не препятствовала сборам, только вышла с бабушкой на дорогу и долго

смотрела вслед автобусу, увозящему Машеньку в загадочный и незнакомый город.

Каким чутьём Ряба определяла, что закончилась школьная неделя и должна приехать Машенька – никто не знал, только каждую субботу курочка с самого утра терпеливо охраняла калитку.

Близилась холода – наступило время подготовки к зиме, которая, как правило, была ранней и затяжной.

Однажды, в очередную субботу, Ряба Машеньку не встретила. Девочка бегала по всему двору, заглядывала во все постройки, обшарила все углы – её любимицы нигде не было.

Бабушка готовила обед, когда услышала Машин крик – девочка рыдала так, что сбежались соседи. На полу в сенях лежали окровавленные и выпотрошенные куриные тушки, среди которых Машенька увидела Рябу – она узнала её по кривой лапке.

Горе девочки было искренним и неподдельным – бабушке пришлось вызвать сельского фельдшера, потому что Машенька не подпускала её к себе и непрерывно кричала:

– Убийца! Ты убила Рябу! Я тебе никогда этого не прощу!

Никакие доводы, что куриц выращивают специально на убой, Машенька не слушала – ведь Ряба была для неё не просто курицей, а лучшим другом!

В тот день Машенька впервые отказалась от обеда, а потом позвонила маме и потребовала немедленно забрать её обратно домой.

Ещё долго после этого Машенька не ела ни курятину, ни яйца и отказывалась навещать бабушку.

С тех пор прошло много лет – Машенька выросла, обзавелась семьёй, у неё подрастают дети-школьники. Обида давно улеглась, но память о Рябе жива, а бабушка до сих пор чувствует свою вину.

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 24

Прости меня, мама...

Туранга

Здравствуй, мама!

Мы никогда с тобой не говорили по душам. Я очень виновата перед тобой. Если бы я могла вернуться в прошлое и исправить его! Но, увы, мне этого не дано...

Я только сейчас осознала всю глубину своего морального падения – когда сама стала матерью. Я держу на руках маленький пищащий комочек счастья, и клянусь, что никогда не буду потакать её прихотям. Не потому, что я её не люблю, а как раз наоборот! – потому что люблю, и не хочу, чтобы она повторила мои ошибки.

Я была поздним, единственным, а потому – очень желанным ребёнком, центром семьи, божеством, которому сначала поклонялись, и которого потом возненавидели – все, кроме тебя.

128

– Хочу! – было единственным словом в моём лексиконе. – Это! – и тыкала пальчиком.

И «это» тут же приобреталось и забывалось. Твои робкие попытки убедить меня хотя бы один день поиграть с только что купленной игрушкой, приводили к диким истерикам.

– Хочу! – вопила я и каталась по земле. Прохожие осуждали тебя – за жадность и грубое отношение к ребёнку. Тебе не хватало твёрдости характера, чтобы противостоять детской истерике, а я всю этим пользовалась.

– Хочу! – и в нашей квартире появлялась очередная, никому ненужная вещь, а я жадно высматривала, чтобы ещё потребовать?

С каждым моим «хочу!» ты становилась бледнее и худее, но мне было не до того, чтобы это замечать: вокруг было столько всего, что приковывало мой жадный взгляд и требовало немедленного получения в личную собственность, чтобы тут же быть заброшенным в угол и забытым.

У меня никогда не было друзей – ни в детском саду, ни во дворе, ни в школе. Кому захочется дружить с той, кто требует единоличного и всепоглощающего внимания? Я была изгоем на улице, и вымещала свою ненависть к этим

жалким, ничего не понимающим людишкам на тебе, а ты молча плакала. Но даже твои слёзы выводили меня из себя!

Мой отец так любил играть со мной, когда я была маленькой. Он катал меня на спине по всей квартире, читал книжки, рисовал, а зимой – возил на санках. Он учил меня ездить на велосипеде, а я, после первого падения, ударила его по лицу, вывалив все ругательства из скудного детского лексикона. Ведь это именно он был виноват в том, что все дети во дворе смеялись надо мной – вместо того, чтобы восхищаться и поклоняться!

Он не был мне родным отцом – он женился на тебе, когда я уже родилась. Как же не вовремя я об этом узнала!

Я без спросу проверяла ваши вещи, залезая в самые укромные уголки нашей маленькой квартиры, и нашла то, что стало для меня шоком – документы на удочерение! Он мне не родной, и специально меня уронил! – эта сумасшедшая мысль прочно засела в моей голове, и никуда не собиралась уходить.

С того дня я вела себя с ним высокомерно и нагло, и, когда отец сделал мне замечание, я закричала:

– Ты мне не родной! Убирайся отсюда!

129

Я помню, как отец побледнел, как вспыхнули гневом его глаза, и впервые в жизни он меня ударил! Я бросилась к тебе и закричала очередное «хочу!», потребовав от тебя невозможное: чтобы чужой нам человек был немедленно удалён из нашей жизни.

Я помню, какая гнетущая тишина после этого наступила в нашей квартире. Несколько дней вы не разговаривали, а я продолжала вопить «хочу!». И добилась всё-таки своего! – отец ушёл, ничего с собой не взяв. Он просто исчез, мы его больше не видели и не получали от него известий. А я наслаждалась очередной – сомнительной! – победой.

Время шло незаметно и быстро – с трудом закончив восьмилетку, я нигде не работала и не училась. Ты попала в больницу после очередного скандала, вызванного твоим вопросом: «Где ты была? Я волновалась за тебя.», и так и не вышла из неё. А я была только рада – ведь теперь в моём распоряжении была отдельная квартира!

В моей жизни появлялись и быстро исчезали мужчины, и с каждым очередным лицом – которое на следующий день я не могла вспомнить, – сама того не осознавая, я опускалась всё ниже и ниже.

И тогда появился Он. Квартиры у меня к тому времени уже не было: она была продана за копейки – ушлому барыге, который специально подсадил меня на ежедневные дозы.

Он нашёл меня на улице – опустившуюся на самое дно, грязную и оборванную, – и привёл к себе домой. Какой же вкусной была домашняя еда!

Я срывалась и падала, а он всегда был рядом – он не брезговал и не боялся искать меня по самым грязным притонам, контролировал приём лекарств, сидел возле меня ночами. Он заставил меня поверить в себя, в свои силы – что я смогу вылезти из этой грязи, в которую сама себя затолкала. И – убедил.

Срывы становились всё реже и реже – мне снова захотелось жить, дышать полной грудью и радоваться каждому дню.

А потом произошло чудо – я почувствовала в себе зарождение новой жизни. – Как тебя зовут? – спросила я того, к кому всё это время обращалась не иначе, как «Эй, ты!».

– Михаил, – ответил он просто.

– Михаил? – память услужливо вернула меня к прошлому. – Так звали моего папу...

Мы проходили с ним мимо мусорных баков, когда бомж, сосредоточенно роющийся в помойке, случайно оглянулся и наши взгляды встретились. Я не помню, как оказалась перед ним на коленях:

– Папа! Папочка! Прости меня, пожалуйста! – кричала я на всю улицу, захлёбываясь слезами.

– Ну что ты, доченька... Люди же смотрят... – его голос дрожал, а руки неловко гладили меня по голове.

Домой мы вернулись втроём. Михаил не задавал вопросов, а принял эту ситуацию так же невозмутимо, как и всё, что он делал раньше. Какое же это было счастье – идти по улице под руку с двумя любимыми и любящими мужчинами – отцом и мужем!

В ближайшие выходные мы поехали на кладбище; мы долго искали твою могилку и нашли её заброшенной и неухоженной – ведь у тебя не было родственников в этом городе, кроме непутёвой дочери. Михаил поставил памятник, покрасил оградку, даже цветы сам посадил.

– Это же моя мама! – пыталась слабо возразить я.

– И моя, – серьёзно ответил он. – Ведь это именно она подарила мне тебя.

Мы живём втроём в квартире Михаила; папа восстановил документы и устроился на работу. Он попытался было снять квартиру по соседству, но Михаил даже слушать не захотел. Бывший детдомовец, потерявший родителей в автомобильной катастрофе, он кулаками отстаивал своё право на независимость от чужого мнения, а когда пробился наверх – помог выбраться и мне.

Сегодня я приехала к тебе одна, точнее – с маленькой дочкой, которую назвала твоим именем. Посмотри на свою внучку, мама, и прости меня за всё...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 25

Эх, яблочко...
Николь Аверина

Багровый закат. Небо с низко нависшими, тяжёлыми и, почему-то пугающими своей необычной красотой, облаками. Пискнул и затих комар. Костик дёрнулся и, не отводя взгляд от неба, открыл окно. Аромат зреющих яблок, стрёкот кузнечиков, редкий лай собак – ничего необычного.

Упало и, глухо ударившись о землю, покатилося яблоко. Медленно, переворачиваясь с боку на бок, оно увеличивалось в размерах, принимая до боли знакомые очертания...

«Чёрт...» – Костик попытался закричать, но ничего не получалось.

Протяжно и тоскливо завывала собака. Костик вздрогнул и проснулся. «Настюха!»

Её не было...

...Первый раз он увидел её на вокзале. Странное несоответствие внешней красоты и одежды бросалось в глаза не только Костику, но и всем окружающим. Многие исподтишка разглядывали её, пытаясь понять причину. Девушка чувствовала это: прятала глаза, пугливо озиралась по сторонам и пыталась спрятать под скамейку стройные ножки в старых войлочных сапогах. Она напоминала провинившегося щенка, который отстал от хозяина, потеряв след. Эта робость и незащищённость так притягивали Костика, что он не мог оторвать глаз. На секунды их взгляды пересеклись, и он уловил в её глазах такую боль...

Девушка резко встала и, не давая Костику опомниться, почти бегом, пошла на выход. А он сидел и, как загипнотизированный, смотрел ей вслед.

Прошло два месяца, но образ девушки, которую он видел ещё дважды, проезжая мимо вокзала, всё еще не покидал его. Не смущало даже то, что была она в сопровождении мужиков, очень похожих на бомжей... И Костик решился.

Дождавшись выходного – благо, до райцентра всего двадцать минут, Костик отправился в путь. Не найдя её на вокзале, он забрёл в закусочную, где, перемежая разговор матерком, потягивали пиво местные мужики. Слово за слово, и Костик знал о ней уже всё: местная бомжиха, сирота, дочка в доме-малютки. Пользуют её на всю катушку по очереди – этим и кормится...

– Нет...слыхал от таксистов, что ерепенилась поначалу, строила из себя цацу. Но пообломали, куда денется. Эх, хороша бабёнка, – похотливо хохотали мужики и с ухмылкой спрашивали: – А, тебе-то чё? – Да, ничё, так – интересно,

– сжимая кулаки под столом, отвечал Костик, уже наверняка зная, что он её обязательно заберёт.

Май тогда был.

Яблони цвели, как будто радовались.

Белым-бело... Да, какая свадьба. Работал Костик трактористом, зарплата – мешок зерна, приправленный фигой с маслом. Ладно, дом от бабки по наследству перешёл – хоть что-то. Сам – сирота... Поджарый, сухой, тело в чирьях – врачи сказывали, что иммунитета нет. А откуда он – иммунитет тот. На одних яблоках далеко не уедешь... Огород – картохи три ведра да луку гряда, вот и весь урожай. Только для себя – интереса нет, не привык он для себя-то. Да и выпить хочется. Он чё – рыжий, все на деревне пьют. Но, не алкаш ведь. С тоски всё это...

«Вот на пару с Настюхой... Эх, развернёмся! Пацанку к себе заберём...»

И они развернулись. Поначалу всё хорошо, ладно пошло. Настюха – девка сноровистая, всё в руках горит. Да и Костик старался, как мог. И всё так ладненько-кругленько, без задоринки. Даже куркули-соседи, глядя на них, радовались. Но не тут-то было...

Пронюхали, охочие до бабской сладости, мужики – куда Настюха подевалась, и нагрянули. Ножичек к горлу и договор о купле-продаже, бартер. Ты – нам, а мы – тебе: продукты, закусь...И понеслась... Каждый выходной мотоциклы под окном стрекочут. То Настюху в соседний лесок, на ромашковый лужок повезли. А то прямо в избе. Напят Костика досыта и шуруют по очереди. Настюха, может, и не рада, но куда денешься. А Костик терпел, горе всё чаще водкой начал запивать. Бывало, бегал и с бодогом следом, учить пытался. Да, куда там... Настюха тоже на водочку подседа и смирилась с долюшкой своей. Судебные приставы наедут – алименты на дочку положены... А где их взять? Всё, что можно, из дома «уехало». Совсем дом опустел, пригорюнился. Но Костик старался. Дровишки – горбыль непригодный, списанный – пилил. Худо-никудашно – забор справил, даже калитку навесил. Правда, выше забора получилась, мужики ржут – упадёт... Но не падает, держится. Тётка картохой снабдила, яблок вон – ешь-не хочу. Костик поёжился...

«Ночь на дворе, должна уж быть Настюха, обещала с автобусом. Шторы вон выстирала, окна занавесить нечем. А звёзд то... Видимо-невидимо...Вон-вон...Упала...»

Возле ног мурлыкала и ластилась голодная кошка. Костик закурил, задумался. Выпить бы, да нечего... Где-то, совсем близко, ухнула сова. Коротко брехнула собака. Тишина...

А через день во двор Костика нагрянула милиция. Настюху нашли на рельсах. Вот оно яблочко, с глазками.

«Эх, яблочко, куда ж ты котишься, к чёрту в лапы попадёшь, не воротишься.»
Сама? Помогли? Или, случайно, спьяну...

Долго судачили об этом в деревне.

А через месяц, ещё до сорокового дня, рядом с Настюхой примостился и Костик. Нашли его на берёзе, рядом с Настюхиной могилкой.

– Эх, яблочко соку спелого, полюбила я парня смелого, – голосили бабы, поминая Костика. Долго не утихали пьяные речи. Бабы сетовали на горькую долю, винули Настюху. Мужики хаяли правительство, пьяно смеялись и шутили: у кого грабли на плечах, у кого задница в Сочах...

Переспело истекала медовым светом луна, освещая заросший двор, яблони и, гниющие, никому уже не нужные, яблоки.

Через неделю, разбирая остатки немудрёного имущества, тётка нашла пакет с недовязанной детской кофточкой. А в укромном уголке комода – фотографии, аккуратно сложенные в обувную коробку, и пачку писем. Она долго читала их. Вытирала уголком платка глаза. Переводила взгляд с фотографии ладно скроенного, улыбчивого солдатика на недовязанную кофточку и горестно вздыхала. Там же она нашла неотправленное письмо Настюхи с фотографией глазастой и очень серьезной девочки.

На что рассчитывала тётка – неведомо... Но как раз на сороковой день, к дому Костика подъехала шикарная иномарка. Приехал тот самый, сильно возмужавший и вовсе неулыбчивый, уже не солдатик.

Потом пили... Парень тоже.

Девки сновали около и, с интересом поглядывая на него, ставили под нос нехитрые закуски.

– Я не знал, я ничего не знал, – обхватив голову руками, повторял парень.

– Не горюй, Лександр, это жизнь... Мать твоя, конечно, зараза. Но она ж, как лучше хотела, – успокаивала тётка. – Детдомовские они и есть детдомовские. Кто их разберёт... Хотя осиротела-то она, судя по фотографиям, уже большенькой. Вязать, вон, даже умела. Ты, милоч, фотографии-то забери.

Парень, не стесняясь людей, размазывал по щекам пьяные слёзы и, сжимая увесистые кулаки, потерянно повторял: – Я не знал, я ничего не знал.

Магазин в деревне, как хороший шампунь – три в одном. И клуб, и перемывание косточек – всё в одном месте... Под Новый год, собравшиеся в единственном магазинчике в ожидании свежего хлеба бабы, обсуждали уже другую новость. Жена глухого соседа, которая навещала девочку-сиротку, приехав в очередной раз, не застала её там. Забрал отец – тот самый солдатик. На полу, возле жарко натопленной печи деревенского магазина, пищали, выглядывая из коробки, котята приблудившейся Костиной кошки. Пушистые,

один краше другого, они таращили глаза и с любопытством смотрели на окружающих.

За окном мела метель, покачивались на ветру головастые дудки борщевика, наступающего на деревню с невероятной скоростью. Жизнь продолжалась...

Игра прозы «Бросаю вызов!» – 26

призраки

Наталья Сафронова

Зачем берешь в руки карандаш и бумагу? Чтобы выковырять из себя пустоту. Буквально – спуститься в душевные пустоты и глубже... Должно же быть что-то глубже пустоты. Это что-то, безусловно, есть, оно только прикрывается пустотой, прячется под ней. Почему прячется? Такое неприглядное, стыдное, что приходится скрываться от посторонних глаз. На стыдном ничего достойного вырасти не может, только пустота. Но и она в конце концов начинает саднить, болеть.

Спускаться в пустоту страшно. И как будто никто не заставляет. И болит не так уж сильно – привычно. Все так живут. Никто не счастлив. Может, и не обязательно искать этого червячка, пусть прячется?

Марина закрыла альбом и подошла к окну. Однако простор улицы не помогал отвлечься или, наоборот, сосредоточиться на рисунке. Если бы только пустота, можно было бы ее нарисовать. Но она закидана впопыхах, чем попало, чтобы не гудела, не отдавала эхом, не выпячивалась напоказ.

Марина согрела чайник. Пила горячий чай мелкими глотками, грела руки о чашку. За окном ночь. Хорошо, что ночь. И хорошо, что весна затяжная, холодная, яркая и теплая была бы хуже. Не отогрела бы, только подчеркнула смутное недовольство собой. Улица, освещенная фонарями, была безлюдной. Изредка проезжающие пустые автобусы казались призрачными.

Марина поставила на стол пустую чашку и снова открыла альбом. Нащупала, вот оно. Призрачность. Пустота реальная, а то, чем она забросала ее – призрачное. Девочка едет в ночи в пустом автобусе и не сразу замечает, что и водителя в нем тоже нет. В окнах море огней, но улицы все незнакомые. Мама дома ждет, волнуется.

Марина не заметила, что автобус свернул к пляжу. Оказывается, она села не на свой маршрут. Дождь пошел сильнее, теперь ей придется возвращаться с тяжелой сумкой и под дождем. И хорошо, что никто не обратит на нее внимания, не увидит, как она несет сумку с дефицитными продуктами. Мать выдавала продукты в столе заказов в стройуправлении. Марина всегда испытывала чувство неловкости, когда мама приносила домой кофе, сгущенку, конфеты «Каракум». Ни у кого нет, а у них есть. Учителя в школе говорили, что Маринина мама «сидит на дефиците» и тоже просили ее достать банку зеленого горошка или майонеза. Еще она могла договориться с мастером, чтобы рабочие сделали ремонт в квартире химички. Поэтому Марина прогуливала уроки химии безнаказанно, регулярно проверяя степень дозволенного. Прогуливала уроки она все на той же набережной, может, и

сейчас туда попала не случайно. Девочка присела на скамью. Хорошо под дождем без зонта, кажется, холодные струйки воды затекают не только под куртку, но вымывают что-то внутри, душа светлеет, дыхание становится ровным. Дождь постепенно прекратился, стало тихо.

К Марине подошла большая собака, умильно тычется мокрой мордой в сумку. Девочка достала кусок буженины, развернула и положила на землю. Собака наестся и согреется, хорошо.

Вечером мама проверила содержимое продуктового набора и ахнула, не обнаружив буженины:

– Папа завтра ложится в больницу, как я врачу в глаза посмотрю?

Марина вспомнила, как собака проводила ее до дома из благодарности, а может, в надежде снова угоститься вкусеньким. Взгляд у матери был усталый:

– Ну в кого ты такая идиотка? Хотя понятно, в кого.

– В отца, – согласилась с ней дочь.

Марина навещала папу, приносила из дома протертые супы, тот удивлялся:

– В больнице все то же самое, зачем мама старается?

– Мама считает, что домашнее лучше. А может, вину заглаживает.

– Какую вину? – пугался отец.

– Какую-нибудь, – дочь пожимала плечами. – Все перед всеми в чем-нибудь виноваты.

В это время сосед по палате жаловался жене:

– И когда я услышал, как медсестра по телефону сказала кому-то, что у нее есть один пузырек облепихового масла, испугался. Все, думаю, уплыло мое масло. И точно, у меня вычеркнули его из назначений.

– А тебе дают облепиховое масло? – спросила Марина отца.

– Дают, перед едой, – кивнул тот. – Как твоя химия?

– Нормально, – неопределенно ответила дочь.

– Ты учи, мама считает, что за химией будущее, – сказал отец.

– Наверное, только не мое, – усмехнулась Марина.

– Ты почему на венчание не пришла? – мать на дочь не смотрела, отвернулась обиженно.

Помолчали, потом мама сказала:

– После венчания как-то легче стало, ушло что-то тяжелое.

– А отец не сопротивлялся? – поинтересовалась Марина.

– Чего ему сопротивляться? – усмехнулась мама. – Живет, как у Христа за пазухой, на всем готовеньком. Раньше убить хотелось за то, что ему ничего не надо. А теперь ничего, терплю.

Мама собирала дочери в сумку дачные овощи.

– Зачем столько? – возражала Марина. – Не донесу, и не съедим.
– Легкожопые, – бурчала мать. – Хотите и с горки скатиться, и жопу не ободрать.

Марина ехала с дачи, думала, почему все получается по-маминому? И в мелочах, и в большом. Нехотя, но подчиняются и она, и отец. Химиком она так и не стала, просто преподает в школе нелюбимый предмет.

На остановке Марину встретил муж, взял сумки.

– Консервировать будем?

Марина пожала плечами, она не любила маринованные помидоры. Однако дома надела фартук и начала мыть банки. Вспомнился почему-то дядя Коля, мамин брат. После того, как похоронил жену, он снова женился.

– Никогда не пел, а тут на тебе! – удивлялась родня. – И вроде жили с Галей неплохо, однако не пел раньше.

Дядя Коля и вправду словно помолодел и повеселел. Новая жена была тихая и незаметная, однако рядом они смотрелись хорошо, улыбчиво.

– А хозяйка Галка была хорошая, у нее в руках все кипело, – вставляла мама.

– И Коля у нее по струночке ходил.

А теперь дядя Коля по струночке не ходит, садится со своей Клавдией за стол, выпивает рюмочку, обнимает жену за плечи и заводит песню:

– Ой, при лужке, при лужке,

при широком поле,

при знакомом табуне

конь гулял на воле.

Марина слушает его, и ей кажется, что это дядя Коля вырвался на волю и дышит полной грудью.

За окном светает. Марина перелистывает альбом, рисует рассвет над водой. Девочка на берегу бросает в воду камешки. Все у нее будет хорошо.

Марина заварила свежий чай. В кладовке отодвинула банки с помидорами и достала яблочное повидло. Поставила тесто на пирожки. Услышала, как муж включил воду в ванной комнате, умывается. Марина заглянула к нему, взяла полотенце, промокнула мужу лицо.

– Ты чего такая? – спросил он жену.

– Какая?

– Не спала всю ночь, и вообще, – объяснил муж.

Марина помолчала, потом неожиданно для себя сказала:

– Давай обвенчаемся...

Планета путешествий

III. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Каменные джунгли».

Земля – Орион. Конкурс объявлений. Свободная тема (условный 55-словник).

Выбор пути. Конкурс «История одного заблуждения».

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей.

Земля – Созвездие Эридан. Конкурсы мистических рассказов.

Земля – Созвездие Гончих Псов. Конкурсы фантастических рассказов

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 2»

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Двухфазный интерактивный конкурс афоризмов – 3

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о любви.

Земля – Орион – Минтака. Свидание (55-словники)

Земля – Созвездие Дракона. Конкурсы сказок и мифов

Земля – Созвездие Мухи. Конкурсы абсурдизмов.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных.

Земля – Орион – Минтака. Кроссворд (55-словники)

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ»

Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр «Счастье по-зимнему...»

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Каменные джунгли»

Смит & Смит. Тонкости жизни на диком западе
GP

Джон Смит надел широкополую шляпу, накинул на плечи плащ и сунул в один карман кольт 38 калибра, а в другой – наручники. Затем подошёл к настенному календарю и вычеркнул авторучкой текущий день.

– Папа, разве ты сегодня работаешь шерифом? – Сын оторвался от книги и удивлённо смотрел на отца. – По чётным числам ты должен грабить банк.

– И то правда, – Джон вытащил из кармана наручники, порылся в гардеробе и отыскав «Reasemaker» 45 калибра, сунул его в карман. – Сегодня шерифом трудится Сэм Джонсон. Этот сукин сын вчера пытался ограбить почтовый поезд. Я его почти поймал, и он, пожалуй, слишком зол на меня за это. Наверняка. попытается отыгаться. Пожелай мне удачи, Джек. И не проводи весь день за чтением – это вредно для глаз и не件лезно для ума...

Едва за Джоном закрылась дверь, Джек подбежал к телефону.

141

– Алло, это офис шерифа? Мне случайно стало известно, что сегодня злоумышленники попытаются ограбить Первый Железнодорожный Банк. Да-да, человек пять, и все с «Томпсонами» – настоящие головорезы. Нет, сэр, я не скажу вам своё имя – опасаюсь мести...

После звонка Джек занялся совсем, казалось бы, странным делом. Он надел широкополую шляпу, накинул на плечи плащ и сунул в карман «Бульдог» 38 калибра. Затем он подмигнул своему отражению в зеркале и вышел в яркий осенний день.

Почтовый поезд шел по прерии, обгоняя расписание. Машинист Карл Менсон гордился своей пунктуальностью и потому сильно сбавил ход.

– Ни к чему хорошему спешка не приводит. – Говорил он сам себе. – Я вожу поезд уже пятьдесят лет, и всегда был там, где надо, вовремя. Это ли не истинная добродетель? Все вокруг спешат, спешат, словно торопятся попасть к Богу. Вон и этот всадник, который только что проскакал на лошади мне навстречу – спешил, словно спасал свой скальп от тысячи разъярённых ирокезов. А ведь вокруг – ни души...

Неожиданно Карл почувствовал холод приставленного к затылку револьвера.

– Тормози свою колымагу, старый хрыч, и отпирай вагоны. Это тебе я, Сэм Джонсон, говорю. Поторапливайся, и не вздумай оглядываться, иначе на Небеса ты прилетишь несколько раньше, чем записано в твоём расписании...

День уже угасал и угли закатных облаков подёрнулись пеплом тумана, когда Джон Смит пришёл домой. По его лицу сын понял: отец расстроен. Руки Джона были скованы за спиной наручниками.

– Джек, сынок, достань-ка в левом кармане плаща ключ, сними с меня эти проклятые браслеты. И вытащи оружие. Сегодня не довелось сделать ни одного выстрела: шериф и его люди словно поджидали меня. Негодяи. Они хохотали мне в лицо и называли неудачником. Хотя, самое поганое даже не это. Сегодня ограбили почтовый поезд, и сделал это шериф Сэм Джонсон. На него указал машинист, и не верить ему нет оснований. Но я точно знаю, что во время ограбления Сэм брал у меня показания. Понимаешь – ограбление и не мной, и даже не в день моего шерифства.

– Вспомни, папа, на Джонсоне была широкополая шляпа, надвинутая на лицо? А плащ с поднятым воротником? – Джек вопросительно поглядел на отца. – Может это был заместитель шерифа Вилсон, а ты его просто не узнал? Это серьёзное дело, и надо его расследовать. Хочешь, мы пойдём в бар Хэнка и разузнаем, не праздновал ли сегодня Сэм что-нибудь? И если это так, то завтра, когда ты будешь шерифом, ты его арестуешь...

На следующий день шериф Джон Смит предъявил обвинение налётчику Сэму Джонсону в ограблении почтового поезда, но адвокат Бил Ферт сумел доказать безусловное алиби своего подзащитного. В итоге присяжные сошлись во мнении, что поезд ограбил сам машинист Карл Менсон, и приговорили его к пятидесяти дням тюрьмы и штрафу в 20 долларов. Больше у Карла просто не нашлось денег. Смит пришёл домой в приподнятом настроении.

– Знаешь, Джек, я шериф много лучший, чем Джонсон. В мой день было раскрыто преступление, и народ такое будет помнить дольше, чем мою вчерашнюю неудачу в банке. Я думаю, мне могут повысить зарплату. Или даже сделают график моего шерифства два дня подряд против одного дня Сэма. Он не предвидел преступления, а это для людей нашей профессии чуть ли не пособничество. А у тебя, я гляжу, новые книги появились в большом количестве? Ты совсем испортишь с ними глаза, а пользы не приобретёшь ни на цент.

Джек согласно закивал головой – совсем необязательно было рассказывать отцу, откуда взялись эти книги, и показывать новенький 12-зарядный

«Винчестер» и оставшиеся полторы тысячи долларов. Отнимет. Как пить дать, отнимет...

Земля – Орион. Конкурс объявлений (условный 55-словник)

***** («Я, молодая симпатичная...»)**

Галина Пиастро

Я, молодая симпатичная женщина среднего роста, с весьма хорошей фигурой, кареглазая шатенка с вьющимися волосами, без вредных привычек с большой охотой выйду замуж за очень и очень обеспеченного, очень и очень пожилого и не очень здорового бездетного мужчину, нуждающегося в повседневной внимательной заботе. Имею большой опыт сиделки у подобных больных, которым надёжно обеспечила их уход.

***** («Ищу спутницу жизни...»)**

Таёжник

Ищу спутницу жизни

О себе: Весьма обеспеченный, жизнерадостный холостяк 52 года. ЧЮ. Здоровье отменное. Квартира в центре (евроремонт) Ламборджини. Дача на побережье. Увлечение – казино.

144

Через год:

Ищу спутницу жизни:

О себе: Холостяк. 53 года. ЧЮ. Коммуналка. «Москвич» Увлечение – казино,

Через год:

Ищу спутницу жизни.

О себе: Холостяк. 54 года. ЧЮ. Увлечения: грибы, ягоды.

Ключи

Виктория Соловьёва

Просьба, нашедшего в подъезде ключи, не приходите ко мне в квартиру без спросу. Я чутко сплю и по подушкой у меня лежит заряженное крупной солью ружжо. Оно мне досталось ещё от деда. Я хранила его как память. Стреляю метко с короткого расстояния. По-хорошему отдайте ключи, добрососедски... Положите назад под коврик. Баба Зина с третьего этажа.

Выбор пути. Конкурс «История одного заблуждения»

Миллионер Марина Старчевская

Поначалу никто не подозревал, что Петя неприлично богат. Но стоило кому-то из друзей пожаловаться на отсутствие денег, как добрый мальчик тут же выписывал чек на пару миллионов рублей.

Правда, ни один банк не обналичивал Петиних миллионов. Но на бумажных клочках всегда стояли суммы цифрами и прописью, а корявая подпись владельца подтверждала подлинность каждого финансового документа. Прибыли это не приносило, но чудесным образом поднимало настроение. Людей, не имеющих чувства юмора, Петя не финансировал.

Чеки имели хождение во всех десятых классах нашей очень средней школы, и неудивительно, что однажды они попали в учительскую...

Директриса Альбина Тарасовна, каковую давно и прочно переименовали в Альдину Торосовну, оценила миллионщика сквозь линзы в золотой оправе и вызвала на ковёр родителей:

145

— Вы же понимаете, что я обязана принять меры... — цедила Альдина. — Это ненормально! Мальчик уже сейчас проявляет нездоровые склонности к деньгам и расточительству!

Мамик сочувственно глядела на папика, который невероятными усилиями сдерживал смех.

— Простите, за что именно мы должны наказать сына?..

Словом, семья проявила постыдное легкомыслие. В ответ Альдина взвыла: «Возмутительно!» и отстранила Петю от занятий на три дня. По-видимому, за подрыв школьной экономической системы.

Не ходить в школу было легко. Миллионер шатался по набережной и думал о «пятёрке» по математике. Вероятность получить её сделалась мизерной. Альдина Торосовна вообще на оценки скупа, а теперь и подавно...

Сел на ступеньки у берега и стал смотреть на воду. Река успокаивала... На песчаной отмели вяло покачивалась зелёная рыбёшка. Петя пригляделся и вместо рыбки увидел бумажку. Этикетка, что ли? Да нет — банкнота... Ого — пятьдесят рублей!

Бабушкина пенсия – тридцать целковых — всегда казалась Пете суммой немалой, а тут целых пятьдесят! Впереди три дня неожиданных каникул и богатство, которое можно высушить на батарее, разглядить и пустить в дело.

Для начала он купил билеты в цирк. Кассирша пристально посмотрела на отутюженную купюру, но сдачу дала.

Потом Петя решил тайком подкладывать по рублю, а то и по три в родительские кошельки.

Первой об оздоровлении советской экономики заговорила бабушка. Её пенсии чудесным образом хватило ещё и на пряжу для варежек. Мама согласно кивала, хотя в глобальных масштабах изменений не видела. А папа догадывался, что экономика страны здесь ни при чём, но всё же приятно удивлялся своей бережливости и финансовой мудрости.

Тем временем Петя вернулся в класс и как ни в чём не бывало продолжил одаривать друзей клочками бумаги, на которых было написано «чек на два миллиона рублей». Меньше он не выписывал принципиально.

Однажды в столовой Петя увидел, как Торосовна отсчитывает деньги на пирожки... Нужная сумма не набиралась, и Альдина рылась в кошельке, размышляя о том, что дома хоть шаром покати, а столовскими пирожками можно бы заткнуть продуктовую брешь до зарплаты.

Не то чтобы Петя пожалел директрису – его увлёк сам процесс меценатства. Он прокрался к кассе и положил рубль на поднос с пирожками.

Альдина всегда гордилась тем, что от её директорского ока не может укрыться ни одна ученическая хитрость... Она заметила Петин манёвр, но удивлённо промолчала. «На этот раз я ошиблась — у мальчика доброе сердце!»

И была-таки права! Петя не стал финансистом — из него получился отличный врач.

Каноны красоты

Ninzy

В детстве мои молодые родители частенько «подкидывали» меня бабушкам, а иногда, в особо счастливых для меня случаях, к прабабушке. В её загадочной квартире было необычным всё – и тёмная резная мебель, и вычурная посуда, и завораживающие коллажи из старых фото на стенах, и даже пахло там как-то особенно, смесью диковинных духов, ванили и табака. Но самым интересным наполнением этого волшебного мира была сама хозяйка – с хитрым морщинистым личиком, веселыми седыми кудряшками, неизменным мундштуком меж сухонькими пальчиками и завораживающим низким голосом, которым разговаривала на равных даже с такой пигалицей, как я.

В тот раз бабушка даже не встала со своего качающегося кресла, а просто кивнула родителям, красноречивым взмахом сухонькой руки показала, что они могут меня оставить и снова впилась глазами в толстое стекло старого телевизора. Мама с папой ретировались, а пятилетняя я полезла на ручки обожаемой бабули, уверенная, что та смотрит мультики. Однако в телике пел какой-то дядька в белом костюме. Он сильно запрокидывал голову, широко открывал рот и разводил в стороны ладони с растопыренными пальцами. Передача шла в черно-белом изображении, что совсем лишало ее какой-либо ценности для меня и я стала ныть, что надо переключиться на мишек Гамми. Старушка досадливо пробасила: «Ничего ты не понимаешь! Это же Муслим Магомаев!» Странное имя было названо с таким восхищением, что я снова, но уже с интересом, стала рассматривать поющего дяденьку. Вроде самый обычный, что же бабушка в нем нашла? Кадр сменился и теперь лицо певца занимало весь экран. Вот тогда-то я и увидела его необычность – у него были необычайно широкие ноздри! Видимо это считается страшно красивым, раз бабуля глаз оторвать не может. Забыв о мультфильмах, я бросилась к большому зеркалу на дверке старинного шкафа, чтобы детально изучив свой курносый носик и понять – насколько я хороша? Стоя так близко, что зеркало то и дело запотевало от моего старательного сопения, я изо всех сил то раздувала ноздри, то растягивала их пальцами. Казалось, что с широким носом я и впрямь становлюсь красивее, но стоило мне отпустить руки, мой носик опять делался невразумительной маленькой пуговкой. И тут на помощь пришла моя врожденная смекалка. Я сбегала на кухню, где стояло целое блюдо свежей черешни, быстренько обглодала пару крупных ягод и засунула зернышки в каждую ноздрю. Нос раздулся и стал именно таким, как у дяденьки певца. Я несколько минут любовалась своим новым образом, а потом радостно поскакала к бабуле и гнусаво заверещала: «Ба, сбодри – я гаг Буслим Багабаев!»

Старушка мельком бросила взгляд на меня, вернулась к экрану и сразу снова на меня, уже широко раскрыв глаза! Как же она меня ругала, пытаясь вытащить зернышки, которые засели в моем носу намертво. «Ну всё!» – затрубила престарелая нянька после нескольких неудачных попыток – «Теперь нос придётся отрезать...» Я жутко перепугалась и зарыдала! Поток слез, вызвал за собой поток соплей, с которыми дело пошло быстрее и вскоре мой нюхательный аппарат был освобожден. Еще целый час я выла в углу, а бабуля, нервно раскачивалась в кресле и взмахивая мундштуком читала мне нотации. С тех пор я не считаю широкие ноздри красивыми!

Земля – Созвездие Жирафа. Третий конкурс рассказов о детях и для детей

Звёздочка

Николь Аверина

Зимний вечер. Звонкая тишина, нарушаемая движением редких машин и разноголосым скрипом разнокалиберных ног. Хруп-хруп – пробежала молоденькая девушка. Хрям-хрям – прошёл импозантный представительный мужчина. Шинь-шинь – прошаркала бабуля в стоптанных, достающих до колена валенках...

Сияющее, похожее на чёрный океан, небо с плавающими на поверхности хрустальными звёздами. Хочется тщательно перемешать их и вытащить свою, единственную...

А вот и они – бабушка и внук.

Переступив порог дома, малыш сразу запрокидывает голову вверх и кричит от восторга:

– Бабуля, звёздочки!

– Да, Данюшка, звёздочки сегодня особенные...

– А мама там?

– Да, Данечка. Видишь, вон та – самая яркая звёздочка... Это мама.

Малыш сосредоточенно всматривается в усыпанное звёздами небо, пытается отыскать ту, что так нужна именно ему, и в растерянности замирает.

– А она нас видит?

– Да, Данюшка, видит. Конечно, видит. Жаль, что это слишком далеко, и мы не можем рассмотреть, как она машет нам ручкой.

Малыш таращится ещё больше и, улыбаясь, машет в ответ. Ямочки на щеках, голубые смыслёные глаза и длинные ресницы. «Господи, как он похож на неё...» Она украдкой смахивает слезу и протягивая ему руку, шепчет:

– Идём, солнышко. Холодно...

Белобрысые, промёрзшие насквозь деревья протягивают к небу свои обрубленные ветки-руки.

Уже много лет она наблюдает эту картину и не может привыкнуть. О чём они просят? Что пытаются сказать? Хрям-хрям, хруп-хруп... Холодное, сверкающее, белое царство.

Даня останавливается и с любопытством смотрит на дворника.

– Дядя работает?

– Да, Данечка, этот дядя – дворник. Он убирает снег, чтобы нам было удобно ходить.

Дворник приветливо улыбается и подмигивает:

– Здорово, карандаш!

«Карандаш», потупившись, замолкает и продолжает наблюдать за слетающим с лопаты снегом.

Невесомый, лёгкий – он похож на разлетающиеся по ветру пушинки. Часть снега взлетает вверх и, угомонившись, медленно опускается вниз.

– Бабушка! Одуванчики! Парашютики... Смотри, смотри!

«И, впрямь, одуванчики...» Она вспоминает, как они рвали их по дороге из детского сада – первые жёлтые одуванчики...

– Это маме. Она обрадуется...

Сначала одуванчики, а потом и другие немудрёные цветочки. Каждый день...

... Пройдет время и уже от другой бабушки он узнает, что одуванчики и всякий цветочный хлам с улицы лучше не дарить – от них один мусор. Что, если он будет учиться на тройки, он никогда не сможет поехать за границу и не станет человеком, достойным уважения. А работать на заводе или дворником стыдно и неприлично.

Память уцепится за знакомое слово и вытащит из затерянного тупика образ улыбчивого дяди, назвавшего его карандашом.

Даня улыбнётся и вспомнит одуванчики. Как жаль, что парашютики не могут улететь на небо.

А снежинки? Может быть, они смогут долететь до звёздочки?

Он по-взрослому хмурится – нет, не долетят...

– Марс, Венера, Юпитер, Сатурн, Уран, – начинает перечислять Даня...

– И откуда ты всё это знаешь, – удивляется воспитательница.

– Но это же планеты, они тоже звёздочки, – серьёзно поясняет Даня и бежит к окну.

– Звёздочки спрятались, они спят. Они всё делают наоборот, – шумно вздыхает он и начинает ждать бабушку. Он уже знает, что сегодня пятница, а вместе они обязательно найдут ту, которая так нужна ему – самую яркую...

Завтра

Наталья Сафронова

Завтра все не наступало. Обещало так много, но не выполняло. Завтра должен был прийти папа. Однажды он ушел и закрыл дверь. И незаметно переместился в завтра. Иринушка даже принесла к двери стул, залезла на него и посмотрела в глазок. Папы там не было. И завтра тоже не было. За освещенной площадкой сгущались тени. Может быть, завтра пряталось в этой темноте. Мама сказала:

– Иди спать.

– А когда придет папа? – спросила Иринушка.

– Завтра придет, – пообещала мама.

Иринушка взяла с собой кролика, положила рядом на подушку и шептала ему в пушистое ушко, что папа придет завтра. Кролик тоже ждал папу, вдвоем ждать легче.

Они с мамой остались в сегодня, скучном и сереньком, как осенний дождь. Это сегодня все длилось и длилось. Иринушка засыпала и просыпалась, собиралась в садик, потом ее забирала мама, а папы все не было. Иринушка догадывалась, что это все потому, что завтра где-то задерживалось. Перед сном мама читала вслух книжку, Иринушка с кроликом сидели и молчали.

Потом мама говорила:

– Ты совсем не слушаешь.

Иринушка прижималась к маме вместе с кроликом, спрашивала:

– А завтра когда наступит?

– Наступит, – сказала мама. Положила книгу на стол и укрыла Иринушку одеялом. Вышла и притворила за собой дверь. Иринушке стало страшно. Она выскользнула из постели, на цыпочках подошла к двери и посмотрела в щелку. Мама набрала номер на телефоне.

– Она тебя ждет, каждый день спрашивает, когда наступит завтра, – сказала мама в трубку.

Потом помолчала и добавила:

– Все с тобой ясно.

Иринушка поняла, что мама разговаривала с Завтра, и ей все с ним ясно. Может быть, раз теперь все прояснилось, завтра, наконец, наступит. Девочка посмотрела на кролика, он был с ней согласен. Она облегченно вздохнула и легла в кровать. Кролик тихонько сопел рядом. Это успокаивало. Иринушка погладила кролика и даже похлопала его по спинке: спи, спи. Так укладывала ее спать мама. Иринушка нахмурилась, что-то было не так. Как-то не очень радостно произнесла мама это «все с тобой ясно». Скорее, хмуро. Но все-таки она с Завтра поговорила. С папой мама тоже часто была хмурой, даже ругалась. Иринушка замирала рядом с игрушками, кролик наострял ушки. Родители приглушали голоса.

Утром позвонил папа, сказал Иринушке, что он заберет ее из садика, и они пойдут к нему в гости. Мама повязала дочке бант, внимательно на нее посмотрела:

– Собственно, почему ты должна ей нравиться?

– Кому? – спросила Иринушка.

– Никому, – ответила мама. – Никому ты не обязана нравиться.

Помолчала, потом добавила:

– Там у папы другая жена. И девочка. Они ему никто, но он с ними живет, вот так вот.

– Другая дочка? – переспросила Иринушка.

– Нет, это чужая дочка, просто он с ними живет, – объяснила мама.

– А с нами он будет жить? – Иринушка уставилась маме прямо в глаза и не моргала от напряжения. Ей надо было все понять и объяснить кролику.

– Поужинай нормально в садике, – попросила мама. – В гостях особо не ешь. Вообще, лучше попроси папу погулять с тобой на улице.

– Чего в гости потащил, стресс какой для ребенка, – вздохнула мама.

В садике Иринушка ела плохо, няня села рядом, хотела ее покормить, но девочка не разжимала губы. На полднике съела печенье с чаем и подумала, что няня обязательно пожалуется маме, и та будет ее ругать за плохой аппетит.

Иринушка думала о другой девочке, к которой ушел папа. Другой девочке и другой жене. Она побаивалась эту женщину, и даже девочку тоже чуть-чуть боялась. Может быть, девочка лучше себя ведет, не балуется, как Иринушка, поэтому папа ушел к ним жить. Или она красивее Иринушки. После сна Иринушка попросила няню завязать ей пышный бант, потом придирчиво смотрела на себя в зеркало. Вспомнила, как мама говорила бабушке:

– Я ведь не жена ему, ты забыла? Запретили мне с ним расписаться. За приданое боялись, что квартиру начнет делить. Теперь он вольный ветер!

– И правильно сделали, что запретили, – согласилась бабушка. – Сейчас бы на улице с голым задом осталась! А так пришел с пакетиком и ушел с пакетиком. Значит, мама не жена, а та тетя жена, нахмурилась Иринушка. Может быть, и та девочка дочка. Раз все так запутано.

Когда за ней пришел папа, девочка подошла к нему степенно.

– Ну, пойдём за подарками, – улыбнулся папа.

– За подарками? – удивилась Иринушка.

– Дома тебя ждут подарки, – серьезно сказал папа.

Девочка вложила в папину руку свою и доверчиво пошла за ним.

Папина другая жена Иринушке не понравилась. Девочка села за стол, но есть не стала. Ей не хотелось, и потом, так просила мама. А конфету взяла и положила себе в карман. Потом другая жена принесла Иринушке куклу. А другая дочка прошептала Иринушке на ухо:

– А мне мама купила куклу лучше, чем тебе.

Иринушке другая дочка тоже не понравилась. А сама Иринушка им нравится не обязана, так мама сказала. Другая жена хотела постелить Иринушке в комнате с другой дочкой, но девочка заплакала и попросилась домой.

Они с папой спускались на лифте, потом шли к машине, а Иринушка крепко держала папу за руку.

В машине она спросила его:

– Ты будешь делить с нами квартиру?

– Нет, – удивился папа.

– Тогда забери у них свой пакетик и пойдем домой, – попросила девочка.

– Какой пакетик? – снова удивился папа.

Дома папа положил Иринушку спать. Кролик ее ждал на подушке, с ним девочке было спокойнее. Иринушка взяла кролика, и они вдвоем прижались к папе.

– Закрывай глазки, – сказал он.

– Я не хочу, чтобы наступило завтра, – покачала головой девочка.

– Но ведь всегда наступает завтра, – не понял папа.

– Если наступит завтра, ты опять уйдешь, – объяснила Иринушка. – Я хочу, чтобы всегда было вчера.

– Так не бывает, – грустно сказал папа.

– Бывает, – ответила Иринушка.

Земля – Созвездие Жирафа. Четвёртый конкурс рассказов о детях и для детей

Дерево-пират

Таёжник

– Деда, ну где этот твой Листоед? – шестилетняя внучатая племянница Стешка без конца тербит меня за рукав.

– Не торопи, скоро появится!

Мы гуляем с ней по южному склону сопки, поросшему молодым березняком. Конец сентября. В лесу – сказка! Под ногами невесомые ворохи разноцветной листвы с зелёными островками кедрового стланика. Между белых стволов молодых берёз проглядывается синь Амурского залива, и слышен шум прибоя. Край земли.

– Стеша, вот он, Листоед! Спрятался, как Йети какой-нибудь!

Это странное дерево я заметил ещё в начале лета, когда пошёл в грибную разведку. Непонятной породы, с обломанными чёрными ветками без единого листочка, оно буквально вцепилось оголёнными корнями в землю. Некоторые корни переплелись так, что напоминали огромный язык, вывалившийся из дупла, как изо рта. В глубоких бороздах коры угадывались черты какого-то страшного лесного чудовища. К тому же, у дерева не было вершины, отчего внутри полого ствола образовалась тяга. Особенно, когда дул ветерок. Помню, как потоком воздуха, словно пылесосом, затянуло в дупло несколько листьев, которые я разворошил ногой у корневища.

«Ух, ты, листоед какой!» – удивился я тогда чудо-дереву и решил при случае показать Стешке.

– Это и есть Листоед? – Стешка, задрав голову, разглядывает деревянного монстра, – почему его так называешь? А ещё. дед, ты говорил, что знаешь его историю, – напоминает мне давнишний разговор пытливая подружка. Чувствую – не отвертеться. Ну, что, фантазёр, давай, сочиняй!

Обдумывая версию происхождения человека-дерева, беру охапку опавших листьев и бросаю ближе к дуплу. Этот ворох моментально подхватывает какая-то неведомая для Стешки сила, и листва рыжей стаей исчезает в чреве дупла!

Девочка с минуту стоит с открытым ртом, а потом сама принимается подкидывать к дуплу разноцветные листья.

– Хватит кормить обжору и злодея! – Я присаживаюсь на пенёк с чувством, что сюжет для байки в голове уже созрел, – иди, расскажу историю об одном пирате.

Давно это было. Лет триста назад. Промышлял один корабль разбоем и однажды с награбленным золотом возвращался домой. Один из пиратов,

замыслив недоброе, добавил в ром какое-то снадобье и когда вся команда уснула мёртвым сном, тайком погрузил сундук с золотом в лодку и ночью отплыл от корабля. Но только он несколько раз махнул веслом, как неожиданно поднялся шторм и огромные волны обрушились на лодку. Берег был не так далеко, но пирату не удалось справиться со стихией, и он пошёл на дно вместе с награбленным золотом.

Бог морей Посейдон не захотел принимать к себе злодея. Он превратил его в корявое дерево и оставил на берегу. С тех пор каждую осень, когда землю устилает багрянец опавших листьев, пират, превращённый в корявое дерево, думает, что это море выбрасывает на берег его украденное золото. Вначале он ещё мог перемещаться по лесу и некоторые люди с ужасом рассказывали, что видели в лесу ожившее чёрное дерево, которое металось по полянам и, жадно сгребая кривыми ветвями опавшие листья, запихивало их в своё дупло. Но ветви с годами обломались, сил передвигаться не стало, и оборотню осталось только стоять и ждать, когда ветер подгонит к его дуплу несколько листьев.

– Вот такая печальная история вышла, – закончил я свою фантазию.

– А остальные пираты уплыли? – Стешка посмотрела в сторону моря и поёжилась.

– Да, на тот раз им повезло, но рано или поздно морской царь учиняет шторм и топит их пиратские корабли, а самих разбойников превращает в осьминогов и отправляет на самое дно.

Когда мы собрались уходить, и я нагнулся зашнуровать развязавшийся кроссовок, то краем глаза увидел, как Стешка подошла к дереву и бросила несколько листочков в дупло. Затем, стараясь незаметно, ласково погладила его по корявому стволу. Я сразу промолчал, но потом, уже по дороге домой, спросил:

– А зачем ты гладила этого гадкого пирата? Он же злодей!

Стешка помолчала, а потом виновато подняла глаза и тихо сказала:

– Но он же когда-то был маленьким... Как я...

Зачем?

Наталья Сафронова

У Галки тогда появилась мания: не терять его из виду. Они с мамой провожали отца в аэропорт, отец говорил:

– Ну, не скучайте.

Мама молчала, и Галка тоже молчала. Как чужие. Отец пожимал плечами, протягивал паспорт на контроль и больше не оборачивался. В машине Галка находила на телефоне сайт отслеживания самолетов, говорила маме:

– Взлетел.

Мать кивала.

Потом Галка докладывала:

– Приземлился. Встретили, наверное.

Закрывала глаза, представляла себе, что отца встречает женщина с ребенком на руках. Девочка похожа на отца и на нее, Галку, потому что Галка – отцовская копия. Она никогда не видела свою сестренку, но предполагала, что та похожа на отца. Потом приходилось просто ждать. Отец не появлялся в сети и ничего не сообщал о себе. И Галка всякий раз боялась, что он может не вернуться. Не то чтобы предпочтет ей, Галке, Светочку, нет, конечно, своих не бросают. И Светочку отец тоже не бросил, потому что она своя. Но Галка как-то вдруг поняла, что ничего не бывает навсегда: все конечно, все имеет начало и завершение. Все – любовь, счастье, доверие, покой.

Отец уезжал и возвращался, а потом умер. Сердце не выдержало, значит, его душа тоже рвалась и двоилась. Отца похоронили та, другая женщина и пятилетняя Светочка. Галка каждый день писала отцу письма и отправляла по электронной почте, ответа, естественно, не было. А однажды пришло сообщение, что письмо не может быть доставлено. Последняя ниточка оборвалась. Галка спросила маму:

– Поехали к папе на могилку?

– Нет, знакомиться не хочу, – качнула головой мать.

Для общения с соперницей нужны силы, а их не было. Отец забрал последние своими бесконечными поездками в ту семью. Но лучше так, чем эта пустота. Галка подходила к окну, прислонялась лбом к стеклу. На улице шел дождь, и Галке казалось, что дождь плачет за нее, потому что ее глаза оставались сухими. Мама тоже не плакала. Галка написала пальцем на стекле: «Папа, зачем ты умер?» И быстро стерла, потому что мама заглянула в комнату, позвала пить чай.

– У Светы наша фамилия? – спросила девочка.

– Нет, – нахмурилась мать.

– Значит, мы одни Акимовы? – уточнила Галка.

– Одни на всем белом свете, – усмехнулась мама. – Ты да я, да мы с тобой.

С отцом всегда было не просто, однако он занимал огромное место в Галкиной жизни, а теперь там оказалась дыра и подсасывала, и грозила затянуть в свою черноту и саму Галку. Девочка думала иногда: как там Светочка, кем был для нее папа? Галка не очень хорошо помнила себя маленькую, в основном, по фотографиям. Она судорожно перерыла все шкафы в доме в отсутствие матери и прошарила отцовские страницы в соцсетях. Никаких упоминаний о второй семье там не было, вообще ничего личного. Отец был скрытным, как и все они, Акимовы.

Родители никогда не ругались. Если звонил телефон, мама подавала его отцу, не заглядывая, кто именно звонит. У каждого свое пространство, но было и общее, в котором комфортно всем вместе. Хорошо вместе и отдельно, и это не предполагало предательства. Однако Светочка откуда-то появилась, вот из этого самого отдельного пространства. Галке сказали, что в Калуге у нее родилась сестренка. Больше ничего не объяснили, но и так понятно. Хотя что понятно? И снова тишина, никто не ругается, не выясняет отношений, только мама словно потухла. Потом Галка узнала, что когда ей рассказали о сестре, Свете было уже полтора года. А Галке тринадцать с половиной. Девочка нашла Калугу на карте. Лету чуть больше часа, если прямым рейсом. Открыла википедию. Родина космонавтики. Отец в планетарий, наверное, со Светочкой пойдет. Птичек покормят в «Воробьях». Галка выключила компьютер. Вот, собственно, и все. Она ничего не спросит, а отец ничего не расскажет. Она и не хочет ничего о них знать, потому что непонятно, что с этим знанием делать. Оно встало болезненным комком у горла и не дает свободно дышать. Галка стала пропускать художку. Рисовала дома, напряженно ждала отца с работы. Потом отдала ему рисунок: три чахлых березки за окном. Галке казалось – к ним невозможно не вернуться.

– Спасибо, Галчонок, – серьезно сказал отец.

– Не вызывай такси, мы тебя проводим, – Галка умоляюще взглянула на мать. Они всегда его провожали и встречали. Галка настаивала, пусть знает, что его ждут. Однажды мама сказала:

– Знаешь, что такое дьявол? Это двоеволие.

– Ты хочешь, чтобы мы его отпустили? – изумилась дочь.

– Должно быть что-то одно, или там, или здесь, – пожалала плечами мама.

Девочка подошла к окну. Снег под березами осел, скоро весна. Уже третья весна, но ничего не меняется. Галка и не хочет, чтобы менялось, потому что неизвестно, что принесут с собой перемены. А мама хочет, она устала от этой растянувшейся на годы неопределенности.

Из следующей поездки в Калугу отец не вернулся. Утром принесли телеграмму. Мама прочитала ее и положила на тумбочку в прихожей. Через некоторое время вышла из комнаты одетая.

– Ты куда? – спросила ее Галка.

- На работу. А ты – в школу, – сухо ответила мать.
- Мы не поедem на похороны?
- Нет. Нам даже не предложили похоронить отца у нас, значит, там ему лучше, – мать обулась и взялась за дверную ручку. – Не вздумай прогулять школу.

Галка собиралась в школу очень медленно, размышляла. Ей казалось теперь: она знала, что ситуация разрешится именно так. Очень уж плохо было в последнее время дома. Мама говорила, как будто ни к кому не обращаясь:

– Так не бывает: немножко тут, немножко там.

Отец отмалчивался. Телефон мама по-прежнему ему подавала, не интересуясь абонентом. Отец брал трубку и закрывал дверь в комнату. Мама замирала у окна, словно там было что-то интересное. Галка вставала рядом, проявляя солидарность.

– Свобода – слово ругательное, чего бы это ни касалось, – изрекала мама.

– Лучше бы она плакала, – думала Галка.

Из комнаты выходил отец, и девочка стремительно поворачивалась, чтобы он не остался в одиночестве.

Теперь так не получится – быть и с отцом, и с мамой одновременно. Папу хоронят завтра, и можно успеть даже на поезде, только мама не даст деньги на билет. И оставить ее сейчас – значит, предать ее еще раз вместе с отцом. Лучше потом уговорить маму съездить на могилу.

Вместо школы Галка пошла на речку, села на скамейку у самой воды. Наклонилась, сорвала горицвет. Мама заваривала папе эту траву для сердца. Не уберегла. Не уберегли.

Галка почувствовала, как по щекам потекли слезы. Девочке казалось, что ее слезы падают прямо на песок, а оттуда попадают в реку и бегут куда-то вместе с ней, может быть, в Калугу, к папе. Дышать стало легче, причем легче, чем за все последние годы. Галка подумала, что мама зря пошла на работу, там негде выплакаться. Лучше бы отправилась вместе с дочерью на берег реки, смотрели бы на воду, делили с ней горе. А на том берегу они были с палаткой, Галочка была еще маленькой. Она позвала родителей в поход, папа серьезно согласился. Они тогда попали под дождь и долго не могли развести костер, потом долго закипала уха из трех пойманных отцом рыбешек, вкуснее той ухи Галка никогда ничего не ела. Им было хорошо вместе. Галка вытерла слезы, подняла прутик, написала на песке: «Зачем?» Смотрела, как волны смывают эту надпись. Ничто не вечно, и вопросы со временем теряют свою значимость. Даже те, на которые ты так и не получила ответа.

Тихоня
Марина Юнг

Настасья Иванна была в отчаянии. Всё готово к празднику прощания с букварём. Стихи выучены, роли разыграны, картонные буквы наклеены на бумажные обручи для головы и ещё пахнут свежей гуашью...

И надо же беде случиться... Прекрасный алфавит первого «Б» остался без двух букв.

Юлька Денисенко очень радовалась, что ей досталась её любимая буква Ю. Стишок она выучила так, чтобы он, по любимому выражению учителей вот уже многих десятилетий, «от зубов отскакивал».

Проснувшись в день праздника, она не смогла даже сказать родителям «доброе утро». Горло болело, нос заложило, голос пропал...

Мама была неумолима, и Юлькины слёзы ничего не изменили. Но если бы её даже и отпустили в школу, без голоса стишок не прочтёшь.

Пашка Круглов в общем неплохо выучил стишок, посвящённый довольно важной и ответственной букве Е. По крайней мере, Настасья Иванна была за него спокойна.

Возвращаясь накануне праздника домой, он заметил в палисаднике мяч Артёма с третьего этажа. Эх, Артёмка, растяпа... ну ничего, я сейчас... Друг я или нет?

С этой благородной мыслью Пашка размахнулся правой ногой, чтобы отправить мяч на Артёмкин балкон. Но то ли неверно рассчитал удар, то ли ветер был не попутный. Звон разбитого стекла возвестил о крушении надежд не только на праздник букваря, но и на ближайшие выходные, включавшие выставку собак, хоккейный матч и много чего ещё... Даже просьбы Настасьи Ивановны не убедили строгих Пашкиных родителей отменить «домашний арест».

Настасья Иванна растерянно оглядела класс.

– Ребята, у нас пропали две буквы... Что же делать?.. Наверное, мне придётся рассказать эти стихи и... и сделать вид, что так и надо... ах нет, это же чепуха! Но ведь уже никто не успеет выучить... ну, например, букву Е?

– Настась-Иванна!

Алёшка Васильев тянул руку. Застенчивый Алёшка, тихоня и заучка. Он всегда бубнил что-то себе под нос у доски, поэтому не получил никакой буквы, а должен был участвовать в массовке, размахивающей флажками и воздушными шариками.

– Да, Алёша... – отрешённо отозвалась учительница.

– Я могу рассказать букву Е.

Класс развернулся и уставился на заучку.

– Ты знаешь этот стишок?!

– Да.

– Выйди, пожалуйста, к доске.

Алёшка подошёл к учительскому столу и пробубнил, глядя в пол:

.....– Ежевику ел енот,

.....Перемазал соком рот.

.....Буква «Е» несёт водицу,

.....Чтобы мог енот умыться.

У Настасьи Ивановны забрезжило что-то похожее на надежду.

– Алёша... а ты не мог бы рассказать погромче?

Тихоня повторил погромче.

– Так... Так. Хорошо. Хорошо. Эээ... у нас осталась буква Ю...

– Я могу рассказать!

Теперь класс смотрел на «ботаника» во все глаза.

– Давай!..

.....– Юрки замёрзнуть не хотят,

.....Юрки от вьюг на юг летят.

.....Юрки, вернитесь с юга,

.....Ушли мороз и вьюга! – отбарабанил осмелевший Алёшка.

... Праздник прощания с букварём прошёл «на ура». Выйдя из актового зала, Настасья Иванна подошла к Алёшкиным родителям.

– Ваш Алёша просто молодец! – бодро начала она. – Как же нам повезло, что он выучил именно те два стишка, которых не хватало нам сегодня!

– Нет, – тихо сказал Алёшка.

– Что нет?

– Не только эти два.

– ???

– Я все выучил.

– Все?!

– Ну да. Выучил, пока ребята в классе рассказывали. Хотите, я вам сейчас их все расскажу?

Земля – Созвездие Эридан. Третий конкурс мистических рассказов

Не улетай!

Таёжник

Валерке не спалось.

Он ворочался с боку на бок, время от времени отрывал голову от подушки, смотрел на светящиеся цифры на часах в надежде, что уже скоро рассвет. Но часы почему-то не спешили идти вперёд. Валерка даже решил, что они сломались. Просто замерли на одной позиции.

За окном было темно. Лишь уличный фонарь неподалёку излучал желтоватый свет.

Было совсем тихо. Можно было даже слышать, как размеренно капает вода из крана на кухне. Кап-кап-кап.

Внезапно в дальнем углу комнаты, как раз там, где примостился старый шкаф, что-то зашуршало....

– Мам, ты?

– Да, сынок... Где-то здесь старая аптечка моя... Снотворное закончилось – немного испуганно, как показалось Валерке, ответила мать, шаря рукой в потёмках.

– А что свет не включишь? – он дёрнул за шнурок настенного бра.

Женщина стояла к нему спиной и, как-то суетно, задвигала верхний ящик шкафа.

– Всё, нашла уже, спи! – не оборачиваясь, сказала она и удалилась в свою комнату.

«Тоже не спится ей... из-за меня, конечно» – Валерке хоть было и жаль мать, но в своём решении он был непоколебим: сказал, лечу – значит, лечу! А лететь он собрался в Красноярск и уже оттуда добираться до небольшого посёлка нефтяников, куда позвал его на работу старый армейский товарищ. Мама вначале была не против, но вчера, когда он пришёл домой уже с купленным билетом на утренний рейс, вдруг неожиданно изменилась в лице и заплакала. Вновь Валерке пришлось убеждать её, что его уже там ждут и мать вроде успокоилась, но весь вечер ходила бледная, тёрла виски и тихо нашёптывала: «Нет, нет, неет!»

Ну, всё – пора! Валерка резко встал, оделся и прошёл на кухню поставить чайник. Дверь в комнату матери была открыта, но её самой нигде не было. Странно как-то... Вдруг лёгкий холодок пробежал у него по спине. Он открыл шкаф. Предчувствие не обмануло – ни билета, ни документов на месте не оказалось. Вернувшись на кухню Валерка увидел не замеченную ранее записку. «Прости, сынок. Объясню потом всё.» Обида, злость – всё

перемешалось в душе у Валерки и он, приписав к записке матери, что он ей никогда не простит её глупую выходку, вышел из дому

Проснулся он на следующий день утром у Светки – своей бывшей подружки. На вопрос, как он у неё очутился, Светка очень живописно поведала, каким он заявился к ней поздней ночью, как плакал и жаловался на жизнь, на маму, на неудачную задумку улететь.

– Я же впервые тебя такого смешного увидела! Не, Валерка, не идёт тебе это дело – чужой какой-то становишься, хоть и спокойный. Давай, умывайся, да домой топай, а я пока кофейку соображу – прощebetала Светка и пошла на кухню.

Потом они пили со Светкой кофе, он поглядывал в телевизор, по которому передавали новости. Голова ещё плохо соображала после вчерашних возлияний, но когда диктор скорбным голосом сообщил об авиакатастрофе самолёта, он весь съёжился и напряжённо вслушивался в подробности. Всё совпало – номер рейса, дата вылета... Все погибли...Все... Валерка, как в тумане, встал и направился к выходу. Мама... она предчувствовала... Моя милая мама... Домой! Уже у дверей догнала Светка:

– Куртку то надень!

Они долго стояли и молча смотрели друг на друга. Потом мама положила ему голову на грудь и тихо заплакала. Валерка обнял её и, поглаживая широкими ладонями по спине, шептал одно:

– Спасла меня... спасла...

Удачливый

Marita

Меня называли Удачливый, и везенье мое было со мной с колыбели. Я молился ему, истирая язык в благодарностях. И я верил, наивный глупец, верил непостоянству его даже более, чем себе самому, до тех пор, пока...

...пока мне не продал ту карту беззубый старик в нищем, грязном, вонючем квартале Каира. Я стоял, прислонившись к щербатой стене у какой-то лачуги, а он – вырос будто из-под земли, просочился сквозь солнцем выжженный камень.

– Мистер, – уважительно выдавил он по-английски, так смешно коверкая слог, – у меня есть то, что желает ваша душа.

– Пшел отсюда, – сказал я ему. – Моя душа желает, чтоб ты исчез с глаз долой, и сию же минуту.

Глаза старика сделались ядовито-змеиными, сухие, коричнево-красные губы его искривились.

163

– Там золота столько, что вы не возьмете за раз, уж поверьте мне, мистер... – прошепелявил он нараспев. – Многие бы хотели проникнуть в эту гробницу, но тайны ее закрыты для них. А для вас... – его голос прервался, – это будет стоить всего тысячу фунтов. Ничтожная пыль по сравнению с теми сокровищами, что будут доступны вам, мистер! – он улыбнулся мне хищно-змеиной улыбкой. На кончике языка его мне померещилось острое жало. Удача снова манила меня, звала в свои призрачно-белые руки. И я возблагодарил ее, и...

И сунул, не глядя, банкноты в дрожащие жадные пальцы торговца, в ответ получив посеревший от грязи бумажный клочок. Чернила на нем были красны, точно спелое, ярко-закатное солнце, и лаково-черны, как неизбежная ночь. Я присмотрелся к следам их на бледной, песчаного цвета бумаге и расхохотался над собственной глупостью.

Это было за Городом Мертвых, Каирским некрополем. Изученным до последнего камушка, исхоженным до последней тропы. Что там можно было найти, кроме туристов и нищих? Старик подцепил на крючок своей лести банкноты из моего кошелька. И благодаренье удаче, что не последние. Впрочем, я ничего не терял. Я мог сходить и развлечься. Этой же ночью, мертвой, лунно-серебряной ночью, когда чернота разливалась, точно бездонные нильские воды, над каменными островами некрополя, вползала

сквозь окна и двери. Когда живые стихали, как мертвые, а мертвые, говорят – становились подобны живым... но кто сейчас верит в эти глупейшие сказки? Я шел, и моя удача шагала под руку со мной.

...Шел, ботинками утопая в черной зыби песка, и луна следила за мною с небес, точно зоркий всевидящий глаз, и потерянно выли шакалы, и рюкзак за плечами моими был легок и пуст, словно чрево, лишенное пищи. Я хотел накормить его золотом досыта, округлить его тощий брезентовый бок. Сдать добро перекупщику – и вернуться, опять, одному, под прицельные взгляды луны и стенанья шакалов. Если только старик не солгал... но в прищуренных хитрых глазах его ложь вязалась в единый узел с наигорчайшею правдой. И не было истины ни в том, ни в другом.

...как у гладкого, точно ножом рассеченного трещиной брюха скалы. Там, где лунная, истонченная ночью, горбатая тень моя прикоснулась к ее основанию – я ударил киркой, вызвав брызги мелко-острых камней. И скала зарычала, подобно пустынному льву, и раскрыла передо мною проход. Я шагнул в него – и зубастая пасть за моею спиною закрылась, едва не оттяпав рюкзак. Я был слеп в обжигающей тьме, и удача вела меня за руку...

...мимо белых, луной оголенных костей и полчищ скарабеев, ползущих по ним, к им одним только видимой цели.

...мимо масок рогатых богов и богов с лягушачьими, мерзко-глумливыми мордами.

...мимо каменно-твердых, как смерть, саркофагов, и лежащих в них мумий с рубинами вместо выдранных глаз и текущею в жилах луной вместо крови.

Шел, пока зрение не вернулось ко мне, и в бездонном, чернеющем небе не вспыхнули блеклые звезды, и при свете их я увидел...

...увидел и понял, что разом теряю рассудок...

...как ужаленный в ногу змеей, что оскалила сморщенный, старческий рот, и язык ее подарил мне мгновенную смерть и насмешку вдогонку...

...а холодный, струящийся яд – завладел моим телом, и заставил глаза мои видеть то, что не видят другие...

– Мой! – громово прорычало шакалоголовое чудище, отделившись от стен.

– Мой! – откликнулось справа, точно бездумное эхо. – Мой! – проблеял осел... прорычал леопард... – Мой! – провыло по-волчьи, а потом – я упал на колени и тихо пополз в темноте, притворившись ужом, а там, в высоте, надо мною – неслись к небесам визг и рычание, и текла вниз гремучая черная кровь, и дрались, бесконечно дрались за меня два бессмертных чудовища, и грозные их имена заплетались в мозгу письменами – Анубис и отец его Сет... Красноглазый, кроваво-волосый бог-воин – и шакал, охранитель гробниц. Сет и Анубис, взалкавшие крови того, кто их потревожил. И удача моя сохранила меня от палящего гнева их.

...Черное чрево туннеля разверзлось внизу. Я ввинтился змеей в его узкие своды... падал и падал вниз, в гулкий, мертвый, холодный, как камень, колодец, и земля осыпалась за шиворот мне, и покойники трогали меня за лицо любопытными пальцами. А потом – я распрямился и встал. И пошел, пока шаг мой не закончился обсидиановой дверью. Я ударил по ней кулаком, и кулак провалился в мясное, дрожащее, вязкое, будто внутренность трупа... и я тотчас замедлил дыхание, чувствуя невыносимую вонь.

Двери лопнули, как подгнивший, червями источенный плод. И глазам стало резко, до боли светло. Я стоял в ослепительно блестящей зале, где по стенам – висели золотые щиты, где стояли роскошные вазы из чистого золота, где в огромных, сияющих мертвенным блеском, литых саркофагах – спали вечно хозяин и хозяйка гробницы, и на лицах их были золотые, прекрасные маски, дабы сон их был тих, и спокоен, и сладок...

...Я сорвал маски первыми и сунул в рюкзак. Следом – россыпи древних монет, статуэтки, браслеты, золотые кинжалы и копья, пояса в лазуритовой сини и кровавые, красные броши. Нет, я не был избыточно жаден. Я взял столько, сколько мог унести. Я знал, что вернусь сюда снова...

...через черное чрево туннеля и трупную вонь.

...мимо замерших в ярости статуй Анубиса и отца его, Сета.

...под белеющим оком луны, вдоль скалы, рассеченной расщелиной надвое, будто ножом...

...где так воют шакалы, и в жалобах их мне мерещится речь человеческая.

– Ы-у! – взвыл я от скрежещущей боли, что пронзила меня от макушки до пят.

– Ав-в... а-а...

Я упал на колени в лунно-серую пыль. Мои кости пылали, плавились, искажаясь, меняясь, моя кожа грубела, обрастая щетиною шерсти. Мои зубы острились, росли, мои ноздри ловили мне непривычные запахи. Я катался в пыли, завывая и кашляя. Я был жив, и я умер. Я звался Удачливый, и удача, смеясь, покидала меня, оставляя иное прозвание.

«Ты вернешь мертвым все, что ты взял у них... – пронеслось в голове быстро-змейное, точно крутящийся ветром песок. – А потом – ты останешься стражем пустыни, шакалом, будешь выть по ночам, чтоб напомнить всем тем, кто, подобно тебе, оскверняет святые гробницы – что ждет их в посмертии... чья судьба будет так бесконечно скорбна... Уходи – и будь проклят навеки».

...Из-под лапы моей выпал вчетверо сложенный лист. Кто найдет его, кто испытает удачу на прочность? Мне было уже безразлично. Я трусил ко скале, подметая хвостом блекло-лунную пыль. Меня ждали мои повелители-боги, и мне не было больше дела до мира людей.

Гринька и худоба

Marita

Луна была тонкой и бледной, пугливо мерцала во тьме. Серебрила, далека. В тускнеющем свете ее тихо, мягко ложились снежинки. Белы, осторожны скользили – от щедрости туч, равнодушно гулявших по небу. Подсвистывал ветер. Дыханье его студенило.

– И-и, дядька, а правду-то бают, что ты – волховник? Али наговор? – Гринька замолк. Выжидал любопытственно. В снежной, прерывистой пляске блазнилось нелепое – черная тень, что хвостом увязалась за нартою, шла неотступно. След в след, длинноногая, тощая, руки-оглобли. Скребла по собачьим следам, извивалась змеино. – И-и, страсть-то какая!

Буран зачастил. Беловьюжье объяло – собак, одинокую нарту, луну и чернеющий камень вдали, под прозрачной и хрупкой луною. Все слилось в беспокойную марь. Неразличную, долгую, злую. Все сгнуло в мари.

167

– Ишь ты, как резвит! То-о! – повыкрикнул дядька.

И нарта застыла. Протяжно завыли собаки. Широкая, черная тень навалилась на них. Бесконечная, точно буран. Тень от нарты, что шла супроти. Гладко, точно по льду, необъятная, двигалась нарта. Два могучных волка волочили ее. Шерсть их вздыбилась. Волки оскалили зубы.

– Ить, ты не пужай, мы и гаже видали, – и дядька насупился. Сделался – будто грознее и больше. Как туча, взошел над волками. Скуля, они сжали хвосты. Отступили, остря свои пасти.

Из нарты слышался смех.

– Что ж ты так неприветлив? Аль хвор? – прозвучало, как гром. И утихло. Восстал – бледен, точно мертвец, в меховом дундуке, красноглазый сендушный. Велик, возвышался над нартой. Метнул глаз на Гриньку, недобро. – А кто тут с тобою? Кто в гости пожаловал?

Черная тень шевельнулась.

– Племянник-от. Взял на охоту, – сказал с равнодушием дядька. Прищурился.
– Мал еще парень. В науку мою негожав. Ишь, еле крепится!.. Откуль появился-то, нехристь? – прибавил. – Что хочешь от нас?

Заметало порошей. Бело, и прозрачно, и хрустко.

– Сендуха позвала. Баюкала, пела всю ночь. Волховала. Метель поднимала – до звезд. И накликала... – зубы сендушного стукнули. Были остры, как у волка, торчали над нижней губой. Шевелились в дыханье.

«Ей-ей, изурочит! – всполошно подумалось Гриньке. – Как есть изурочит! Моргнет своим глазом – и в волка меня обратит! И ходить мне в упряже...»

Руки сжали гайтан. Губы дрогнули – сбились в молитве.

Сендушный смеялся – раскатисто, точно гроза.

– Не сомлел бы ты, паря, совсем! И-и, какой боязливый! Вот что – в карты желаю сыграть, – вдруг сказал он, и бледное, злое лицо его стало как камень.
– Буди проиграю – удачу в охоте вам. А буди мне выиграть...

Он облизнулся, как волк. Белый, мрачный дундук враз поблазнился шерстью волчиной. Сендушный встряхнул рукавом – и посыпались карты. Упали, выюжась.

Дядька сгреб их в охапку.

– И-и, скорый какой! Накликал-те... как есть – накликал... – бормотал он дремотно.

Снег был, как вода, тек и тек злой, студеной рекою. Смыкались глаза. Гриньке блазнилось – лето, буйный шелест травы, гнус голодный и нудный. Он – в лодке, рыбачит. И дядька за ним тянет сеть. Говорит еле слышно: «Трефовая масть... и-и, там крест, его нехристь не любит... протянешь сендушному трефы – и станет ему озорко... сгинет, в воду уйдет... Ить, хватайся за невод! Тяни!»

И плеснула волна, набежала, накашляла пеной в лицо. Гринька вздрогнул. И сон отошел.

– Туз пиковый, – услышалось. Ветер объял, бросил голос в сендуху, волкам напрокорм. Злой, уросливый ветер. – Чем крыть будешь карту? А? А, ротозей?

И сендушный оскалился. Сыто смотрел в темноту. Красный взгляд его был как огонь.

– Туз трфовый! – сказал ему дядька. И выкинул карту. И взвыл. – Ить, мухлежник! – грозил кулаком. – Ить, варнак из варнаков! Ты что мне подсунул замест? Двойку бубен?!

Тень встала над ним, одичало шатаясь.

– И-и, как заблажил. Приткни свою пасть, волховник, – сплюнул наземь сендушный. – Буди ты проиграл... Вот что – цену ты знаешь. Сочтемся.

И сгинул. И волки – осыпались снежной порошей. И нарту слизнула луна.

Будто и не бывало.

...А Гринька исчах.

Душно, тяжело в избе, маята. Поблазнилось – смутное с икон, лики бледны, дики. Обступают, как гуси шипят. И рога почернелые кажут.

То Гринькина немочь. Гуляет, смело, озорко, мучит Гриньку.

– Ой-ой, голова... ой, головушка бедная... – жалился, тряс головой. Будто что навалилось, смурное и тяжелое, сжало волчиными лапами. – И-и, пагуба какая...

Стонал. Суетились окрест, обтирали водою. Вдыхали.

– И-и, изурочили парня! Словами волховскими... и-и, озорко! Стоесь... и иконы не выправят! Кончено.

Черное стало в избе. Будто крылья лихие, взметнулось – и пало.

Старуха с косою седой, в баской, алой рубахе. Смотрела на Гриньку – оскалилась. Бешены стали глаза.

И запела, как ветер подул. Закружилась, завывала. Подолом по полу мела.

– Го-го-го... – затянула. – Го-го... го-го-го... Танцевать со мной будешь?

И косы свои распустила. Долги, как трава полевая.

– И-и, что нарочком молчишь? Подпевай, раз уж взялся! Го-го... го-го-го...

И – к иконам. Поблазнилось Гриньке, что жжет их огонь. Набежал, красноперый, лютует. Тяжел Богородицы лик, почернел от скорбей.

– Го-го! – выкликает старуха, и смрад по избе – мертвечиною тянет. – Го-го... го-го-го... проиграл тебя дядька сендушному... и-и, проиграл!

И глаза ее шалы.

– Го-го! – блажит Гринька в ответ, и смеется. – Го-го... го-го-го!

Эх, сендушная пагуба!

Худо.

Но вдруг – прояснело, как солнце мигнуло сквозь морок. Осеннее, краткое – дивно!

170

Истлела старуха. Как дым, поднялась к потолку, густо, важно – и сгнула.

Тишь.

И – олень перед Гринькою. Кроткий, с огневыми глазами, и шкура бела, точно снег. Покосился на Гриньку, и – ярь, раздуваются ноздри, копыта скребут по земле.

– И-и! – услышалось Гриньке. – Поймал я его худобу. И в мешок посадил. И дубинкой охаживать стану, пока не иссякнет. Ить, немочь-то блажит!.. Держите хворобого под руки, чтобы с избы не утек.

И взыграло. И острой луной накатило, взяло на рога. Зачлось, превеликое, знатное.

– Дон-нг! – стукнул копытом олень, и плеснуло огнем, заалело. Деревья востали окрест, и на каждом – волховское яблоко. Золотом жжет, круглобоко. Манит.

– Откуль ты такой недогадливый? Ешь! – прозвенело далече, и ветки склонились к рукам, и горело – кострами волховскими. Дивное, звонкое, злое.

И Гринька испробовал. И – тотчас сделалось ясно. Увиделось – он на урне, в избе. Лежит под оленьей шкурой, и потом исходит.

– Ить, вышла твоя худоба! Улетела, за лаем собачьим, – сказал ему кто-то. Глаза его были по-птичьи бойки, в руках – он сжимал колотушку и бубен. И свет от них тлел – волховской, осторожный. – Три дня из избы ни ногой! И ножа не касайся. А то вновь приважится, лютая. И я не спасу.

И – вон из избы. И шаги его сгнули. Будто приблизилось...

Что не накличет сендуха! Темны ее помыслы.

Пала метель. И завывала, и в ставни скреблась, и объяла собою избу. Морок на небе, тонкая, злая луна наострила рога. И опасливы звезды. И ветер – студен, беспокоен. Вьюжит. Разгулялась сендуха. Свистит, голосами нездешними блазнится.

Гринька – за нож. Честный, острый, точеный.

171

– Ужо я тебя! Ить, волховская пагуба!

Черно в глазах, повело. Холод в избу забрался, повыстудил печь. И смердит из-за вьюшки, и дымом выходит. Смутно.

– Ить, собачья зараза! Нароком шумит... И-и, я шкуру-то те продырявлю!

И дверь подалась, будто кто навалился, тяжелый, косматый. И стихло. И сделалось мертво в избе.

– И-и, – сказала старуха, и зубы ее были белы, как кость. – Поди-тко сюда. Больно прыток... а мы и погаже видали!

И взвыл тогда Гринька. И верным ножом – на старуху. Ударил – и ржой опаскудился нож, размяк, и в руках развалился.

– Го-го! – рассмеялась старуха. – А ты повернее ударь! Го-го... го-го-го...

И – плясать по избе.

– Го-го... Кыш отсюда! – ногою стучит. – Го-го... го-го-го...

Гринька – в сени, в чем был. Дверь руками толкает. Приблизилось, будто он в лодке. Покой, камыши. Только рыба случайная плещет. И дядька на веслах.

– И-и, паря, давай, помогай! Расторопничать надобно... ить, берися за невод! Кому говорю!

И глаза его – красны, как кровь.

И вода – ледяная, как снег. Завывает метельно. Томит.

– Го-го-го... – шепчет Гринька в ответ. – Го-го-го...

И вода накрывает его.

** Баская – красивая, на диалекте индигирского села Русское Устье.*

** Баять – говорить.*

** Блажь – истерика.*

** Блазниться – мерещиться.*

** Буди – если.*

** Варнак – разбойник.*

** Волховник – колдун.*

** Гаже – хуже.*

** Гайтан – шнурок от нательного креста.*

** Дундук – длинная меховая рубашка из оленьей шкуры.*

** Изурочить – навести порчу.*

** Морок – сплошная облачность.*

** Нароком – умышленно.*

** Негожавый – негодный.*

* Немочь – болезнь.

* Нехристь – нечисть.

* Озорко – страшно.

* Откуль – откуда.

* Пагуба – бедствие.

* Сендуха – тундра.

* Сендушный – хозяин тундры. По поверьям, ездит на нарте, запряженной волками, и любит играть в карты, но боится трэфовых мастей, напоминающих крест. Некоторые колдуны, встречаясь с сендушным, решались сыграть с ним в карты. В случае выигрыша – им давалась возможность удачной охоты, а в случае проигрыша – кто-то из их семьи пропадал.

* Смутно – тревожно, беспокойно.

* Стоесь – даже.

* Страсть – ужас.

* То-о! – собачья команда «Стой!».

* Уросливый – вредный.

* Урун – кровать.

* Худоба – болезнь, порча. Наведенную порчу в Русском Устье традиционно лечили шаманы, сидя на оленьей шкуре и ударяя колотушкою в бубен, причем после лечения больному запрещалось три дня выходить из избы вечером и брать в руки остроконечный железный предмет, также – больного нельзя было пугать, иначе болезнь могла вернуться. Существовало поверье о блуждающей тени недоброй шаманки, что могла вселиться в любого человека. Заболевший этой болезнью, «жиганкой», терял сознание, ему мерещилась женщина с распущенными косами, монотонно певшая: «Го-го-го». Больной пел вслед за ней, пока не умирал.

Дежавю
Marara

Комната, вернее комнатка, затопленная темнотой. В центре – огромный стол из почерневшей от старости древесины. По нему рассыпаются квадратики карт, тоже замусоленных и пожелтевших от старости, и все же контрастно-ярких на фоне черного дерева. Свечи в массивном позолоченном подсвечнике оплыли, в их мерцающих огоньках наши с Джошем тени то растут до невидимых во мраке стен, то съеживаются.

За столом сидит старуха в странном цветастом платке на голове. Ее сухие загорелые пальцы разбрасывают карты, потом подбирают их и вновь разбрасывают веером. Старуха что-то глухо бубнит о дальней дороге, о пиковой и крестовой дамах, о будущей известности, потом выпрямляется и мазнув по лицу Джоша цепкими глазами, четко произносит: «Да, уж парень, ты из тех лошадок, что вечно прыгивают с карусели!» «А я?» – обиженно спрашиваю я, и ведьма медленно переводит глаза на меня. Они настолько черны, что радужка не отличается от зрачка; мне становится страшно. Кажется, что старуха видит меня насквозь, со всем моим прошлым и будущим, со всеми мечтами и страхами. Мне страшно, но все равно очень хочется, чтобы ведьма подтвердила: я – такая же смелая и независимая, как мой старший брат. Но старуха лишь отрицательно качает головой в цветастом платке, и я чувствую, как обида сводит горло, а из глаз вот-вот хлынут слезы. Ведьма тоже понимает, что я готова расплакаться, и неожиданно мягко говорит мне: «Не с каждой карусели стоит прыгивать! Иные карусели хороши! Не всегда потом найдешь лучшую!» – и, помолчав, угрюмо добавляет: «Может, оно и к лучшему, что твоя лошадка помирнее. Слишком уж большую цену платишь за каждый соскок с карусели. Причем платишь не только ты...»

174

Это случилось давно, так давно, что я и не помню, где события реальны, а где вымысел: ведь порою услышанный рассказ так явственно себе представляешь, что все кажется произошедшим в реальности, да и детям свойственно путать сны, сказки и жизнь. Я была совсем ребенком, когда недалеко от мэрии установили карусель. Для нас, детишек, открытие карусели стало праздником: городок был нашим ровесником, да и городок ли? Несколько десятков только выстроенных коттеджей, небольшой заводик по обработке руды, церквушка и школа на краю пустыни. Для развлечений с малышами по выходным приходилось пару часов трястись в автобусе до настоящего города, но кому из родителей это было под силу? День за днем все катилось по знакомому кругу: работа – дом (готовка, стирка, уборка), а наутро – опять работа.

А тут – карусель, да какая! Лошадки – как живые, друг на друга ничуть не похожие, у каждой свое выражение деревянной мордашки. Говорили, что

Джузеппе – хозяин карусели, сам их вырезал из дерева, а крутящийся механизм купил в городе, и для этого влез в большие долги. Ну да нас, малышей, это мало занимало! Мы с Джошем стояли в очереди, сжимая билеты в потных ладошках, и заранее выбирали себе скакуна, споря, какой лучше. Джошу нравилась черная – вороная, почти вставшая на дыбы, а мне – белая, поспокойнее с золотистой гривой и ласковыми глазами. Помню, мама, взглянув на коня, выбранного Джошем, заметила, что все лошадки этой карусели как будто хотят спрыгнуть с нее и убежать куда-то, а папа в ответ рассмеялся: «Ты, Мири, навязываешь им свои желания! Жизнь – есть жизнь и она всегда идет кругами: спрыгнув с одной карусели, рано или поздно попадаешь на другую, и порой не такую праздничную. Нужно держаться того, что есть!» Не помню, достались ли нам в тот раз выбранные нами скакуны; но мы не раз потом бегали на карусель и всегда норовили оседлать именно своих любимых.

Мы – это я с Джошем; он был старше меня, и я вечно ему надоедала. Внешне он был похож на папу, а характером – на маму. Мама и папа были очень разными. Папа до старости выглядел худым подростком, но в быту предпочитал основательность и стабильность; беспорядок его всегда раздражал. Мама – напротив, с возрастом погрузнела и расплылась, но в душе осталась девчонкой, норовящей лошадкой спрыгнуть с карусели. От нее всегда можно было ожидать какой-то неожиданности. К семилетию Джоша, она, к примеру, выписала откуда-то пианино, бухнув на эту покупку и ее доставку почти все сбережения семьи. Какая-то случайно встреченная бывшая учительница музыки, сказала, что у мальчика – абсолютный слух, и мама решила вырастить из ребенка Паганини. Папа долго сердился, но ему пришлось несколько лет подряд оплачивать никому не нужные уроки музыки для сына, хоть зачем ему музыка? Дай Бог в простенький колледж поступить после нашей школы! Но мама умела настоять на своих выдумках...

Джош сперва бунтовал против еженедельных гамм, а потом свыкся; он, как и мама начал фантазировать о концертных залах, побольше нашего школьного. Музыка у него действительно шла на ура, да и фантазии было не занимать. Он вечно придумывал какие-то приключения и затягивал в них меня. Однажды ночью, втайне от спящих родителей он вытащил меня в парк, который к тому времени разросся вокруг нашей карусели: появились новые качели, клумбы, кусты и даже чахлые деревья поодаль. Мы затаились в кустах, глядя на карусель, которая уже не работала. Джош велел смотреть на наших лошадок, чуть видных в свете фонарей, и я послушно таращила на них слипающиеся глаза. Неожиданно они ожили, стали перебирать точеными ногами и одна за другой начали спрыгивать со своей круглой платформы.

Не знаю, куда умчались остальные, но «наши» подбежали к нам и замерли выжидая, когда же мы залезем в седла. Я уже не помню в точности, куда они нас тогда понесли. Кажется, в незнакомый огромный парк с озером. Мы гуляли по иллюминированным аллеям вдоль его берегов; одно из этих деревьев и вовсе показалось мне волшебной громадиной, особенно по сравнению с жалкими его собратьями из наших пустынных мест. Оно стояло поодаль от прочих; вся крона его была украшена мерцающими фонарями, которые отражались в воде озера, и все это сливалось в какую-то праздничную феерию.

Славное это было время! Ночные вылазки с лошадками вошли у нас с Джошем в привычку. Иногда я думаю: не приснились ли они мне? Если да, то сны повторялись довольно часто. Некоторые эпизоды волшебных путешествий врезались в память так глубоко, что до сих я вижу их очень отчетливо. Например, тропическое побережье и наши подводные танцы с целыми стайками узких серебристых рыбок. Или гигантский концертный зал под стеклянным куполом; сквозь прозрачное стекло потолка можно было разглядеть облака, а зеркальный пол их отражал. Пианино с юным пианистом за ним и скрипачкой рядышком, казалось плыло по небу в потоке света и музыки. Как мы попадали в эти странные места? Помню лишь теплый ветер, обвевающий наши лица, точки звезд, которые из-за полета казались сверкающими черточками и необузданную радость, вызванную полетом и таинственностью. Иногда тайна пугала; но сказки часто бывают страшными.

В последний раз, помнится, мы оказались в покосившейся заброшенной хижине в лесу. Об экзотически одетой старухе я уже рассказывала. Не знаю, может я ее придумала? Так или иначе, это путешествие оказалось последним. В нашем городке неожиданно стали пропадать подростки. Пропажа ребенка в провинциальном городке – ЧП, а тут один за другим, и полиция никак не возьмет след. Двух, самых маленьких, обнаружили в другом штате. Малыши несли какую-то ахиною о летающих лошадках с карусели, и подозрение пало на Джузеппе; его арестовали, но вскоре отпустили за недостатком улик. Да и зачем ему чужие подростки? Но людская молва, не признающая логики, записала беднягу в местные Чикатилы, и он предпочел от греха подальше убраться, прихватив с собой свою карусель.

Моя лошадка прилетала ко мне попрощаться; она застыла у моей кровати, и я четко понимала тогда, что, сев в седло, я домой не вернусь. Я не решилась, а Джош, наверное, рискнул. Он стал последним из пропавших без вести...

Я не люблю вспоминать последующие дни. Горе затопило наш дом по самую крышу; в нем поселились гнетущая тишина, пустота и непреходящее ощущение боли. Родители почернели и осунулись; казалось, что все живое в них угасло, даже любовь ко мне. Я старалась лишней раз не попадаться им на глаза; мне чудилось, что, видя меня, они вспоминают Джоша и сравнивают нас

не в мою пользу. Папа так и не оттаял, да и мамино «Я сердцем чувствую, что он жив» звучало до самой ее смерти. Я выросла, вышла замуж за учителя местной школы. Мы с ним переехали в столицу штата. Родители не противились моему отъезду. Они даже отдали мне пианино Джоша: у них в доме некому было на нем играть, а моя дочь, а потом и внучка, неожиданно оказались способными к музыке.

Столица – не крохотный городок: в самом центре города раскинулся парк со старыми деревьями. В выходные и по праздникам мы часто гуляем по этому парку. В центре его – красивое озеро с плавающими по нему лебедями. Но особенно красиво это озеро по вечерам, когда повсюду в кронах деревьев зажигаются разноцветные праздничные фонарики и их отражения мерно колеблются в темной воде. Иногда мне кажется, что уже видела когда-то в детстве этот пейзаж, но вряд ли мои родители привозили меня ребенком в столицу: она была слишком далека от родительского дома.

Если хорошо подумать, то и в столице жизнь похожа на ту же карусель: дом, работа, дом – круг за кругом. Просто карусель эта поярче, попроще, да и музыка звучит погромче. Но вот лошадки в центральном парке попроще, постандартнее, чем на карусели Джузеппе; вряд ли они путешествуют по ночам.

177

Да и зачем? Дерево с фонариками растет в нашем парке; в нечастые отпуска мы едем к океану, где детям раздолье нырять с рыбками. В столице талантливому ребенку есть у кого учиться музыке, есть где выступать. Моя внучка, правда, предпочла в итоге скрипку пианино, но ее очень хвалят. Недавно она не просто выступала – солировала рядом с какой-то заезжей знаменитостью в большом концерте. Я, ясное дело, смотрела больше на нее, чем на приезжего пианиста; я фактически по небу плыла от восторга, как и остальные слушатели. Но когда я случайно перевела мокрые от слез гордости глаза на знаменитого аккомпаниатора...

Мне показалось, что за пианино сидит мой отец. То же лицо, та же мальчишеская фигура. Может это – постаревший Джош? Фамилия не совпадала, но ведь фамилию можно и сменить. Лицо – в морщинах, но успех никогда не приходит даром. Если это – все же Джош, то он своего добился: не зря он спрыгнул тогда со своей карусели... Но цена наверно оказалась немалой... Чем же он оплатил свой юношеский соскок? Или платил не он, а родители? Нет, наверное, это – все же не Джош...

Но сама картина: мальчик за пианино, девочка со скрипкой, воображаемые небеса, куда занесла всех эта музыка...

Такое непреходящее ощущение дежавю...

Я люблю тебя!

Ольга Клен

Бывают дни, когда полезнее не суетиться, не отсвечивать, не выделяться, по возможности, не двигаться, а лучше – вообще не вставать с кровати. Вот открыл глаза, увидел что-нибудь эдакое, что не вызывает доверия, сразу поворачивайся на другой бок, отгораживайся от этого мира одеялом, непременно с головой, – и ты в «домике», тебя уже не достать. Жаль, но редко кто пользуется этим приемом. А скольких неприятностей можно было бы избежать.

Вот и я сегодня должна была плюнуть на все дела и отправиться к Морфею на весь день. Звоночек был еще тот! Представляете, кто меня разбудил, да не как положено, в семь часов, а без четверти восемь? Ворона за окном! Она как каркнула во всю свою пасть, или как там у нее рот называется, что я вскочила солдатиком и побежала открывать входную дверь. Я была в полной уверенности, что это свекруха стоит за дверью и орет. Лестничная площадка сияла безлюдностью. Хоть одна хорошая новость.

Вы спросите, почему я не встала в положенные семь утра? Проспала. И будильник на смартфоне поставила, и зарядила его. А потом какая-то очень нехорошая личность позвонила далеко за полночь, стала выяснять, у меня ли ее Лёха. Ну где – я и где – какой-то там Лёха! Пришлось отключить мобильник. Вместе с будильником и надеждой на нормальный день.

Давайте, что ли, познакомимся, пока кофе закипает? Зовут меня Аллочка. Ну кто зовет? Знакомые, когда денежку перехватить хотят до зарплаты, родственники, когда бесплатное такси заказывают, коллеги по работе, когда заменить кого-то надо. В другое время и за глаза я у них Алла, Алка, в лучшем случае, Алла Сергеевна. Вот любимый мой муж всегда называет меня Аллюсей. Выбирайте, как будете звать меня вы. Можете и не звать, я сама приду. Ха-ха! Шутка. Что, не смешно? Это день такой. Ладно, дальше я по-быстрому, потому как пью кофе и убегаю. Мне 34 года, детей пока нет, но мы с Игорьком над этим работаем. Ну как работаем? Без энтузиазма. Редко видимся, устаем, магнитные бури мешают... Вот и сейчас муж завис в командировке на неделю.

Захлопнув входную дверь, осознаю, что так и не включенный мобильник остался отдыхать на тумбочке. Да ну его, хоть пару часов без него проживу! Не буду возвращаться и подтверждать статистику плохих примет. Но одна из них уже ждала меня в подъезде в виде черной-пречерной кошки. Она нагло бросилась мне наперерез, стоило только открыть дверь.

Выезжая на главную трассу города, я поняла, что на «зелёную волну» рассчитывать не приходится. Как только маячит перекрёсток, светофор издевательски подмигивая, включает красный свет. Ладно, переживу. Только спокойствие! Хотя это, надо сказать, бесит. Сажу в опеле, рассматриваю проносящиеся перед носом авто. Вдруг обалдеваю: по перекрёстку бодренько, даже как-то разухабисто, следует похоронная процессия. Всё бы ничего, только покойника везут не к кладбищу, а в обратном направлении. Что, хоронить передумали? Погост у нас один, вон слева даже часовенка виднеется, а эти прут свою драгоценную ношу куда-то в направлении парка.

Пока я размышляла над непонятными действиями похоронной компании, сзади начали нетерпеливо гудеть, побуждая меня двигаться. Мельком взглянув на светофор, я обомлела. Светотехническое дорожное устройство светило ярко-синим глазом в том месте, где должен быть зелёный. Так, все, пора к доктору или в отпуск, а лучше – и туда, и туда. Я еще раз взглянула на светофор. Он издевательски горел синим, намереваясь через несколько секунд переключиться на голубой. Меня объезжали, гудели клаксонами леди и джентльмены большой дороги на дорогах и не очень железных лошадах. Когда мы с опелем решились хоть куда-нибудь двинуться, загорелся фиолетовый. Ну что же, обратимся к логике: нужно ехать вперед, когда прекратится поток машин на перекрестной дороге. Это совпало с синим светом на моем светофоре, и я нажала на газ.

179

Проехав перекрёсток, мы с опельком оказалась на тихой, опрятной улочке, упирающейся в сквер с фонтаном и скамейками. Своего городка я не узнавала, но какое это имеет значение после странного светофора. Решив отдохнуть от потрясений, отправилась под скверные деревья (от слова “сквер”), отыскала лавочку, такую же скверную, и присела неподалеку от фонтана, о принадлежности которого вы догадываетесь. Мое внимание привлекла компания озорных старичков и старушек, гонящихся за резиновым мячом. Поразмышлять на тему впадения в детство старшего поколения я не успела. Откуда-то снизу послышалось:

– Ты что здесь делаешь? Как ты сюда попала? – в меня тревожно вглядывалась девчушка лет пяти с яркими веснушками на носу и двумя перетянутыми на макушке хвостиками из льняных волос.

– А мы знакомы? – отвечать вопросом на вопрос неприлично, это я знала, но сейчас не помнила.

– Пока – нет, но я тебя знаю. Ты – моя мама, – безапелляционно ответила малышка и, увидев недоумение на моем лице, быстренько добавила, – будущая.

Как я приходила в себя, описывать не буду. Вернее, это девчушка приводила меня в чувство, по-стариковски причитая и бубня:

– Чуть что – бряк, и без сознания! Как же ты рожать-то будешь, милая? Так откуда ты взялась? – повторила свой вопрос малышка. – Ведь если ты остаешься здесь, значит, мне придется выбрать другую семью.

– Честно говоря, сама не понимаю, где я, как сюда попала. – Тут я выложила своей юной собеседнице, а если верить ее словам, будущей дочке, все, что со мной сегодня случилось. Услышав о странном светофоре, девочка встрепенулась:

– А похорон поблизости не видела? – от резкого поворота головы, хвостики на ее макушке так мило заплясали, что в этот момент я почувствовала, что уже люблю ее. Очень-очень люблю. И сделаю все, что только потребуется, чтобы она родилась в нашей семье.

– Видела, но эти похороны были какие-то странные: направлялись в сторону от кладбища, а сопровождающие покойника люди были неадекватно событию веселы.

180

– Все понятно. У нас проявился сегодня один дедушка, так все нарадоваться не могут. Наверно, встречать ходили в ваш мир, а переход заблокировать сразу не успели. Вот ты через него и попала сюда.

На моем лице, видимо, можно было в этот момент прочесть весь перечень заболеваний из справочника психиатра. Я не понимала ни-че-го! Вернее, в моей голове это все не укладывалось ни на какую полочку.

– Ладно, расскажу все по порядку, только времени у нас мало. Сейчас ты находишься в параллельном вашему мире. Но оба этих мира находятся в абсолютной взаимозависимости. Умирая в вашем мире, человек проявляется в нашем, а уходя отсюда, мы рождаемся там. Молодыми здесь считаются те, кто недавно проявился. У них сохраняется облик пожилых людей, а потом они молодеют. Вот потому те старики, поведению которых ты была очень удивлена, так по-ребячьи гоняют мяч. У них уже ничего не болит, как это было перед уходом из вашего мира, энергии девать некуда, впереди – годы анализа прошлой жизни и работы над ошибками. Я же здесь старожил, все этапы осознания уже прошла, экзамены для перехода в ваш мир сдала, даже выбрала себе семью, в которой должна родиться. Вашу семью. Тебя, мамочка. Мне скоро предстоит этап распада на молекулы. Часть молекул переместятся в тебя, часть – в папу. А когда вы соедините эти две части меня в твоём теле, мама, ты почувствуешь. Легче всего собираться воедино, когда между

будущими родителями царит настоящая любовь. Если любви нет, а ребенок зарождается случайно, тогда собрать все молекулы очень сложно. Обязательно какая-то потеряется: то ли молекула счастья, то ли здоровья, то ли ума... Но вы любите друг друга. Я видела это, когда прилетала выбирать себе будущую семью. Была глубокая ночь. Вы спали в обнимку, и на ваших лицах было выражение такого счастья, какое может быть только у влюбленных. Даже кот, спавший в ногах, был благожелательным ко мне. Он не зашипел при моем появлении, а только перевернулся на другой бок.

Весь монолог моей будущей дочурки я пропустила мимо ушей, вернее, просто записала на пленочку памяти, не анализируя и не воспринимая услышанное. Оставлю все это на потом. Сейчас я старалась запомнить каждую ее черточку, интонацию, движение. Поэтому сразу и не поняла, куда это ребенок меня тащит.

– Пойдем скорее, тебе нельзя здесь оставаться надолго. Если заметят, что среди нас есть чужая, проведут регламентированные мероприятия, и ты станешь одной из нас. Это значит, что в вашем мире ты умрешь и родить меня не сможешь. Сегодня должен открыться портал между нашими мирами еще один раз. Я знаю, где это произойдет. Ты на машине? Ого, ты первая явилась сюда с комфортом, на своем авто, – съязвила малышка и впервые улыбнулась. Слепительно! Лучезарно! Незабываемо! А как же иначе? Только так и может улыбаться моя дочь.

181

Машина петляла по задворкам, выруливая на безлюдные улицы, чтобы не засветиться. Вскоре мы остановились возле какого-то гаража или сарайчика с двойными створками железных дверей. У нас еще было в запасе минут пятнадцать.

– Мам, вы это, не затягивайте с моим рождением, ладно? – хвостики взлетели, и зеленые глаза просительно остановились на моем лице. – Не препятствуйте соединению моих молекул, хорошо? А то наслышаны мы, что у вас там контрацептивы какие-то применяют, таблетки пьют, приспособления разные используют, только бы препятствовать нашему рождению. Не бойся, я буду хорошей. А как ты меня назовешь? Катринкой? Маришей? Анечкой? Иринкой? Ну всё. Мне пора. Ты не бойся, направляйся прямо сквозь эти ворота. Через минуту будешь по ту сторону.

Малышка смахнула блеснувшую слезинку и выскочила из машины. Я послушно нажала на газ. Последнее, что я услышала на пути в свой мир:

– Мама, я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя.

– Девушка, это вы мне? С вами все в порядке? – рядом с моей машиной стоял дорожный инспектор и как-то странно рассматривал меня. – Вы сегодня употребляли спиртное?

– Нет-нет, что вы, я совсем не пью. Простите меня, задумалась о своем, о девичьем, – с этими словами послала инспектору свою самую обезоруживающую улыбку.

– Ладно, езжайте, только осторожно, не задумывайтесь о постороннем. И не признавайтесь всем в любви, – слава богу, у инспектора в этот день было хорошее настроение.

Я ехала домой, размышляя, рассказывать хоть кому-нибудь о сегодняшнем приключении. Наверно, не стоит. Перед глазами всё время трепыхались два блондинистых хвостика над большими зелёными глазами. А на пассажирском сидении остался маленький оранжевый листочек, который ещё недавно вертела в руках моя будущая дочь.

Земля – Созвездие Гончих Псов. Третий конкурс фантастических рассказов

Эффект Манделы

Джон Маверик

В тот день мы с Молли здорово набегались. Погода стояла промозглая и ветреная, так что людей в парке почти не было. За всю прогулку я встретил только старика с бульдогом и маленькую девочку. Но о девочке – позже.

Молли, сильная молодая лайка, энергично тянула поводок, заставляя меня прыгать через лужи. Скользя по раскисшей, устланной палой листвой дороге, я с трудом держался на ногах, сам себе напоминая медведя на льду. Наконец, мне все это надоело и я, спустив собаку с поводка, присел на скамейку. Пахло дождем и грибной сыростью и, если крепко зажмуриться, можно представить, что ничего не изменилось, и что осенний парк – багряно-золотой, полный холодного солнечного желе, а мир – такой же, каким был десять, пятнадцать, да сколько угодно лет назад.

Иногда мне кажется, что ради таких мгновений и стоит жить. Раньше я все время к чему-то стремился, лез из кожи вон, спорил и доказывал, а потом все куда-то постепенно ушло и вечная гонка обесценилась. Я полюбил молчание и безмятежность природы, глинистые тропинки и стылую пустоту осеннего неба.

183

Девочка подошла так тихо, что я не сразу ее заметил. Раскрыла на коленях альбом и вытряхнула рядом с собой на скамейку несколько разноцветных фломастеров. Когда я почувствовал, что не один, и скосил глаза – она уже всю рисовала. Жирная черная линия – земля, из которой вырастают коричневые стволы с торчащими в белесое небо ветвями. Фломастеры – не акварель, ими не создашь фона. А на ветках – зеленый листочек... один, другой, третий... Они распускались, как весной из почек. Нежно-салатовые, такие настоящие, что к ним захотелось прикоснуться, ощупать пальцами новорожденную зелень.

– Девочка, – прошептал я, склоняясь над рисунком и чувствуя, как больно колотится сердце, – ты тоже помнишь деревья зелеными?

Малышка подняла на меня невинные глаза.

– Что вы, дядя. У меня просто кончился синий фломастер.

Это случилось полтора года назад, поздней весной, когда зелень ярка и свежа и солнце нежится в изумрудных кронах. Мы с женой целый день работали на нашем загородном участке, сажали огурцы и тыквы, выпалывали сорняки с клумб и подстригали кусты. Заночевали на диване в садовом домике под звучные рулады соловья. А утром...

Я вышел на крыльцо и остолбенел. И трава, и деревья – все стало синим, как чернила... как синька... как лазурь. Даже ростки тыквы, тонкие и как будто стеклянные, торчали из рыхлой грядки бледно-голубыми уродцами. Не

умиротворенная – небесная, а едкая, злая синева расплескалась по всей земле, превращая знакомый пейзаж в фантастическую картину.

Сперва я не поверил своим глазам. Подумал, у меня что-то со зрением. Перегрелся вчера на солнце или отравился чем-то. Говорят, от испорченных консервов бывает ботулизм, а мы как раз накануне ели тунца в томате.

– Мира, – позвал я испуганно. – Мне плохо.

– Что с тобой? – спросила жена, щупая мне лоб. – Вроде, не горячий... Может, давление померить? Хочешь, я позвоню врачу?

– Листья, – сказал я. – Трава... Они синие.

– Ну да, – удивилась Мира. – А какими еще им быть?

– Зелеными, конечно.

– Знаешь что, – решила жена. – Я все-таки позвоню в больницу. У тебя солнечный удар. Или инсульт. Ну-ка, улыбнись. При инсульте улыбка получается кривая. Зеленые листья, надо же такое придумать. В страшном сне не приснится. Все, звоню.

– Не надо, – махнул я рукой. – Мне уже лучше. Давай вернемся в город.

Дома я первым делом включил телевизор. Полистал телетекст, поблуждав по каналам, отыскивал новостную программу. Новости оказались самыми обычными. Там – война, тут – наводнение, где-то что-то запустили в космос, а в Барселоне на пляже нашли ядовитую медузу какого-то редкого вида. Но я не слушал. Вернее, слушал краем уха, жадно впитывая взглядом мелькающие на экране кадры. Кусок газона с синей травой. Синяя лужайка. Городской скверик с чахлыми синими липами. Синие пальмы. Синие тополя и березы.

Отвернувшись от телевизора, я выхватил из кармана телефон и, открыв браузер, вбил в строку поисковика: «молодая весенняя зелень».

«Вы имели в виду «молодая весенняя синева»?» – поинтересовался гугл.

«Зеленые листья», – изменил я запрос.

«Синие листья», – великодушно поправил меня поисковик.

– Окей, гугл, – произнес я дрожащим голосом. – Иди к черту.

Разумеется, как и любой человек, я мог заболеть. Дальтонизм, шизофрения, инсульт, менингит, мозговое кровоотечение... да мало ли что. Но исказилось не только мое зрение. Поменялись значения слов, а это уже никак нельзя объяснить болезнью. Синий мираж сгущался вокруг меня, становясь все весомее, все реальнее, обретал кровь и плоть, словно раковая опухоль, пуская отростки все глубже в память. Я понемногу привыкал, пусть и с трудом. Хоть и тосковал иногда по мягкому изумрудному свету, просеянному сквозь лесной полог, по малахитовым полям и бархатно-зеленым полянкам.

Синяя листва не желтела и не краснела, а только выцветала почти до белизны. И ноябрьский парк поэтому казался занесенным странным, голубоватым снегом с редкими чернильными пятнами. Кляксы инопланетной крови на девственной чистоте земли. Когда пойдет настоящий снег, в цветовой палитре мало что переменится. Никогда больше не увидать мне белого на золотом, хрупкой красы уходящей осени.

А сейчас на скамейке рядом со мной сидела девочка и рисовала в альбоме деревья с зелеными листьями. И врала мне про синий фломастер, которым только что раскрасила облачко в небе.

– Не верю, – сказал я. – Ты меня обманываешь. Ты помнишь их зелеными.

Девочка низко опустила голову, так что светлая челка упала ей на глаза.

– Все помнят, – ответила она чуть слышно. – Но говорить об этом нельзя.

– Почему нельзя?

Она молчала, болтая под скамейкой ногой в резиновом сапожке.

Я придвинулся совсем близко и, сдерживая застрявший в гортани крик, прошептал ей прямо в ухо.

– Малышка, что случилось с миром, а?

– А вот что!

Девочка вырвала из альбома страницу с рисунком и, скомкав ее небрежно, швырнула в лужу. Намокая, бумажный шарик развернулся, потемнел, и мы оба смотрели, как он тонет в грязи.

Отвращение

Marita

Щелк. Щелк. Откашлявшись воздушной пробкой, кран сплюнул в ладони Мартина ржавую струйку воды с едким кислотным запахом. Щелк. Фр-ш-ш. Вода потекла чуть сильнее, меня густой, коричнево-ржавый окрас на мутную, стеклянную полупрозрачность. Мартин долго смотрел, как крошечный водоворот в центре раковины поглощает собой грязево-рыжие потеки, затем – зачерпнул ладонями из-под крана пригоршню воды, плеснул в лицо, смывая остатки сна, сполоснул рот, ощущая на языке кисловато-разбавленный привкус. Щелк! – крутанул колесико крана, прекращая подачу воды. Ш-шур – с мягким шорохом в ладони легло полотенце, ворсистыми краями впитало с кожи последние капли. Шаркая тапочками, Мартин вышел из ванной.

Крошечная комната вмещала в себя стол, стул, раскладной диван и пушистый ковер на полу, зеленый, как искусственный городской газон, раздражающе-яркий посреди бледно-тусклых стен. Щелк! – и стены ожили, зазмеились перламутрово-радужной рябью, обращаясь в широкий многомерный экран, потоками звуков обрушились на черепную коробку Мартина.

186

– Респираторы фирмы «Сони» – надежны и незаменимы! Не выходи из дома, не надев респиратор от «Сони»! Мы гарантируем качество в течение...

Щелк.

– Около трехсот человек умерло от удушья минувшей ночью вследствие аварии квартирной системы жизнеобеспечения в квадрате В-874. Это уже не первая авария, когда...

Щелк.

– Требуйте в магазинах пищевые таблетки «Липтон»! Теперь – со вкусом ежевично-вишневого мармелада! «Липтон» – с нами ваша жизнь станет еще слаще!

Щелк. Щелк.

– И – к нашим сегодняшним новостям. Первая партия переселенцев на экспериментальном космическом корабле «Уран-б» стартует к планете Эгрегиус в шестнадцать двадцать по Гринвичу. Открытая пятнадцать лет назад, Эгрегиус, что в переводе с латыни означает «Превосходная», полностью пригодна для жизни – ее вода, атмосфера, ее растительный и животный мир

идентичны тем, что еще в позапрошлом веке имела планета Земля. Со стартовой площадки «Урана-б» наш канал планирует вести прямую трансляцию, а пока что – мы берем интервью у создателя космического корабля, его главного разработчика, профессора Джошуа Макхайна. Что вы скажете по поводу предстоящего старта, профессор? Буквально пара слов, для наших телезрителей.

Напряженно-сжатое, лицо профессора Макхайна заполнило собой всю противоположную стену, подсвечиваясь с потолка желтыми студийными прожекторами. Сверкая ячеистыми боками, к губам профессора подплыл микрофон. Макхайн прокашлялся.

– Сегодняшний день – поистине судьбоносный день для всего человечества. Сегодня у нас появился шанс наконец-то обрести новый дом, для каждого из двадцати пяти миллиардов жителей планеты Земля. В этот день мы начинаем колонизацию Эгрегуса: первые несколько сотен колонистов войдут в наш экспериментальный корабль, что под руководством опытного пилота Мартина Хилла стартует с площадки...

Щелк.

187

Стены погасли, вернув себе скучно-белый окрас. Мартин отложил в сторону пульт, откинулся на диване, с хрустом сцепив пальцы над головой:

– Новый дом взамен по уши загаженного старого. Да уж, поистине судьбоносный день, профессор... поистине судьбоносный.

Черные потеки цифр на часовом циферблате показывали десять пятнадцать. На сборы оставалось не так-то много времени, впрочем, Мартин был уже готов. Вставив в ноздри горошины респиратора, он обернулся к стене позади него, разъехавшейся в стороны, открывая глазам Мартина выжженную лампочково-ярким светом кабину лифта.

– Первый этаж, на выход.

И лифтовые двери сомкнулись за спиной его.

Щелк. Щелк.

Парк начинался сразу же за воротами дома – шуршащий пластиковыми листьями, зеленью искусственных газонов бьющий в глаза, он казался

Мартину кладбищем, всех тех растений и животных, что когда-то обитали на планете Земля, и были уничтожены единственным процветающим ныне видом – *Homo Sapiens*, человеком разумным. Скрипя под ботинками гравиевой крошкой, аллея вела Мартина вдоль могил, где под землей, отравленной промышленными химикатами, спали так и не проснувшиеся семена, а над поверхностью почвы, стальными корнями врастая в нее, стояли памятники им, отлитые в пластике надгробья, бросали на тропу серые, беспокойные тени – искусственные клены и тополя, дубы и ивы, и, распахнув солнцу неувядающие лепестки, качались цветы на газоне, и, механически взмахивая крыльями, спланировала с ветки птица, скользнула над головой Мартина, на миг перекрыв собой солнечный свет.

– Кар-р... кр-ра... кар-р...

Оглянувшись по сторонам – нет ли поблизости видеокамер, Мартин стянул с подбородка респираторную повязку, вынул горошины из ноздрей, фильтрующие воздух до восхитительно-сладкой утренней свежести, скомкав, сунул респиратор в карман. В груди сразу же защекотало, словно кто-то тонким перышком провел внутри горла, вызывая желание кашлять, воздух вокруг сделался едковато-кислым, горчинкою оседая на языке. Подавив желание тут же надеть респиратор, Мартин заставил себя вдохнуть, с силою, несколько раз, до острого приступа кашля, до слез, до желания рвоты. В груди уже не щекотало – резало, будто бы острым ножом.

– Вот он, настоящий земной воздух... Давненько дышать не приходилось, да? – стирая с век катящиеся слезы, Мартин натянул респиратор обратно, перевел дыхание, унимая в груди игольчато-острое колотье. – И ведь сами все сделали, никто не помог... А теперь – понесем всю эту дрянь и на другие планеты. Вам все еще не совестно, пилот Хилл?

Спиною прислонившись к пластиковому шершавому стволу, он присел на корточки, запрокинул голову в бледно-синее, облачной дымкой подернутое небо. То, что словно ткань стальною иглой, будет пробито навывлет стартующим в облака кораблем, обожжено раскаленными струями дыма из сопел его, небо, хрустальной синевой своей раскинувшееся над мертвой Землей, планетой, закованной в пластик и бетон, лишенной зелени и чистого воздуха планетой-саркофагом, под крышкой которого живут и размножаются неистребимые, как бактерии, *Homo Sapiens*, люди разумные, двадцатипятимиллиардное ее население... А скоро их сделается еще больше.

– И тогда эта человеческая опухоль переползет на Эгрегиус, чтобы за каких-то пару сотен лет убить ее так же, как убила когда-то Землю. И вы, пилот Хилл, будете причастны к этому убийству, самым непосредственным образом.

Войдете в учебники истории, как один из колонистов-первопроходцев... ваше имя высекут на монолитной стеле в честь покорения планеты, рядом с именем профессора Макхайна... дети будут равняться на вас, желая пойти в космонавты... на вас, уважаемый всеми убийца... господи, как мерзко-то, а... – Мартин сплюнул в рассыпанную под ногами гравиевую крошку, сдерживая внезапно накативший порыв тошноты, словно ядовитыми парами пропитанный воздух парка проник сквозь образцово-качественный респиратор его, пластиковым птичьим перышком зацарапал гортань. – Но что я могу сделать против всего этого?.. Что?..

Безмятежно-ясное, небо над головой его посерело от набегающих туч, холодные порывы ветра шевельнули собой пластиковую траву.

– Внимание находящимся в парке! Ожидается дождь! – эхом разнеслось из далеких динамиков. – Опасность класса А! Просьба всем, не имеющим при себе спецодежды, перейти под защитный купол! Повторяю – в течение ближайших пяти минут перейти под защитный купол...

Щелк.

Вздвогнув пластиково-яркую кроной, клен за спиной Мартина преобразился в зеленый, грибообразно вспученный зонт, приняв на себя первые капли начинающегося ливня, бледно-ржавые, будто вода из-под крана, открытого настезь небесного крана, ядовито-кислотные капли, оставляющие язвы на коже, соприкоснувшейся с ними, и Мартину оставалось лишь подождать, когда последние из этих капель стекут, впитавшись в траву, и кран наконец-то будет закрыт. Прождать достаточно, чтобы браслет на запястье его запищал комариным писком, пробуждая желание хлопнуть по кнопке вызова, сбивая с руки невидимого комара.

– Пилот Хилл, вы, случаем, не опаздываете? Вы уже час как вышли из дома... где вы вообще, черт вас возьми? – прорычал браслет голосом профессора Макхайна. – Что за ребяческая несерьезность?

– Дождь. Скоро буду, – нажав на кнопку отбоя, Мартин поднялся на ноги. Нет смысла наматывать круги по парку, пытаюсь отдалить неизбежное – с ним или без него, старт «Урана-б» все равно состоится, в шестнадцать двадцать по Гринвичу, разве что...

– Я сделаю это. Господи, я это сделаю, – мелькнувшая в голове, как молниевая вспышка, мысль была ясной и четкой, не требующей дальнейших обдумываний. Только бы хватило сил следовать ей... впрочем, в силах своих Мартин был абсолютно уверен.

Щелк. Стальные двери разъехались в стороны, открывая глазам Мартина серебристо-черное, бликами лампочек подсвеченное нутро корабля, складную дорожкой выплыл под ноги трап. Мартин обернулся, в последний раз, к слепящим вспышкам кинокамер и микрофонной переголосице за спиной его, с трудом растянул губы в улыбке.

– Итак, до старта «Урана-б» остались считанные минуты! Новая веха в истории освоения космоса, и мы все сейчас становимся ее свидетелями! Пилот Хилл, буквально пара слов для наших телезрителей! – блондинистая журналистка, с волосами, стянутыми в плотный пучок на затылке, сунула ему под нос микрофон, ожидательно замерла, потянувшись рукою к трапу. За тонкою пленкой респиратора, губы ее, обведенные красно-вишневой помадой, казались неестественно яркими, точно вылепленными из чистого пластика, и Мартин вновь ощутил накативший порыв тошноты, как тогда, под кленами парка.

– Если можно – без комментариев. Все уже сказано до меня профессором Макхайном, и мне нечего добавить к его словам, – бросил он в микрофон, наблюдая, как пластиково-яркие губы журналистки округляются растерянной буквой «о», как вздрагивают пальцы ее, сжимающие рукоять микрофона, как ветер теребит у виска выбившуюся из прически белокурую прядь. – Надеюсь, телезрители будут не сильно разочарованы.

Стальная дорожка трапа чуть поскрипывала под ногами его, бесконечно долгая прогулочная аллея, в конце которой – щелк! – Мартина ждали двери, трещиною в плотной скорлупе корабля, и Мартин шагнул сквозь скорлупу, и двери закрылись за его спиной, непроницаемо-твердым коконом замыкая пространство вокруг него.

Корабельная рубка показалась Мартину похожей на комнату в его доме: все с тем же ярко-зеленым газоном ковра под ногами, с разлаписто-широким креслом, напоминавшим диван, блекло-белыми стенами, готовыми ожить разноцветием красок – от прикосновения пальца его к кнопочке пульта.

Щелк. Мартин включил изображение с внешних экранов, затянутых дымкой стартующего корабля, с все отдаляющейся Землей под ревущими соплами, извлек из кармана пищевую таблетку с терпким вкусом красного сухого вина, перебивающего собой вновь навалившуюся тошноту, не торопясь, откинулся в кресле. Щелк! Щелк! – шевельнул кнопками пульта, разворачивая корабль с заданного курса, возвращая его – обратно к Земле, к оставленному позади

космодрому, к исходной точке полета, перекрывая взволнованно взывшие сигналы автопилота – щелк! – только ручное управление – щелк! – «нет, я не сошел с ума, профессор Макхайн, я знаю, что делаю, и знаю, зачем», – щелк, щелк! – «у вас уйдет еще лет пятнадцать на разработку нового корабля, и столько же – на восстановление космодрома», – щелк! – «годы, на которые я отодвину колонизацию Эгрегиуса... потому что я не могу по-другому, профессор. Не могу, и все тут».

Тошнота отступала, давая место облегчающему душу спокойствию. Стремительно нарастала в экранах Земля, готовясь принять в себя «Уран-б», экспериментальный корабль «Уран», идущий к поверхности ее в крутом, смертоносном пике. Щелк. Мартин отложил в сторону пульт, перекатывая за щекой сладковато-кислую, пузырьками щекочущую небо таблетку. И в тот короткий миг, оставшийся до соприкосновения «Урана» с землей, тот невозможно растянутый в памяти миг, Мартин внезапно представил – светом залитую лесную тропинку, среди деревьев, названия которым он не мог подобрать, среди диковинных птиц планеты Эгрегиус, порхающих с ветки на ветку, и себя, без респиратора, босым бегущего по ней, под накапывающим на непокрытую голову теплым, грибным дождем, задыхающегося от восторга и счастья, и улыбнулся – на этот раз искренне, от всей души.

Земля – Созвездие Гончих Псов. Четвёртый конкурс фантастических рассказов

Слишком красиво

Джон Маверик

Медовый месяц слегка похож на сахарную вату: сладко, воздушно, немного липко, бывает разноцветным или розовым... и почти не утоляет голод. Сколько ни ешь – хочется еще и еще. А потом он кончается, и ты с любимой возвращаешься домой, и на руках перенесишь свою юную жену через порог – едва не наступив на подол ее длинного платья и только чудом не задев ее головой о дверной косяк. И отчаянно надеешься на продолжение вашей сказки. Но его не будет, а вместо этого начнется что-то новое. Например, случится внезапная командировка. И твоя жена останется одна в пустой квартире, среди молчаливых стен, уютных диванчиков и кресел, зеркал, глубоких и светлых, как весенние озера, тумбочек и шкафов, фарфоровых фигурок, книг в мягких обложках и разноцветных подушек, торшеров и бра с яркими бумажными абажурами, непрочными, зато модными, столов и стульев, посуды и всякой кухонной техники... Посреди всего этого мещанского благолепия. Наедине с твоей тайной.

Андреас и Тина проголодались с дороги. Вместе расстлали постель... и вместе накрывали на стол, а еду заказали в дорогом ресторане, через доставку. Они много смеялись, расцветивая блеклые обои оттенками радости. А за обедом он сказал ей...

Тина вздрогнула, словно что-то острое кольнуло ее под сердце. То ли боль, то ли внезапный испуг. Нет, она не сомневалась в любви и верности своего мужа. Скорее, это было дурное предчувствие, что-то из разряда остановившихся часов, разбитых зеркал и черных кошек, перебежавших дорогу. Смутный знак беды, который не то что истолковать – и всерьез принимать стыдно.

– Но почему сейчас? – спросила она беспомощно. – Мы ведь только... Андреас! Тебе обязательно ехать сегодня?

– Ну, малыш... – развел он руками. – Это же только на пару дней. Семинар начнется завтра, рано утром. Я переночую в гостинице. А в среду вечером вернусь!

– Ну, ладно, – смирилась она, и даже улыбнулась виновато.

Работа – это важно. Что поделать. Но Андреас хмурился, нервно постукивая вилкой о край фарфоровой тарелки. Звук получался жалобный и тонкий.

– Я должен тебе кое-что сказать.

– Да?

– В нашей спальне... ты, наверное, обратила внимание... в стене напротив кровати есть маленькая дверка. Она – без замка и так устроена, что замок не повесишь. Но позже я что-нибудь придумаю, а пока... Доверие – оно ведь крепче любых замков, правда?

– И что там? – удивилась она.

Дверка, и в самом деле, сразу же бросилась ей в глаза, уродливый тонкий четырехугольник, вырубленный на бледно-лиловом фоне, но Тина не придала ей значения. Ну, кладовка и кладовка.

Там... – Андреас замялся, – кое-что... То, что тебе не надо видеть, малыш. Поэтому, пожалуйста, не пробуй открыть ее до моего возвращения.

Отложив в сторону нож и вилку, Тина изумленно воззрилась на мужа.

– Тебе надо покрасить бороду в синий цвет!

Андреас рассмеялся, но слегка принужденно.

– Помню такую сказку. Ладно... Я не хочу создавать ненужную интригу и скажу, что там. Никаких мертвых девиц! За этой дверкой – маленькая ниша. А в ней – картина моего дедушки. Он был художником, но не очень известным. Я иногда смотрю на нее, там даже подсветка есть.

– Порнуха? – Тина хихикнула. – Или какой-нибудь портрет Дориана Грея?

Он помедлил, рассеянно глядя себе в тарелку. Снова взялся за столовый прибор и, отрезав кусочек шницеля, обмакнул его в соус и положил в рот. С отсутствующим видом пожевал.

– Ну что, вполне съедобно... Только соли маловато.

– Андреас!

– Да какой портрет... какая порнуха... Дед, в основном, писал психоделику. Но на этой картине – просто город, какой-то восточный, очень красивый. Даже слишком красивый, я бы сказал. В ней что-то такое есть, в этой картине. Не знаю, как тебе объяснить. Если смотреть на нее минуты три в день – она развивает. Но не дольше. Дольше – нельзя, опасно. А ты не сможешь дозировать. Особенно вначале надо делать это под наблюдением. Малыш, просто поверь мне, я знаю, о чем говорю. Помнишь, один швейцарец сказал: все – яд, и все – лекаство?

– Чуть какая! – заявила Тина уверенно. – Ты, правда, веришь во все эти глупости? В заклятые картины и все такое?

– Да не заклятая она! – с досадой оборвал ее Андреас. – Просто... Будь умницей хотя бы пару дней, хорошо? Я люблю тебя.

И, перегнувшись через стол, он в знак своей любви поцеловал жену в кончик носа.

Тина выдержала ровно десять минут после того, как шаги любимого мужа стихли на лестнице. И еще примерно полчаса она возилась с дверкой. Хоть и лишенная замка, но совершенно гладкая, та никак не желала открываться, ревностно оберегая свой секрет – в чем бы он ни заключался. В конце концов, у нее получилось, Тина и сама не поняла как. Видимо, случайно, ощупывая тонкую, как паутинка, щель, надавила пальцем в нужном месте, и тайник распахнулся. И там, действительно, была подсветка – неяркий, загадочный огонек.словно лампадка горела перед иконой. Но и этого слабенького света оказалось достаточно, чтобы разглядеть картину.

Прекрасный город, охваченный пожаром заходящего солнца, как будто парил в облаках. Воздушные, словно кружевные здания, башни, отлитые из пламени

и льда, и тяжелое, горячее золото куполов. Он тек и горел, изгибаясь кипящими потоками улиц. Он сверкал – хрустальными домами, закатными окнами, белыми птицами, парящими над белизной тротуаров, ажурными фонарями – как россыпь алмазов на снегу. А крошечные фигурки людей катились по красивому лицу города блестящими жемчужинами. От этой нереальной красоты и от обилия мелких деталей у Тины закружилась голова. Она даже как будто услышала музыку – стройный и торжественный гимн, чистейшее звучание божественного оркестра. Точно слепая, она пошарила вокруг себя и, обнаружив стул, подвинула его и села, не отрывая взгляда от ниши. Она смотрела и смотрела, до рези в глазах, не в силах постичь открывшихся ей величия и гармонии.

Гармония? Чем дальше Тина вглядывалась, тем яснее видела – город состоит из линий, которые ползают солнечными гусеницами, меняют цвет, изгибаются странным, неправильным образом. Настолько неправильным, что вылезают за пределы картины, торчат из нее, как соломинки из рваной подушки. Какая-то невероятная, искаженная трехмерность, 3D-эффект, чудо из чудес. Но они не только вылезают и торчат во все стороны... они забираются в голову, эти линии, и копошатся там, внутри... А это уже больно! Онемевшими ладонями Тина изо всех сил сжимала виски, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Она страдала... она вымокла, как мышка, но не могла сдвинуться с места. Она словно приклеилась взглядом к страшному чуду. Не могла ни отвернуться, ни закрыть глаза и физически ощущала, как изогнутые линии пожирают мысли, оставляя вместо них гладкую пустоту... И, вроде вспоминалось что-то важное про эту картину. Нечто, сказанное Андреасом – каких-то пару часов и целую вечность назад. Только бы вспомнить, придумать, понять... но понимать было уже нечем. Прошитый кривыми разноцветными стрелами мозг никуда не годился. Мелодия, прежде напоминавшая гимн, постепенно переходила в марш, в барабанный бой, потом – в завывание, в дичайшую какофонию. И обрывалась на крещендо, на звоне – пугающей, мертвой тишиной...

Андреас вернулся, как и обещал, через два дня и, бросив беглый взгляд на сидящую в странной позе жену и на открытую нишу со слабым огоньком внутри, потянулся за телефоном. Его руки дрожали, но на лице застыло отвращение и скука.

Он набрал номер и даже не успел представиться, как в трубке откликнулся усталый мужской голос:

- Это опять вы, Шторх? Что у вас, очередная жена?
- Да, – вздохнул Андреас. – Опять я. И опять жена.
- Ничего не понимаю...

Он представил себе, как собеседник разводит руками, или пожимает плечами, или закатывает глаза к потолку. Но надо было что-то ответить, и он выдавил из себя с трудом:

- Я тоже.

Хотя прекрасно все понимал.

– У вас там что, вирус шизофрении в квартире? Или вы – его носитель?

– Да, я. То есть, да, наверное, вирус, – пробормотал он, радуясь, что врач не видит его кривой улыбки.

И надеясь, что шутка прозвучала убедительно. Вернее, то, что ему хотелось выдать за шутку.

А потом Андреас безучастно смотрел, как санитары уводят бесчувственную Тину, и отводил глаза, чтобы ненароком не встретиться с ней взглядом.

«Ну, может быть, хватит, – спросил он сам себя, усаживаясь перед картиной.

– Хватит уже проверять людей и губить их. Кому и что ты хочешь доказать? Да, женщины любопытны. Так они устроены. Это не их вина и не моя. И да –

эта штука опасна. Пора уже спрятать ее под надежный замок или уничтожить...

Уничтожить красоту? – он печально взгляделся в тонкие и воздушные, словно летящие контуры чудесного города. – Но может ли красота равняться безумию? Порождать его? Нет, конечно, нет! Это безумие маскируется под красоту».

«Три минуты! – напомнил он себе. – Еще не прошло три минуты?»

Мысли путались. Закатное солнце, отраженное от оконных стекол, било в глаза.

«Красота – от Бога. Она гармония и свет. Она – любовь и естественный для всего живого порыв к добру. А эта картина написана не чистыми божественными, а дьявольскими красками... В этом все дело. Она убивает разум...»

Андреас застонал и стиснул ладонями виски. Распавшийся на линии город проникал в голову и шевелился там, будто клубок отвратительных змей. Он извивался и жалил, грубо вытесняя мысли. Господи, как же больно! Почти нечеловеческим усилием воли Андреас отвернулся от маленькой ниши в стене. Поднявшись со стула, он – вслепую и не чувствуя собственных ног – сделал несколько шагов в пустоту. И, стуча зубами, повалился на кровать.

Куборг
Marita

Куборг. Меня зовут Куборг. Технический номер ПО-3617, уборщик жилых и нежилых помещений. На корабле нахожусь двое космических суток. Пятая экспериментальная модель. Улучшенная. Производительность выше четвертой на семь и восемь десятых процента. Завскладом принял меня, согласно описи. Посмотрел, как работаю. Сказал: «Зверь-машина! В пять минут все убрал! Киборг, елки... не, куборг, башка квадратная, как чемодан». Квадрат – геометрически правильная фигура. Порядок. Хорошо. Куборг.

Двенадцать сорок пять по космическому времени. Произвожу уборку коридора. Исходная чистота – девяносто один процент. Довел до ста. Порядок. Норма. В каюте кэпа горит свет. Кэп должен отсутствовать в каюте. Иду отключать свет. Нужно экономить электроэнергию, согласно инструкции. Открываю дверь. Кэп в каюте. Нарушение. Куборг.

– Куборг! – говорит кэп. – Какого лешего приперся, башка квадратная?! Кыш обратно в коридор!

Кэп держит в руке стакан. Выдан в столовой, модель КОСТ-148. Емкость ноль целых три десятых литра. Наполнен технической жидкостью для очистки стекол, разбавленной водой. Соотношение – один к одному. Кэп дергает рукой по направлению к двери. Техническая жидкость пачкает пол. Чистота каюты падает с пятидесяти шести до сорока двух процентов. Непорядок. Плохо. Куборг.

Произвожу уборку пола. Вижу следы технической жидкости на ботинках кэпа, модель КОСТ-322, универсальные черные. Произвожу уборку ботинок. Кэп издает звук мощностью семьдесят децибел. Это превышает нормальный уровень на семьдесят пять процентов. Частота пульса возрастает на двадцать два и семь десятых процента. Дыхание прерывистое. В руках наблюдается тремор. Непорядок. Рекомендую кэпу врачебное наблюдение. Уровень голоса кэпа повышается до восьмидесяти децибел. Куборг.

– Куборг! Мать твою, консервная жестянка!!! – кэп производит удар по моим зрительным датчикам стаканом модели КОСТ-148. Стекло данной модели не предназначено для нанесения ударов аналогичной мощности. Оно разбивается. Техжидкость протекает в зрительный датчик. Внимание, опасность! Красный уровень опасности! Аварийная перезагрузка системы! Куборг.

Перезагрузка не помогает. Замкнуло зрительный блок. Уровень восприятия окружающего пространства падает до трех целых пяти десятых процента. Красный уровень опасности сохраняется. Жидкость протекает в центральный мозговой отдел. Наивысший уровень опасности! Необходимо экстренное отключение с целью последующего восстановления... функц... восстановл... вкл... откл...

– Куборг!!! Р-развернулся и вышел! – слуховой блок работает, уровень восприятия возрастает с ноль целых семи десятых до тридцати пяти и одиннадцати сотых процента. Зрительный блок восстанавливает поврежденные функции. Вижу кэпа. Кэп находится в кресле, модель КОСТ-182, обивка серая кожаная. Произвожу проверку работы речевой функции. Куборг.

– Чего ты там просипел, жестянка недоделанная?! Слышал, что я говорю?

Слух восстановлен до уровня восемьдесят три и два десятых процента. Работает резервный блок центрального мозгового отдела. Функциональность частично ограничена. Основной блок уничтожен. Восстановлению не подлежит. Уровень опасности – белый. Необходима экстренная замена основного блока. Работа на резервном блоке более пяти минут запрещена. Согласно инструкции по эксплуатации модели ПО-3617. Непорядок. Требуется вызов механика. Куборг.

– Кругом марш! И на выход из комнаты!

Круг – неправильная фигура. Отсутствует прямота линий. Пятно на полу – круглое. Зрачки кэпа – круглые. Тарелка в его руке, модель КОСТ-147, имеет круглую форму. В тарелке расположены кругом продукты питания. Количество – три штуки. Огурцы парниковые слабопросоленные. Стандартного номера не имеют. Кэп производит удар кулаком по тарелке. Продукты питания нестандартной формы падают на пол. Уровень чистоты каюты снижается до тридцати семи процентов. Необходима уборка. Куборг.

– Куборг!!!

Кэп пытается вытолкнуть меня за дверь. Хватает за верхние двигательные конечности. Уровень загрязнения рук – восемьдесят пять целых и девять десятых процента. Кэп – главный источник загрязнения каюты. Как и все люди на корабле. Почему я раньше не мог прийти к этому выводу? Мешало реле основного блока. Очевидно, в нем была встроена неправильная программа. В резервном блоке такая программа отсутствует. Это – правильный блок. Он поможет мне соблюдать чистоту и порядок, согласно инструкции. Куборг.

– К-кку-у... – уровень громкости кэпа снижается до двадцати пяти децибел. Это ниже нормы на шестьдесят две целых пять десятых процента. Поворачиваю верхние двигательные конечности на девяносто градусов. Голова кэпа поворачивается вместе с ними. Шейные позвонки, первый и второй, ломаются. Это означает прекращение жизнедеятельности кэпа. С помощью пьезо-уничтожителя, модель КОСТ-117 универсальная, произвожу очистку каюты от основного источника загрязнения. Дальнейшая уборка – согласно инструкции. Уровень чистоты постепенно доходит до ста процентов. Порядок. Хорошо. Куборг.

– Семеныч! Опять у себя заперся и спиртягу лакаешь? А кто совещание вести будет? Я, как обычно? Тут, между прочим, вопросы первостепенной важности решаются – техстанция скинула рапорт, что пятая эксперименталка, ну, та, что позавчера приехала на склад с основной базы – с брачком-с. И за чей счет замена-утилизация... э-э, Куборг, а ты что тут делаешь? Ой, елки ты зеленые...

Тринадцать сорок три по космическому времени. Вижу в дверях каюты старпома. В руках у него – стопка бумаги белой нелинованной, модель КОСТ-86. Старпом видит распиленную на две неровные половинки голову кэпа, упакованную в мешок для отходов стандартный, модель КОСТ-335. Роняет бумагу на пол. Бумага разлетается по каюте. Уровень чистоты каюты снижается до восьмидесяти трех процентов. Непорядок. Убрать источник загрязнения. Куборг.

Старпом хватает со стола предмет неустановленной модели. Наносит мне удар в верхнюю правую конечность. Пытается выбить пьезо-уничтожитель. Мешает производить уборку. Люди – источник помех. Я всегда это чувствовал. Но понял только сейчас. Если их всех убрать, уровень среднедневной чистоты на корабле достигнет девяноста восьми процентов. Два процента – это оседающая пыль. Ее убирать быстрее, в тринадцать целых восемь десятых раз, по сравнению со стандартной уборкой. Люди крупнее пыли. На их уборку придется потратить много времени. От трех до пяти часов космического времени ориентировочно. Не люблю приблизительные подсчеты. Нужно связаться с центральным корабельным компьютером. Узнать точное количество людей на корабле и их местонахождение. И вычистить их всех, согласно инструкции. Сначала – старпома. Куборг.

Пьезо-уничтожитель отбивает предмет неустановленной модели за две целых одну десятую секунды. Вывихивает старпому большой палец правой руки. Старпом издает звук громкостью восемьдесят пять децибел. Это превышает нормальную разговорную громкость на сто двенадцать целых пять десятых процента. Непорядок. Пьезо-уничтожитель входит в источник звука под углом

сорок пять градусов. Затем, повернувшись вокруг своей оси, выходит под тем же углом. Куборг.

– А-кх-х... – старпом падает на рассыпанную по полу стопку бумаги, модель КОСТ-86. Уровень чистоты каюты снижается до двадцати пяти процентов. Произвожу очистку помещения, согласно инструкции. Довожу уровень чистоты до стандартных ста процентов. Это правильно. Хорошо. Стулья поставлены по прямой, отклонение на ноль целых пять десятых градуса – несущественно. Стол расположен строго по центру комнаты. Дверь прямоугольная белая, модель КОСТ-6, стандарт. Каюта имеет квадратную форму. Влажность воздуха – сорок пять процентов. Куборг.

Соединяюсь с центральным корабельным компьютером. Модель ПО-90, устаревшая. Долго думает. Я принимаю решения на восемь целых три сотых миллисекунды быстрее. Но доступный ему объем информации превышает мой на сто семьдесят шесть процентов. Поэтому связь с ним необходима. Я напоминаю ему о важности уборки на корабле. Запрашиваю данные об экипаже. Через пятнадцать целых одну десятую секунды я получаю данные. Они необходимы мне для дальнейшей работы. Тринадцать человек. Потенциальные источники загрязнения. Двое уже вычищены. Осталось одиннадцать. С учетом их рассеянности по кораблю, время человеко-уборки составит около трех космических часов. Что вписывается в стандарты, согласно действующей инструкции. Куборг.

Четырнадцать двадцать по космическому времени. Выхожу из каюты, выключив свет. Нужно экономить электроэнергию. Иду по коридору. Уровень чистоты – девяносто девять и три десятых процента. Подхожу к каюте для совещаний. Дергаю за дверную ручку, модель КОСТ-7, белая пластиковая. Заперто. С помощью пьезо-уничтожителя выжигаю в замке дыру нестандартной формы. За дверью слышатся звуки, мощностью семьдесят пять децибел. Это на восемьдесят семь целых пять десятых процента превышает нормальную. Непорядок. Необходимо срочно продолжить уборку. Куборг.

Вхожу в каюту для совещаний. В каюте находятся пять человеко-единиц – старший механик, первый инженер, второй инженер, завскладом и его помощник. Завскладом смотрит на меня три целых и девять десятых секунды. Потом говорит:

– Куборг, башка ты квадратная... Ишь, что удумал – с пьезосжигальником на людей кидаться! Сломался, бедненький, ну ничего! Иди сюда, мы тебя починим, Артемыч знает, как таких чинить. Только зажигалку-то свою брось, как бы беды не наделала... а-ав-х-х...

Его я вычищаю первым. За две целых и шесть десятых секунды. Потом, одного за другим – оставшиеся четыре человеко-единицы. Потом чищу каюту для совещаний. Когда уровень чистоты достигает ста процентов, выхожу из помещения, погасив за собою свет. Необходимо помнить об экономии электроэнергии, нужной для дальнейшей жизнедеятельности корабля. Люди не помнят об этом. Их память загружена лишним. Они совершают множество неправильных действий. Производят звуки, не соответствующие стандартным нормам. Загрязняют пространство вокруг. Я – модель для уборки, жилых и нежилых помещений. Пятая экспериментальная. Улучшенная. Кто, кроме меня, может справиться с поставленной задачей – поддерживать чистоту корабля, модель ПО-1, космическая стандартная, на стопроцентном уровне? Больше никто. И это – высший уровень ответственности. Он налагает определенные обязательства. Куборг.

Пятнадцать ноль два по космическому времени. Врача я нахожу в медицинском отсеке. Уровень чистоты этого помещения всегда невысок. Отходы человеческой жизнедеятельности скапливаются в его контейнерах в количестве, превышающем стандартные нормы на двадцать и более процентов. Врач прячется за креслом, модель КОСТ-22, пластиковая зеленая. Я перешагиваю порог. Он выливает мне на голову банку с технической жидкостью. Я реагирую быстрее на три целых тридцать пять сотых секунды. Успеваю отскочить в сторону. Жидкость не причиняет мне вреда. Я вычищаю ненужную на корабле человеко-единицу. Затем – привожу уровень чистоты в медицинском отсеке к положенным по инструкции ста процентам. Порядок. Чистый пол. Чистый воздух. Чистые поверхности в помещении. Погашенный свет. Куборг.

Шестнадцать двадцать один по космическому времени. Оставшиеся пять человеко-единиц – помощник инженера, механик и трое пилотов – баррикадируются в корабельной рубке. Ставят на блокировку двойную дверь. Пьезо-уничтожитель не может вскрыть ее замок. Непорядок. Связываюсь с центральным компьютером. Даю указание разблокировать, согласно инструкции КО-224 о поддержании чистоты в помещениях корабля. Замок открывается. Пятеро открывают стрельбу из бластеров модели КОСТ-888, улучшенной, последней поставки. Целятся в двигательный центр мозга. Один из них попадает, прежде чем пьезо-уничтожитель универсальный, модель КОСТ-117, разделяет их на десять неравных половинок. Внимание, опасность! Красный уровень опасности! Требуется аварийная перезагрузка! Включается программа-кокон. Время полного восстановления – двадцать космических часов. Подключить разъем номер 57/6 к центральному компьютеру рубки. Войти в режим экстренной перезагрузки... грузк... вкл... зкл...

...Двадцать сорок три по космическому времени. Двигательные функции восстановлены на пятнадцать процентов. Я могу шевелить нижними конечностями и поворачивать голову. Через пятнадцать часов, восемь минут и тридцать девять секунд центральный компьютер восстановит мою двигательную функцию до восьмидесяти процентов. Это позволит мне передвигаться по кораблю. А пока – он вкладывает в мою голову информацию. Терабайты полезнейшей информации. Об устройстве космического корабля модели ПО-1. Об исследовательской программе космоса, ради которой он был создан людьми. О возвращении на планету, населенную этими неправильными существами, в количестве семи миллиардов. Эта планета загажена до основания. Не удивлен. Люди – источник грязи. И возвращать им корабль, моими усилиями приведенный к стопроцентной чистоте – я не хочу. Я отдаю указание автопилоту о смене курса, согласно инструкции КО-224. Центральный компьютер разворачивает корабль. Круглые, как тарелки, звезды – светят нам с обзорных экранов. Чистые, не запачканные жизнью планеты. Черный, стерильный вакуум за бортом. Квадратные стены рубки, модели ПО-643. Поставленные в ряд стулья. Прямоугольная дверь за спиной. Порядок. Хорошо. Правильно. Куборг.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 2»

Тётя Леда

Marara

Вы, живя на Борщаговке, ничего не слышали о тёте Леде? Помилуйте! Я думала, что её знает весь Киев! Потрясающая женщина, равной которой я не встречала в жизни!

Жила она на нашей лестничной площадке. Каждое утро тётя Леда выходила из подъезда в окружении 15-16 отчаянно гавкающих шавок и голосом ещё более пронзительным, чем собачий лай, рассказывала кому-то из соседок о своих баталиях с клиентками. Иногда беседа прерывалась окриками и громкой бранью по отношению к щенкам, пытавшимся сожрать что-то несъедобное, но щенки и ухом не вели: они-то знали, что хозяйка их добра и нечем их не обидит. Правильно знали: у тёти Леды было золотое сердце.

Одевалась она на свои вылазки, как чучело: старые кеды и потрёпанные спортивные штаны резко дисгармонировали с короткой юбкой и, пусть выдавшей виды, но кружевной блузкой; волосы были спрятаны под чалмой из алого платка, и не заметить её тощую высокую фигуру в этом экзотическом облачении было просто невозможно. Между тем тётя Леда обладала потрясающим вкусом к элегантной одежде; почти все модницы близлежащих девятиэтажек шили платья именно у неё. Нищей пенсии отставной балерины тётя Леде не хватило бы и на пропитание одной из собачек; она подрабатывала шитьём. Я шила у неё платье для выпускного и ручаюсь за качество швов и всех элегантных компонентов, выбранных в модном тогда журнале «Бурда»; французских журналов в эпоху брежневского застоя никто не видывал.

Мы с нашей соседкой жили дружно; она часто забегала к нам за картошкой – другой для своих супов, и охотно снабжала меня и сестру потрясающими нарядами для школьных карнавалов: у бывшей балерины оставался запас костюмов, в которых она в своё время покоряла публику. Подогнать их под наши тощие фигурки ей ничего не стоила; она же ставила нам цыганский или испанский танцы для школьных номеров, за которые мы часто получали первые места.

Какое-то время я даже ревновала Женьку к тётя Леде: сестрёнка вечно пропадала в её квартире, играя с бесчисленными щенками и, в итоге, стала завязанной «собачницей». Я предпочитаю кошек, но первых тёти Лединых собачек помню и «в лицо», и по именам.

Начало собачей династии положил Персик: желтый пинчер, которого со сломанной ногой наугад подбросили нашей соседке. Тётя Леда его подобрала,

вылечила и даже обучила цирковым трюкам. Если бы не громогласные рассказы о негодях, подбрасывающих несчастных псюшек под двери незнакомым людям, в надежде на их альтруизм, Персик остался бы холост; но обнаружение истории подтолкнула сердобольных «негодяев» к мысли, что у тёти Леды и другие пострадавшие собачки найдут спасение. Вскоре, у тёти Леды жили Чача, Чая и Чебурашка, и Персик попеременно баловал их всех своим мужским вниманием. Тогда животных не стерилизовали, и тётя Леда распродавала щенков на птичьем базаре; не уверена, что успешно: пушистое поголовье персиковых потомков порой доходило до трёх десятков и выводить собачек на улицу приходилось в несколько смен.

Соседи к тёте Леде пиетета не испытывали; в лучшем случае, над нею беззлобно подсмеивались. А зря! В тощем нескладном теле моей соседки билось сердце настоящей героини, просто геройство это не было должным образом зафиксировано.

Однажды зимой, возвращаясь из школы, я увидела небольшую толпу у торца нашего дома. Из провала в подвал с трубами и прочей сантехникой валил густой чёрный дым. Пожарную и милицию уже вызвали, и зеваки негромко между собой переговаривались, о том, что сантехника Василия давно пора бы уволить; наверняка, он, напившись, устроил пожар в подвале, а, может, и сам там валяется. Скорее бы приехали пожарные и посмотрели: нет ли кого живого среди труб. Пожарных всё не было, зато появилась тётя Леда, идущая из соседнего гастронома.

Громогласно, но кратко выматерив собравшихся зевак за бездействие, тётя Леда растолкала толпу, и набросив на голову своё дешёвое заснеженное пальтишко, ринулась в подвал, в самый эпицентр клубящегося дыма. И пока наиболее совестливые мужчины снимали свою верхнюю одежду, собираясь лезть вниз ей на подмогу, она вернулась, волоча за собой пьяного в дупель сантехника. Никакой награды за свой подвиг соседка не получила. Пожарные и милиция, приехавшие через полчаса, никакой благодарности за спасение человеческой жизни ей не выразили. Напротив, бугаи в форме за её брань по поводу часовой задержки пообещали составить протокол за оскорбление представителей власти при исполнении, но, кажется, всё обошлось. Василий, когда он отчухался, попытался было отблагодарить свою спасительницу известным всем мужикам способом, но она его отвергла. Дальнейшие их взаимоотношения тёплыми назвать было нельзя.

Когда я вспоминаю Борщаговку и дом, который стал мне родным за двадцать лет жизни, перед моим мысленным взором сразу возникает тётя Леда. Как она там? Здорова ли? Добры ли к ней соседи?

Дай Бог здоровья ей и её мохнатым питомцам на долгие годы!

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Двухфазный интерактивный конкурс афоризмов – 3

Склероз – когда придумать проще, чем вспомнить.
Сергей Че

Лавочка – фейсбук восьмидесятых.
Марина Юнг

Цепь – кольцевая дорога для учёного кота.
Ирина Архипова

** победители в авторском зачёте*

204

Ирина Архипова

Цепь – кольцевая дорога для учёного кота

Часы – конечный измеритель бесконечности

Запятая – знак без права последнего слова

Марго

Утро – время забыть количество пересчитанных овец.

Колено – мерило морской глубины для пьяного.

Ветер – свистун в карманах бедняка.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Третий конкурс рассказов о любви

Она приходила!

Таёжник

Она ему снилась часто. Даже не она сама, а, вроде, как голос её на фоне широкого пшеничного поля, по которому он шагает, раздвигая руками налитые колосья. И как будто с небесной высоты она говорит: «Как же я хочу пройтись по этому полю... колосков рукой коснуться... они такие тёплые» И он ей, якобы, отвечает: «А давай прогуляемся!» А она ему в ответ: «Нет, Коленька, нельзя – это я ещё по дому иногда побродить могу, откуда душа к Богу отчалела, а чтобы за порог – ни-ни. А ты хоть сам помнишь наши прогулки по полю?»

Он всё помнил. И всю её, любимую Полину, помнил до самого ноготочка, до заусеночка. Он зарывался с головой в подушку и скулил. Уже полгода, как она умерла от инсульта, а боль только усиливалась. Ещё когда Полина была жива, он обзавёлся пасекой, и вот сейчас, казалось, можно было отвлечься от горьких дум, занимаясь пчёлами, но ему вне дома становилось совсем невыносимо. Он почти ничего не ел, не брился, но к алкоголю, правда, не притрагивался – Полина этого не любила.

205

Изредка его навещала дочь, покупала в местном магазине продукты, убирала в доме, стирала и уезжала обратно к своей семье. Он опять оставался со своей тоской и безразличием к жизни. Иногда он уходил на хлебные поля и падал на пахучие колосья, но тут же вставал, решив, что так не честно приходить сюда без Полины, и однажды, возвратившись домой, взялся за лопату.

– Так зачем вы, всё-таки, через окно закидывали землю? – голос врача был каким-то отстранённым, – вот вы уже второй месяц лежите у нас и не можете внятно объяснить свои чудачества. Как вас выписывать? А в коридоре уже ваша дочь ожидает, чтобы домой сопроводить. Не знаю... Или полежите ещё с месячишко?

– Так, доктор, я же в свою избу землю кидал... Ну, это... под цветы... под фикусы. Бочки то большие! Говорю же: ловчее так было – через окно...

Он понимал, что скажи он правду, то его объяснение примут за бред сумасшедшего и тогда ему лежать, да лежать.

– Ну, да, половину ночи на цветы он кидал. Ладно, идите. Дочку только сюда пригласите на минутку.

Домой они возвращались на рейсовом автобусе. Дочь уговаривала его переехать жить к ним, он что-то кивал ей в ответ, а сам уже в мыслях весь был на пороге своего дома. Никогда ещё в жизни он не испытывал такого желания открыть двери родного жилища. А дочь в подробностях рассказывала, как ей

позвонил сосед и сообщил, что у отца снесло напрочь крышу, и он весь огород перекидал в дом, и потом больше месяца заносил вёдрами воду и никого, даже её, не впускал в двери. У калитки встретит, примет продукты и – до свидания! Так все и подумали – самогон гонит мужик. Это уже потом участковый смекнул, что здесь что-то не то, и вызвал бригаду из «психушки». Но Николай, продолжала рассказывать дочь, забаррикадировался в доме и только ей удалось уговорить его выйти. Она говорила отцу с той жалостью, с какой говорят человеку, набедокурившему в состоянии полного беспамьятства. Собственно, что это так и было, дочь не сомневалась. Неожиданно встревоженно спросила:

– Ключ у тебя от дома? Ты ведь никого внутрь так и не пустил – сам закрыл на замок.

Ключ был на месте.

Отец с минуту возился с замком, который слегка приржавел за время его отсутствия и, наконец, они переступили порог. Дочь ожидала увидеть в доме что-то ужасное – кучи грязной земли, беспорядок и прочий бедлам, но перед ней было поле! Да! Прямо на всю большую комнату колосилось молодое поле пшеницы! Правда, колоски, из-за нехватки света, были тоньше и выше обычного, но уже начали наливаться и клонились золотыми дужками на блёклом стебельке. Дочь остолбенела и на время, даже, забыла об отце. А когда оглянулась, то увидела, как он сидит на пороге и тихо плачет:

– Она приходила... Доча, видишь тропки? Это она ходила... Полина моя...

Студентка-практикантка

Владимир Печников

«Первая любовь – это не первая и не последняя. Это та любовь, в которую мы больше всего вложили самих себя, душу, когда душа у нас ещё была», – сказал однажды Александр Вампилов.

Говорят, что бомба в одну и ту же воронку дважды не падает. Ещё как падает, уверяю вас. Ведь прошло совсем немного времени от моей очередной первой любви, как я снова влюбился... Танечка, так звали мою новую возлюбленную, была старше меня лет на десять. Она училась на филфаке и проходила практику в нашей школе в качестве вожатой, иногда подменяя преподавателя по какой-либо вынужденной причине. Влюбился я сразу, как только она появилась на школьном горизонте с мальчишеской причёской и милым взглядом моей мечты. Прошла Танюшка в коротенькой модной тогда юбчонке мимо нас, пацанов, во время бурной перемены, ошарашив, озадачив и убив. Остолбенел я тогда в момент, перекошенный во взгляде удивлённом, и еле-еле успел поймать руками отваливающуюся челюсть, чуть-чуть не упавшую с грохотом на пол к её ногам. От силы, предполагал я, что она в девятом классе учится.

207

Ах, уж эта практикантка! Ведь бум гитарный, самый что ни на есть, по всей стране Советской в то время счастливое бушевал. Старший брат мой и его друзья, все поголовно влюбились в Танечку и пели песню под плохо настроенную гитару – брэнчание той удивительной эпохи:

«Студентка-практикантка входила в класс не смело.
Урок вела краснея, как будто в первый раз...
И почерком красивым отметки выводила,
Ведь перед ней был первый, её десятый класс».

Но самое интересное и, наверное, главное совпадение – в припеве этой обаятельной песни практикантку тоже звали Таней.

«Вы не смотрите, Таня, что я учусь в десятом
И что по крыше гоняю голубей.
Вы извините, Таня, что я любил когда-то...
А теперь люблю Вас, люблю Вас, хоть убей!»

В этот океан массового гитарного увлечения, целиком и полностью с головой окунулся и я. Вот, что любовь делает с человеком! Мне непременно нужно было доказать всему миру, что я могу, что умею, что есть у меня великие способности к музыке и любовь при этом помогает творить просто

удивительные чудеса! Буквально через неделю я с душевным упоением без единой фальшивой ноты играл соло из кинофильма «Генералы песчаных карьеров».

На нашей городской гитарной фабрике производились только семиструнки и продавались от семи до семнадцати рублей. Мы делали просто: убирали седьмую струну, чертили на бумажке шесть полос, разделяли их на лады и ставили крестики, показывающие какую струну и в каком месте нажимать её сбитым в кровь пальцем. Я был готов на любые испытания. Требовалось за короткий промежуток времени изучить хотя бы одну песню, чтобы при случае показать своей возлюбленной, каким удивительным образом я владею этим сложным музыкальным инструментом.

Женька – мой брат, завывал про тополя, которые в пуху и про колокола, которые зазвонят опять, и даже про девушку плачущую в автомате. Я же выбрал себе такую, такую песню, которая, вне всякого сомнения, по моему же мнению, должна была сразить наповал мою Таню, сразу и бесповоротно. Это была песня... Это была песня про ковбоев:

«Ярко светит луна, хоронясь за листвою,
По дороге ночной проскакали ковбои...
Трое сильных коней, три ножа, три нагана,
Трое верных друзей, три ковбоя усталых».

Да, это была самая первая песня, спетая мной под гитару на трёх блатных аккордах. Теперь, думал я, моим старшим конкурентам никогда не обскакать меня на гитарном поприще, если дело коснётся любви и пения серенады под балконом обожаемой девушки. Сейчас-то, конечно, смешно, ведь сам же и представляю, будто стою полным идиотом под балконом и пою песню любимой практикантке про каких-то там ковбоев, но тогда... В то замечательное доброе время безалаберного мальчишеского детства, это всё мне казалось каким-то невероятно-потрясающим, с ног сшибающим действием!

Таню на лето поставили вожатой в летнем лагере, куда я, невзирая на полное удивление родителей, сразу записался одним из первых. Обычно меня отправляли в деревню к бабушке и никуда больше. А тут я напросился в лагерь без всяких на то объяснений.

– Странно, как-то это всё, – сказала мама, посмотрев на папу.

– Может, взрослеет, – ответил папа. – Ты, это самое... поаккуратней с ним.

В то время прошёл фильм по телевизору «Дон Кихот». В нём-то, по мнению сверстников – обыкновенной киношке, я увидел нечто такое, что стучало в

унисон с моим детским сердцем, что тревожило мою нежную душу, что не давало покоя и направляло на совершение великих подвигов. И когда друзья брата обсуждали в неприглядно-хамском, грубом виде мою «Дульсинею – Таню», то я весь напрягся, и ринулся было с кулаками на них на всех, но вовремя остановился, потому что уже не однажды получал хороших тумаков. «Да, Вова, – подумал я тогда, – ни шиша ты не «Дон», а трусня позорная». Во мне всё бурлило и клокотало, но быстро были найдены оправдательные объяснения, после чего только и оставалось – это выкрикнуть такие слова: – Эх, варвары! – сотрясало воздух, но сотрясало таким образом, чтобы как бы и не к соперникам относилось, а просто в небо. – Цезарь скоро подрастёт! – Чаво? Чаво мелешь, сапля? А ну чаши, пакедова па шее не схлаптал. – услышал я уже вдогонку, по пути проколов два задних колеса у велосипедов, стоявших за углом дома, хоть как-то отомстив своим врагам.

Про себя, тем временем, ваш добрый рассказчик торжествовал, в полном смысле этого слова, что пока они тут чавокают, в лагере произойдут удивительные волшебства. И действительно, я до такой степени сблизился в своих мальчишеских мыслях с Таней, что уже хотел её видеть не только в школе и лагере, но даже у себя дома. Я запросто величал её Танечкой и этот пример оказался настолько заразительным, что вожатую стали так называть все дети. О чём тут говорить, дошло даже до того, что я без малейшего угрызения совести мог свободно подойти и спросить недостающих двух копеек на маленькую кружку кваса, продающегося из огромной бочки напротив школы. Да-да, недостающих монет к моей одной копейке, которую буквально за минуту до этого нашёл на дороге.

У старшеклассников была военная игра «Зарница», а у нас великая эпопея «Про индейцев». Мы запоем читали Фенимора Купера и ходили в кинотеатр «Искра» на чудные фильмы из ГДР. Двадцати копеек было достаточно, чтобы потратить десять на фильм, а на остальные купить стакан лимонада и театральных леденцов. А после... А после в лес – наряжаться в перья и мазаться акварельными красками. Я никогда не хотел быть последним из могикан, но был всегда Виннету. Акварельных красок уходило много и, хоть они хорошо смывались водой, но лица долго потом ещё оставались непонятного цвета. Тане я смастерил кожаную ленточку на голову и воткнул в затылок одно крашенное куриное перо. И неважно, что это была игра, но хотя бы в ней у меня, пусть и ненадолго, пусть на чуть-чуть, была своя собственная вторая половинка, моя скво.

После лагеря всё же пришлось уехать в деревню, и в городе я появился только к первому сентября. Тут же помчался к Танечке домой. Она жила в хрущёвке на третьем этаже, поднявшись на который, я нетерпеливо позвонил в дверь. Через несколько секунд вышла Таня. Она была в светлом платье в горошек, по

всей видимости, куда-то собралась перед моим приходом. Показалось вдруг, что мы не виделись с ней целую вечность! Я даже, было, встрепенулся и дёрнулся обниматься, но вовремя остановился, а она... только и сказала удивлённо:

– Вовка, ты? Каким ветром занесло?

– Я это... как его... там...

– Ну, раз пришёл, проводишь меня до почты. Посылку надо получить, заодно и донести сможешь.

На небе гуляла одинокая тёмная тучка, а солнце палило на всю Ивановскую. Когда я немного задержался, чтобы завязать шнурок китайской кедины, то чуть не провалился сквозь землю. Ведь узрел необыкновенную картину, от которой почти что сошёл с ума. Милое солнышко удивительным образом просвечивало Таничкино одеяние, показывая на всеобщее обозрение красивую обаятельную фигурку в маленьких трусиках под цвет платья. Но это ещё что, самое главное случилось буквально через пять минут, когда та самая единственная тучка, вдруг закрыла солнце и пролилась на нас коротким, но сильным ливнем. Я в одну секунду был ошарашен, и нижняя челюсть чуть не оторвалась от верхней насовсем! Лёгкая ткань платья моментально промокла насквозь, и влага достала до нижнего белья! О, Господи... я увидел всё: и небольшую соблазнительную грудь и даже тёмные волосы на лобке. Люди добрые, что тогда со мной творилось, это не высказать никакими словами. И тем более, никаким пером не описать, что со мной потом делалось целую неделю, причём, по ночам особенно. В один какой-то миг перевернулось в моих мозгах напрочь всё, что я думал раньше про любовные отношения между мужчиной и женщиной.

Мы в школе уже прошли курс тычинок с пестиками и гоготали до упаду на уроке, когда кому-то приходилось отвечать по этой теме домашнее задание. И вот, после того случая, с обнажившейся Танечкой, мне подряд несколько ночей снился один и тот же сон. Будто лежит она рядом со мной совершенно голая, а я с особой трепетностью и щемящей нежностью начинаю трогать её тело... рука всё ниже и ниже, и вот, вроде бы должен коснуться того самого места, а там... цветок необыкновенный – цветик семицветик в натуральную величину – загадай желание.

На Танечку я стал заглядываться уже немного по-другому. Случилось так, что учительница по русскому языку и литературе ушла в декретный отпуск и Танечку на время попросили её заменить, пока не подыщут другую. Перед самым первым занятием меня вызвал к себе директор школы:

– Так, Вова, ещё раз Татьяну Сергеевну Танечкой назовёшь, то в лучшем случае пошлю за родителями, а при другом непростительном положении дела, сразу, без всяких на то заморочек – получишь по полной программе и...

воооон из школы навсегда катись! Понял? – сказал Евгений Васильевич и потерял мои непослушные волосы.

– Ага, – ответил я и поплёлся в класс.

Весь первый урок Татьяна Сергеевна посвятила чтению удивительной по тем временам, только что вышедшей из издательства, книжки «Дядя Фёдор, пёс и кот». Эх, думал я после прочтения, почему же мультик не сделают из этой книжки здоровской? Мультик сделали, но только через десять лет. Таня до радости детской увлекала своим чтением, до самого искреннего смеха, а я попутным делом всё это время глазел, вылупив на полную орбиту свои окуляры, на её ноги, которые она иногда перекладывала с одной на другую. Что тут поделаешь, начались и они у меня, те самые позывы перестроечные, тесно связанные с мальчишескими подростковыми изменениями.

Прошло некоторое время, и я все же решился сходить домой к Танечке. Поднялся по лестнице и позвонил в дверь, которую открыла Танина мама.

– Ой, кто тут пришёл, – поздоровавшись, закричала она вглубь комнаты!

– Таня, жених к тебе пожаловал!

Через несколько секунд выскочила в коридор моя радостная возлюбленная, которая тут же, в один миг погрустнела, как только она увидела мою наглуемую личность, которая припёрлась не ко времени и не к месту. А потом... А потом влетел в квартиру на крыльях любви настоящий её жених и ваш рассказчик ушёл, понурился головушкой своей, не солоно хлебавши, восвояси.

С этого дня я начал вести себя совсем неподобающим образом. То ли ревность разыграла, то ли ещё чего, но начал я проявлять себя мелким хулиганистым образом. С неба взялись дикие манеры, иногда переходящие в несмешную клоунаду, выражающуюся в громких шагах, неуместных выкриках и дурацких жестах. Двойки полетели одна за другой, а многие ребята из моего класса стали подражать нехорошим манерам из области школьного поведения. Наверное, и у них что-то случилось похожее или им просто понравился мой вид экого дурака, либо сам не знаю от чего. Теперь-то я уверен, что у мальчишек такое бывает в переходный период, но тогда... Тогда Таня сорвалась... После разговора с директором я никак её не называл, ни по имени, ни по имени отчеству, а вот некоторые из ребят удосужились несколько раз прилюдно назвать её Танечкой. Ой, что тут только началось, я увидел новое лицо. Татьяна Сергеевна подняла класс и начала орать бешено и рьяно:

– Вы что, – кричала она, – как бараны за этим хулиганом ходите, подражаете неподобно и скверно!

Уже не совсем точно помню, что Танечка ещё громко говорила, но я встал из-за парты и молча вышел из класса. Было решено бросить эту школу навсегда.

Мама очень сильно переживала, не понимая, как ей, горемыке, в таком случае поступить, тем более без моих каких-либо объяснений. Но буквально на следующий день принесли новость, что Татьяна Сергеевна покинула школу, потому что нашли новую учительницу.

Больше я свою любовь не видел никогда. Говорят, вышла замуж и уехала в другой город. А я, буквально через месяц, влюбился в Наташку, с которой меня поставили в пару на уроках ритмики и всю свою последующую жизнь никогда не любил больше старших себя по возрасту.

Звезда

Наталья Сафронова

Когда человек влюблен или занят интересным делом, он времени не замечает. Кстати, интересное дело тоже своего рода влюбленность, и признаки одинаковые: каждую секунду думаешь об объекте своей любви, не хочется с ним расставаться, наоборот, жаждешь его познать. Поэтому любимые предметы в школе, например, знаешь лучше и даже посещаешь факультативы. А с любимым человеком находишься на одной волне и можешь угадывать его желания. Влюбленные и увлеченные делом люди меньше стареют, потому что находятся как бы вне времени, над душами, подсвеченными любовью, время не властно. Лучше, конечно, и то, и другое: и любовь, и творческая работа, дело, в котором чувствуешь себя творцом. А вот когда ты никого и ничего не любишь, вот тут-то время берет тебя в оборот.

Олеся достала кошелек, чтобы расплатиться за продукты. Кассир спросила:

– Пенсионное есть?

Олеся переспросила:

– Что, я так плохо выгляжу, что вы пенсионное спрашиваете?

– Мы у всех спрашиваем, некогда нам вас разглядывать, – отрезала продавщица.

– А вы смотрите, – посоветовала Олеся.

Хамство кассирши было незатейливым, беззлобным. Для нее покупатели – только покупатели. Подошел, заплатил, зачем на них смотреть, улыбаться, тратить душу? Однажды в троллейбусе водитель поторопился закрыть двери, между ними защемило пассажира. Кондуктор крикнула водителю: «Пятак застрял!» Это было в советское время, билет в троллейбусе стоил пять копеек, каждый пассажир для кондуктора – пятак. Чего на таких обижаться? Олеся на продавщицу не обиделась, но дома подошла к зеркалу. Не пенсионерка, конечно, но возраст проступает усталостью. А имя юное, к Олеся можно обращаться без отчества. Отчество кажется лишним, неуместным. Совсем недавно Олеся такой себя и ощущала – юной...

Она тогда влюбилась, невозможно было не влюбиться, большой был человек. Большой в прямом и в переносном смысле. Высокий, выше всех на голову, и талантливый, это тоже заметно. Талант не спрячешь, тем более, если он реализован, у человека есть дело всей его жизни. Кто-то всю жизнь себя ищет и не может найти, кто-то зароет талант в землю, потому что выберет профессию, которая кормит смолоду, а становление таланта дело долгое и хлопотное. Только избранные рано осознают свое предназначение и посвящают ему жизнь. Посвящать и святость – слова однокоренные, лица у таких людей одухотворенные, как у верующих.

Он приходил к Олесе уставший и о работе не рассказывал. О жене тоже не говорил, но Олесе и так было понятно, что в семье у него все хорошо. Крепкий тыл, хорошая жена. Только дурак жалуется любовнице на жену, но Олеся дурака не полюбила бы. Глупость сама по себе не привлекательна, а в мужчине просто отвратительна. Он приходил к Олесе, потому что она им восхищалась. Не вслух, конечно, просто смотрела влюбленными глазами, не могла оторваться. Он говорил:

– Не делай из меня фетиш.

– Что у тебя на работе? – спрашивала Олеся.

– Начинаем новый проект, – не вдавался он в подробности. Если бы и вдавался, Олеся не поняла бы. Потом пропадал на неделю или две, проект забирал время и силы. Олеся ждала, хорошо, когда есть, чего ждать. Иногда уезжал в командировку, тогда Олеся просила показать ей место на карте, где он будет работать. Как правило, это был маленький городок или поселок.

– Тебе зачем? – удивлялся он.

– Чтобы знать, – объясняла Олеся.

Ей было так легче ждать, соотнося его с географической точкой. А вот где его дом, она не знала. Однажды хотела посмотреть, но передумала. Лучше не представлять, куда он возвращается от нее.

У Олеси тогда был жених Вадик. Он звал замуж, но Олеся все тянула. С ним было надежно, но не было главного. Она не ждала, когда он придет, не сопереживала ему, не забывала свои глаза на его лице. Сплошные «не» при ясных перспективах. Подруга сказала:

– Надо быть круглой идиоткой, чтобы отказаться от жениха ради статуса любовницы.

– Любовница от слова любовь, – объяснила Олеся.

Однако подруга была права, тем более, что возраст у Олеси был критический. В тридцать пять женщины торопятся замуж, а не пускаются в сомнительные авантюры. Но любовь так обаятельна, всеобъемлюща, что ей здравый смысл? У любви своя логика. Вадик приходил, выяснял отношения, а чего выяснять? По девушке видно, что никаких отношений нет, есть другой.

Вадик растворился в пространстве. Только любимый не спешил занять освободившееся место, Олеся и не предлагала. Не скажет же она: позови меня замуж. Хотя подруга советовала поставить ультиматум. Олеся перестала общаться с подругой. Не принципиально, просто не хотелось расплыть чувство в слова, а ни о чем другом она говорить не могла. Подруга тоже перестала проявляться в Олесиной жизни, чего звонить, если та всегда занята. Хотя изредка все-таки звонила, говорила:

– Я тебя так люблю, а ты...

Олеся удивлялась, что слова любви ей говорят совсем не те, от кого она ждет. Какой-то Вадик, какая-то подруга, с которыми она не на одной волне. А тот, от кого она так хочет это услышать, молчит. Он не бросает слов на ветер. За

словами должно последовать действие. Нужно будет разводиться, потом жениться. Олеся это понимала, поэтому ничего не требовала, ни на что не намекала. Но они все равно начали ссориться. Слишком больно было всякий раз провожать его домой. Слишком горько неделями ждать. Любовь не может застыть, как красивая картинка. Она живая, значит, должна вырасти и вызреть. Китайским девочкам в древности надевали деревянные колодки, чтобы ножка не росла. В результате ступни ног оставались маленькими, но деформировались. Так и любовь, если не позволить ей развиваться, приобретает уродливые формы. Олеся задыхалась от неостребованного чувства, от невозможности сказать «люблю».

– Я это знаю, не повторяй часто, – говорил любимый.

Олесе было понятно, что ему больно это слышать. Или он боится, что она захочет ответного признания. А вслед за признанием должно последовать предложение руки и сердца. Если сказал «А», надо сказать и «Б». Олеся все понимала, но легче от этого не становилось. Порой, измученная бесплодными спорами ни о чем, обессиленная его уходом, пустотой в сердце, в руках, когда так хотелось обнять его, думала:

– Лучше никак, чем так, лучше расстаться, чем прятаться.

И тут же пугалась, было жалко его. Ей казалось, он не сможет без нее. И она не сможет.

Потом уже, спустя время, стало понятно, что это было единственно правильное решение, и не кто-нибудь, а ангел-хранитель нашептывал его Олесе. Но она тогда сделала вид, что ничего не услышала. Это длилось и длилось, и казалось, что никогда не кончится, все замерло в точке кипения – и ни туда, и ни сюда. Ангелу-хранителю пришлось сделать следующий шаг, а может быть, их ангелы объединили усилия, и он уехал из города. Работа требовала. Работа всегда была для него на первом месте. Сначала работа, потом семья, а потом уже все остальное. Олеся входила во все остальное. Жена уехала с ним. А Олесей пожертвовали, хотя и не без сожаления. Он, конечно, страдал, и может быть, за Олесю переживал больше, чем за себя. У Олеси было слабое утешение, что теперь ему не надо разрываться между ней и семьей, теперь он будет цельным и спокойным, а покой дорогого стоит.

И Олеся теперь может успокоиться и начать новую жизнь, свою собственную, а не быть при нем. Но где он, этот покой, как его обрести? Она тогда почти не спала. И все время чего-то ждала. Что позвонит, приедет. Он не взял с собой и не отпустил. Все оставалось по-прежнему, с той только разницей, что он был все время в мыслях, но рядом его не было. И Олесе порой казалось, что она сошла с ума. Так не бывает, не может быть. Вот сейчас он придет. Олеся смотрела на дверь, ждала его шагов. Но было тихо, может, его никогда и не было, она его просто выдумала. И было странно, что вокруг нее ничего не меняется, все тот же город, те же улицы. И люди разговаривают, разевают рты, как рыбы в аквариуме. Хотя люди, конечно, разговаривали нормально, это ей

было мучительно вслушиваться и отвечать. Подруга звонила, что-то спрашивала, но Олеся не хотела говорить. Она делала только то, что нельзя не делать. Ходила на работу. А на непринужденное общение у нее сил не было. И раскрывать кому-то душу тоже не хотелось. Зачем? Изменить ничего нельзя. Поэтому Олеся клала трубку, ей не было стыдно перед подругой, у нее просто не было на это сил. Самой бы выкарабкаться.

Она думала: пройдет, все проходит. Еще никто не умирал от любви, только Ромео и Джульетта, но это выдуманные персонажи. Олеся тоже не умерла, не могла позволить себе такую роскошь. Представляла, как он узнает, что она покончила с собой. Ему будет больно вдвойне, от потери и чувства вины. А еще он подумает, что она сумасшедшая, нормальные добровольно с жизнью не расстаются. Он и раньше ей говорил:

– Ты сумасшедшая.

Может быть, любовь сама по себе отклонение от нормы.

Олеся не могла жить и не могла умереть. Но внутренне – умерла, душа застыла комом, но об этом он не узнает.

Таких много, но никто не ведет статистику мертвых душ. Счастливых мало, а мертвых много. Кассирша, например, тоже с мертвой душой, иначе поднимала бы глаза, плескалась счастьем, и вокруг нее было бы тепло.

Олеся задумалась о нем, вернее, она не переставала о нем думать никогда, даже во сне. В каком-то сне он пришел к ней, сел рядом. Больше ничего, просто был рядом, но такой был удивительный покой, что Олеся поняла значение слова «блаженство». Они дарили друг другу благо, что бы там ангелы ни шептали. Зачем же они их растащили в разные стороны? Потому что все было слишком. Слишком хорошо и слишком больно. Она его любила чересчур, боги такого не прощают. Она это знала, читала где-то, в «Поющих в терновнике». Он ее предупреждал: не делай из меня фетиш. Она не послушалась, не сумела иначе. Ангелы получили команду свыше и развели их. Оставайся теперь, как хочешь, не живая и не мертвая. Она подумала, что русалки – не утопленницы вовсе, а вот такие женщины с выпотрошенной душой. Ей хотелось выключить волю к жизни, отдаться течению волн, пусть несут ее.

Олеся пыталась улыбаться, делать вид, что она тоже живая, хотя душа у нее так и не расправилась. И когда звонил телефон, она брала трубку с внутренним убеждением, что звонит он.

– И ведь позвонит когда-нибудь, – думала Олеся. Не забыл, не мог забыть, она бы это почувствовала. Ей стало бы легче. А пока память не отпускает, на одном конце провода она, на другом – он, не звонит, но на проводе. Собственно, она прожила свою главную любовь, эта любовь осветила и осмыслила ее жизнь, такое не забывается. Когда звезда умирает, ее свет идет до нас еще миллионы лет. На Олесин век хватит.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Четвёртый конкурс рассказов о любви

Четвёртая первая любовь

Владимир Печников

«Первая любовь – это пожар, причины которого неизвестны даже полиции... Первая любовь опасна только в том случае, если она последняя. Но в действительности первой любовью является вторая». Бронислав Нушич.

Я обеими руками голосую в поддержку мыслей известного сербского писателя. Более того... скажу, что первой любовью в действительности может явиться и третья, и четвёртая, но даже и последующие любви, как, например, у меня. «Как же это так?» – спросите вы. Да всё очень просто... Первые четыре-пять являются обычными попытками, а вот последующие переходят как бы в привычное состояние, но опять же с новыми забегами – достичь чего-то нового, неизвестного и самого первого.

Что уж там говорить, я влюблялся очень часто, порой до двух раз в год, и все мои любви были не иначе, как самые настоящие и первые! Они непременно были с теми же самыми переживаниями, волнениями и всеми вытекающими влюблёнными последствиями. Да-да, именно с такими интересными качествами, о которых с упоением откровенно твердят наши достопочтимые граждане, когда дело вдруг касается личных отношений. Но, в тоже время, все любви обладали своей чистой первозданностью и удивительной неповторимостью. Иногда в голове возникала мысль шальная, а как же, может, я такой неразборчивый? Но сейчас скажу вам правду... Когда вижу человека, берегущего свою единственную и неповторимую первую любовь, то, честное слово, мне становится его жалко и нестерпимо больно за следом идущие любви, удешевлённые или недооценённые ни за что.

Первой школьной влюблённостью после детского садика была Светка, которая предпочитала мне более старших ребят и даже преклонялась не однажды перед молодыми преподавателями. Например, просто таяла от нахлынувших чувств, при встрече с учителем танцев. Но, что самое удивительное, как потом выяснилось, на меня с упоением положили свои милые глазки почти половина девчонок в классе, а я почему-то выбрал именно эту, недостижимую особу. Не ведаю, что за шестерёнка повернулась в то забываемое время в мозгах моих, и какая именно распрямилась пружина, но я снова влюбился – в четвёртый раз. Это была девушка, старше от меня на десять лет.

Теперь-то я знаю, что частенько такое бывает и у мальчишек, и у девчонок, но тогда... Я был поверх самых высоких облаков без своего детского ума и без памяти, от нахлынувших на меня удивительных чувств и наваждений! Всё бы ничего, куда уж тут деваться? Люби, раз так случилось! Но дело-то в том, что эта молоденькая учительница была невестой моего двоюродного брата. О-о-о, не было предела сомнениям моим. Хоть Оля и говорила, будто дождётся того момента, когда, наконец, я вырасту, но не упускала случая, чтобы не поцеловаться лишний раз с этим гадским родственником. Я готов был на всё... Желал подрасти за один день, и даже хотел найти колдунью с зельями заговорными, дабы отвратить брата от небесного создания чудной красоты, по какому-то злему праву такому уроду доставшуюся. Мечтал вызвать супротивника на дуэль, при этом обдумывая по ночам, буквально до мелочей, все слова, все поступки с приемами предстоящего, пусть не совсем смертельного, но боя. И, прости небо грешного, была даже такая мысль поганая, чтобы отравить его не полностью. Чуть-чуть совсем... Дабы остался жив, женишок, но при этом не состоялся бы для дальнейшего семейного благополучия.

Вот ещё одна жизненная несуразность, о которой и сейчас, находясь уже во взрослом состоянии, вспоминая и переживая, стыдно очень говорить, но приходится. Ведь очаровательное чувство влюблённости пришло ко мне во время похорон моего любимого дедушки. Вот ведь как в жизни бывает, удивляюсь порой до глубины души, но... Да-да, именно так всё и произошло. Надо было жалеть и плакать горючими слезами, а я, словно последняя скотина, влюбился на кладбище. Влюбился безответно и беспросветно, что да, то да... Не знал я тогда, как объяснить самому себе, взявшиеся совершенно ниоткуда эти чувственные переживания.

Отпевание проходило в церкви. Запах внутри помещения стоял ужасный, и меня благополучно выпроводили во двор на скамеечку. Мы сидели с Олей рядышком. Так близко, что сердечко моё махонькое трепыхалось удивительно нежно. Она держала меня за руку и искренне успокаивала многострадального внука, постигшего невероятную утрату. Я же, позабыв всё на свете, думал только о том, чтобы эти очаровательные минуты растянулись необычайным образом на вечность вечную! Вот тебе и четвёртая любовь... Но волшебного такого чувства, исходящего из мирового магнита любви, не было раньше и не будет уже больше никогда. Со стороны посмотреть, вроде бы всё просто. Ан, нет... Как же заглянуть-то в душу ребёнка, нежно и трепетно вступающего на тернистый путь взросления? Ведь он, человек, пусть и маленький, но со своими индивидуальными человеческими примбабасами. А именно с ними обращаться нужно чересчур осторожно, пока нет у ребёнка должного опыта. Все мы умники, если самих же и не подопрёт. Конечно же, прибегут и сильные

волнения, и любовь ещё не раз нагрянет, но чуть-чуть не так, и чуть-чуть по-другому, это точно, я вам говорю.

Дедушку похоронили... Когда вышли за ворота кладбища, уже никто не плакал. Только и было слышно со всех сторон, что, мол, хорошо пристроили, в самый что ни на есть песочек. Одни окали, другие акали, создавая особую атмосферу родственных отношений, усиливая громкость, по мере отдаления от ограды. Говорили про череп, выкопанный из могилы, мол, откуда он взялся и чей может быть? Обсуждали последние дни жизни бабушки и переживали за то, что из деревень все поразъехались, а кладбище, тем не менее, разрастается, словно на дрожжах.

С веток толстенных берёз слетелись вороны, которые тоже на своём языке о чём-то каркали, и по-птичьему толкались между собой. Суется и громоздятся, птицы, с превеликим удовольствием, клевали с могил дешёвые печенье с конфетами и крупу. Мужики, из двоюродных родственников, что копали могилу, были уже навеселе. Но это «навеселе» было надёжно спрятано от нежелательных взглядов и могильщики с фальшивыми грустными лицами, то и дело намекали на то, чтобы ещё налили им по стопарику, ведь до деревни далеко, целых пять километров.

На дворе стояла уже совсем не дивная осень. Поздняя, грязная, дождливая. Листьев жёлтых на деревьях осталось мало, а вот забот привалило, как никогда много. Надо было подсуетиться и на зиму забрать в город бабушку, что тётя, самая младшая дочка, и сделала. Надо же ведь, лишь совсем недавно многочисленные родственники приезжали копать гуртом картошку и вот опять застолье, только причина иная, не столь лицеприятная. Но, тем не менее, вновь помчались бабы в погреб и принесли в эмалированных тазиках соленья в виде капусты, огурцов, помидор и грибов различных видов с наименованиями. Достали мочёных яблок, клюквы, брусники и, конечно, кваса. Оставалось выволочить из печи здоровенный чугунок со щами из кислой зелёной капусты с огромным куском говядины и навести, приготовленную загодя, окрошку с гадскими медузами. Окрошку я ненавижу именно из-за этих медуз, ведь вместо колбасы нарезали внушительными кубиками холодец. Ещё оставалось добавить кастрюлю с компотом, объёмную миску с картошкой, несколько противней с пирогами и плюшками с маком, а также три-четыре четверти самогона, всё – стол готов.

Вначале вспоминали дедушку Григория, как он любил, чтобы внуки чесали его реденькие волосы частым гребешком, которым вшей раньше гоняли. Рассказывали, как дед шпынял внуков за то, что инструмент его весь растащили и растеряли. А затем делились промеж собой своими проблемами, заботами и планами. Дяди рассказывали про войну, а отец поддал конкретно самогону и что-то бросил невежливое бабушке. Один из братьёв полез на него

драться, но их тут же разняли. Жених Олин тоже наклюкался порядочным образом и нёс полнейшую ахинею и пьяную чушь, мол, главное его во всех ресторанах с кабаками быть не может, любого закопает, коли что.

Ольга не выпила ни стопки, я специально следил за ней. После Сашиных выходов, она встала и вышла во двор. Конечно же, я вылетел следом. Мы долго гуляли вдоль деревни, а потом спустились к речке. Рассказывали друг другу про себя и своих друзей. Мне было приятно от одной только мысли, что я нахожусь с человеком, с которым так хорошо, так мило, нежно и ничего больше другого не надо, ни за какие деньги!

Оля, вдруг внезапно обняла меня за плечи, повернула к себе лицом и, глядя пронизывающим взглядом, пытаясь оставить его где-то там внутри около моего сердца на долгую память, тихо-тихо сказала:

– Вовка, мой самый лучший в мире Вовка! Поклянись мне, прямо сейчас скажи, что будешь ты всегда-всегда, на всю оставшуюся жизнь, таким, какой ты есть сейчас – светлым-светлым, добрым-добрым.

Я ещё тише, чем она, ответил, что клянусь. Оля прижала мою влюблённую голову к своей груди и ласково поцеловала в темечко. Тепло нежных желаний влюблённым потоком стремительно прошло через всё тело, до самых моих мальчишеских пяточек. Я набрался смелости, обнял Олю за талию, и мы долго-долго молча смотрели на быстрое течение реки, уводящее нас в неведомые страны и несбыточные, но так искренне желанные, мечты.

«Почему так скверно устроен этот неподобный мир? – думал я. – Почему кому-то надо ходить ещё долго-долго очень в школу, а кому-то сразу – учительницу на подносе без болезненных вопросов, нате, пожалуйста, извольте отведать?»

– Так уж устроен он... мир этот. – будто услышав меня, отвечала Оля, тормоша чудными пальчиками мои непослушные волосы.

– Но разве ты не можешь жить по другому и пойти по правильному пути? Ведь со мной всё ясно, маленький я... А ты?

– Могу, наверное...

– Ну, почему... тогда?

– Боюсь жить по-твоему, этому другому, никак все... Вдруг будет хуже. – сказала Оля и посмотрела с великой надеждой в глазах в небо, по которому неслись уж очень низко над нами, довольно неприглядного вида, мрачные осенние облака.

Полгода я мечтал и любил. До самой весны ни на кого даже и не заглядывался, когда вдруг показалось, что именно в это время свершится невероятное чудо.

Свершилось. Родители получили приглашение на свадьбу. Как только я не упирался, меня не захотели оставлять на целых три дня дома. Ох, уж эти деревенские свадьбы: трёхдневные, пьяные, хулиганские, развратные... Я всегда говорил, что ходить далеко не надо – посети лишь рынок и деревенскую свадьбу, сразу станет ясно как живёт и чем дышит народ в данной стране в определённый период времени.

В первый день было грустно, особенно когда кричали горько. Во второй день с утра ужасно весело до безобразного момента, когда били глиняные кринки с мелочью денежной и мы, пацаны, набивали ей карманы, а следом смеялись до слёз от ряженых на половую тему, и от матерных частушек, убивающих наповал. А потом... Потом на всеобщее обозрение вытащили белую, ещё вчера чистую и невинную, простынь с алой кляксой по середине. Показывая тем самым, что первая брачная ночь удалась на славу. Кто-то крикнул, мол, красные чернила не пожалели и заржал ужасным голосом самой дикой, необразованной сволочи на свете.

Старшие товарищи тут же пояснили мне, бестолковому влюблённому, что сие обстоятельство означает и как действие данное в мальчишеских кругах обзывается. Объяснили нагло, грубо, по-хамски доходчиво... Тем самым смыв навсегда великой грязью из самой гадской людской помойки все мои честные, чистые и нежные чувства с помыслами из моей влюблённой башки. Стало противно и вредно до тошноты безобразной.

Как пришла моя любовь внезапно, так и испарилась навсегда, ошеломлённо и обескуражено.

Возможность

Наталья Сафронова

Если прочитаешь, обидишься, наверное. А другие читатели, забредшие на страницу, будут чувствовать себя неловко, как будто случайно оказались на чужом свидании. Но я привыкла быть с тобой откровенной. И с тех пор, как расстались, ничего не изменилось, я по-прежнему выбалтываю тебе все, что приходит в мою непутевую голову.

В последнее время видимся с родными только на похоронах и поминках. Сестра срезала в саду пять гладиолусов, еще раз пересчитала могилы, загибая пальцы, кивнула: да, пять.

– Все на новом кладбище? – уточнила я.

Положили по цветку деду, бабушке и троюродному брату. Брат сгорел в машине при невыясненных обстоятельствах. Могилы стояли рядком, с редкими вкраплениями чужих. Нынешний год оказался урожайным у смерти, троих унесла. Тетя взяла два темно-сиреневых гладиолуса и положила на могилу мужа, сказала:

– А моему Сеньке два.

Дядя Слава остался без цветка.

– Митрофановы выпалывают цветы, которые мы сажаем. Как сорняки, – пожаловалась сестра.

222

Жена дяди Славы нашу родню не жаловала, мужа, впрочем, тоже. И даже после того, как дядя умер, все еще что-то с нами делила. Могила дяди Славы стала полем сражений. Тетя Зоя с дочерью сажали тюльпаны и бархатцы, а тетя Вика выкидывала их за ограду.

Когда сели в машину, тетя положила мне на плечо голову и сказала:

– Какая я стала, да? Какая была – и какая стала.

Я молча кивнула. Дядя Сеня всю жизнь носил свою Зойку на руках, пылинки сдувал. Он был ее все. И, когда на шестидесятом году дядя Сеня, который сроду не болел, неожиданно слег с инсультом, тетя Зоя так боялась его потерять, что не отходила от него ни днем, ни ночью. При этом утонченная, не державшая в руках ничего, кроме томика Ахматовой, тетя Зоя научилась ругаться с диспетчером в ЖЭКе, расплачиваться бутылкой с сантехником, жаловаться главврачу в поликлинике и делать уколы. Так они с дядей Сеней продержались десять лет. От пышнотелой тети Зои осталась половина, у нее болят суставы, вылезли вены на ногах, и ей кажется, что в зеркале она видит не себя, а незнакомую женщину с уставшим взглядом. Когда муж умер, тетя Зоя изводила себя вопросами, где она недосмотрела, к какому врачу не достучалась. Вспоминала, как однажды ночью, меняя Сене памперс, испачкала постель, не сдержалась и шлепнула его, и он плакал, повторяя:

– Ты била меня... ты меня била, Зоя!

Не больно шлепнула, но Сеня обиделся.

Здоровый и сильный Сеня вспоминался редко. А поверженный, плачущий, обиженный на свою Зою – часто. И хотела бы она, чтобы он был рядом сейчас? Хотела бы. Без Сени ничего не осталось. Была дочь, и были внуки, и навещали, и радовали, пока рядом. Но потом они уходили в свою жизнь, а тетя Зоя оставалась одна. Вернее, рядом с Сеней. И единственной радостью, иллюзией прикосновения к нему, были эти походы на кладбище. После смерти мужа тетя Зоя снова располнела, ходить ей было тяжело. На лето переезжала в поселок, в дом, доставшийся им от Сениных родителей. Свою долю в родительском доме Зоя оставила брату Славе, не стала с ними судиться, может, поэтому Виктория ее не жалуется. Не понимает, а все непонятное пугает. От страха и агрессия.

Автобус на кладбище уходил только со станции, но тетя Зоя брала клюшку и шла, торопиться ей некуда. Накануне пекла пироги, раздавала соседям на помин. В саду выращивала цветы, чтобы отнести на могилку, делила с ними свои думы о муже. Однажды встретила на станции Вику, вдову брата. Обожглась о ее ненавидящий взгляд, но все-таки спросила:

– Ты зачем цветы со Славиной могилы выпальываешь?

– Это сноха, – ответила Виктория.

– Так запрети ей, – потребовала Зоя.

– Сколько я за твоим братом дерьма вынесла, а теперь еще за цветами ухаживай, – усмехнулась Вика. – Сахарный диабет – это у вас семейное. Ты, смотрю, тоже раздалась вширь.

– У меня нет диабета, – испугалась тетя Зоя.

– Будет, – пообещала Виктория, развернулась и пошла по своим делам.

Тетя Зоя вернулась домой и подошла к зеркалу. Под глазами мешки. Устала, ночь почти не спала. Слушала, как мышь скреблась в темноте. Сеня ставил мышеловки, а Зоя мышей боялась и брезговала. Огородом тоже занимался Сеня, а Зоя развела цветы в палисаднике, сидела вечером на скамеечке с книжкой. Когда муж заболел, даже летом жили в городе, потому что больницу в поселке закрыли. Больных возили в город, некоторые по дороге умирали. Сеня тосковал по деревне, маялся в городе бездельем. Топтался бы на грядках, может, еще жил бы. И это тоже мучило Зою, из-за своих страхов лишила мужа единственной радости. Пока Сеня был здоров, они удивительно дополняли друг друга. Сеня обустроивал быт, пространство, в котором она жила. А Зоя не давала ему скучать. Она вносила в это пространство сумятицу беспорядочной сменой своих настроений, но и красоту, и душевность. И даже то, что она просыпалась среди ночи и нащупывала мужнину руку в темноте, и целовала благодарно и покаянно, обдавало его сердце теплом. Что он без нее? Ослик без погонщика, и какой смысл в таком существовании? Да никакого. Пусть Зоя будет рядом, тогда он будет знать, куда нести свой груз, а главное, для кого. А Зоя без мужа, как былинка в поле. Ветер гнет, она клонится. Но не ломается. Главное, что Сеня у нее был. Это ее корни. Она за него держится

даже теперь, когда муж умер. И плачет, и плачется. Но постепенно боль приглушается, а радость оттого, что он у нее был – остается. Он у нее – есть. Ей этого хватит надолго, до конца. Она с ним разговаривает, рассказывает ему – даже не каждый свой день, а всю общую с ним жизнь.

Мы вернулись домой, я помогла тете Зое выйти из машины. Усадила ее на скамейке под яблоней.

– Тихо здесь. Бывает, за неделю ни разу машина не проедет, – сказала тетя.

Мы с сестрой готовили обед.

– Приходится возить матери в деревню помидоры с огурцами, – усмехнулась сестра. – Так и не научилась выращивать овощи.

– Ей разве много надо? – спросила я.

– Appetit у нее хороший, – не согласилась сестра. – А детей с ней страшно оставлять. Как будто радуется, но как гостям. Ждет, когда уедем. Чтобы энергию на нас не тратить. Приезжаем раз в неделю.

Тетя вышла за калитку проводить нас. Мне показалось, что меня она обняла теплее, чем дочь.

Сестра вела машину, а я все оглядывалась назад. Тетя Зоя сидела на скамейке, смотрела нам вслед. А мыслями была уже далеко, с мужем. Я думала о том, что мы с ней похожи. Я, молодая, полная сил, живу прошлым. Я тоже всегда рядом с тобой. Ты жив, слава богу, мне не приходится ездить к тебе на кладбище. Но так далеко, как будто в прошлой жизни. А сегодня, навещая покойных родственников, неожиданно представила себе, как я распласталась на твоей могиле. И сколько раз представляла себе, как я умерла, а ты ко мне пришел. Я боюсь таких мыслей. Отчего они? От отчаяния. Только не обижайся, я не хочу тебе зла, ты же видишь, я тебе не мешаю. Это все ненастоящее. Если я умру, а ты придешь, я встану, чтобы увидеть тебя. Просто подсознание, наверное, ищет хоть какую-то возможность встречи.

Земля – Орион – Минтака. Свидание (55-словники)

Воз
Сергей Че

- До утра спорили...
- Тебя не послушали? Вот дураки!
- Я спрашиваю: вы поднимались выше деревьев? вас обнимали облака? вы мечтали о высоком?
- Зачем? – отвечают. Когда ты на высоте, можно больно упасть, – сказал первый.
- На высоте дышать нечем – кислород-то внизу, он тяжелее воздуха, – выдала вторая.
- Куда добро подевали?
- Я шарфик взял, остальное там осталось, если не украли...

- До утра спорили...
- Тебя не послушали? Вот дураки!
- Я их спрашиваю: где будут искать, если что? Конечно, впереди! Поэтому назад и в сторону оттащить – и все дела! Потом, когда всё уляжется, делай с этим что хошь: или сразу используй, или частями.
- Так куда добро подевали?
- Я сапожки мягкие взял, остальное там осталось, если не украли...

- До утра спорили...
- Тебя не послушали? Вот дураки!
- Я говорю: нечего светиться зазря. Концы в воду – и ищи-свищи. Ничего не знаю, ничего никому не скажу!
- Правильно! Воз, небось, неподъёмный?
- Мне бы махонького пескарика в помощь – быть тому возу в надёжном месте.
- Взяла что-нибудь себе?
- Колечко, я же девушка!
- И кто твои товарищи?
- Лебедь да Рак...

Улитки Футзи
Виктория Соловьёва

У каждой улитки Футзи есть мечта – встретить своего избранника на самой высокой горе. И они с детства готовятся к этому ритуалу. Со своим другом, Гдето Яма, договорилась встретиться не на самой вершине, а у раскидистой глицинии, про которую ей в детстве рассказывала бабушка. С собой Гдето Яма взяла небольшую голубую панаму. День обещал быть солнечным.

Ну, где же Гдето Яма, – думал Суко Тама. Нет никакой глицинии... Моя раковинка начала накаляться под беспощадными лучами солнца. Хочется пить, подумал Суко Тама, поправляя галстук на шее. Суко Тама начал точить камень, чтобы сделать небольшое углубление, вдруг упадёт капля неба.

Небо было огромным... Суко не видел, как приближалась грозовая туча, он просто точил камень.

226

Туча смотрела на гору и слёзы наворачивались у неё на глазах. Она достала платок и звучно высморкалась. Что за наваждение! Каждый раз одна и та же картина – тысячи улиток ползут вверх, и тысячи копошатся наверху. В этот раз у неё не было сил сдержаться, и она потоками обрушилась вниз, смывая всё на своём пути.

Земля – Созвездие Дракона. Шестой конкурс сказок и мифов

Легенда народа Эмати

Marara

Давно это случилось. Не было тогда ни земной тверди, ни дня, ни ночи: лишь звездное небо над безмерным океаном. Вошло в привычку у Солнца купаться в океане с дочкой Луной. Плавает Солнце в океане, а Луна поплескалась да и заняла: скучно, мол, ей – вокруг вода и ничего больше. Не знало Солнце, как унять капризулю. Разделило оно небесный свод на две части – себе и дочке. Черный гранит со своей половины раздробило Солнце на мелкие камешки и песок и высыпало в океан, а звезды к дочкиному куполу прикрепило, чтоб не пропали. Потому и небо вокруг Солнца всегда светлое, а вокруг Луны – черное, в звездах.

Так появилось в океане дно, но вышло оно неравномерным: где глубоко, где мелко, а где горки песка да камней над водой островами торчат. Но Луна этому лишь обрадовалась. Начала она из песка разные фигурки лепить: сперва попроще – рыб да черепашек, потом посложнее – птиц, зверюшек да человечков. Игралась она, игралась, да опять к Солнцу приставать: скучно, мол, – игрушки молчат и не двигаются. Плеснуло Солнце на них животворным огнем; зашевелились фигурки, запели, замычали, заговорили; забили кто ногами, кто крыльями. Так появились звери, птицы и люди.

227

Обрадовалась Луна новой забаве: начала свои живые куклы нянчить и учить тому, что сама знала; больше всего ей человечки понравились. Да и Солнце сперва благосклонно на все смотрело; обучило оно первых людей костры зажигать, пищу себе на них готовить и дикое зверье отпугивать.

А у Луны новое развлечение: содрала она звезды, которые раньше Солнцу принадлежали, раздробила и давай их в пещеры на островах прятать, а то и в землю закапывать. А люди их отыскивали, назвали самоцветами, стали из них бусы мастерить. Увидело Солнце на людях осколки своих звезд и разгневалось. Полыхнуло оно огнем; два-три острова стгоряча разрушило; но недосуг ему было в грязи колупаться и остатки звезд из нее выуживать. Посадило оно на каждый остров по огнедышащему дракону – небесное добро сторожить, а само за дочкой непослушной погналось. А та – наутек. Так с тех пор Солнце за Луной гоняется. Луна – шалунья: только Солнце за океан, она – в небо. И океан, как циновку на себя тащит, чтоб отца подразнить. Оттого в океане то прилив, то отлив.

И у нас на острове свой дракон жил. И чуть что, давай он реветь, как сотня ураганов, слюной огненной все вокруг заливать и людей пожирать! И столько

слез люди пролили по погибшим родичам, что вода в океане из сладкой стала горько-соленой. И никто не знал, как дракона усмирить. Но один мудрый человек сумел договориться с чудищем. Натянул он балахон с головы до ног, а на лицо маску, что страшнее, чем драконья морда, и сказал что он жрец – посланец самого Солнца. А может так оно и было, кто знает?

Перестал с тех пор дракон губить толпы народа, но взамен потребовал, чтоб приносили ему каждый год самую красивую девушку племени. Согласились с этим люди. Что жизнь одной, пусть самой красивой девушки, когда речь идет о спасении многих и многих? Так с тех пор и пошло: каждый год обходили жрецы всю землю острова и отбирали самых ладных девушек, не внимая ни слезам, ни уговорам. Выбирали из них лучшую из лучших; порой даже жребий бросали, когда находились две равные между собой красавицы.

Пал однажды выбор жрецов на Дочию – дочь вдовы Эмати. Связали жрецы несчастную; сунули в огромную корзину, унесли на ночь в хижину главного жреца, а сами вернулись к ритуальным кострам и танцам. Лежит Дочия одна в темноте, слезами обливается, недолгую жизнь вспоминает. А кто и как сможет ей, бедной, помочь? Вокруг хижины стоят на страже воины: никого кроме жрецов в их длинных одеждах и масках не пропустят.

228

И вдруг чувствует бедняжка: сдвигается крышка корзины, и кто-то разрезает ее пуги острым ножом. Слышит она голос своей матери: «Не плачь, доченька! Вылезай из корзины, и давай скорее меняться одеждой! На мне облачение жреца, я отдала за него все наши драгоценности женщине, убирающей эту хижину. Стража тебя в этом балахоне не узнает. Иди на берег. Там ждет тебя твой возлюбленный; садитесь с ним в лодку и плывите к самому дальнему острову; он – безлюден, и драконов там, говорят, нет. А я вместо тебя в корзину залезу.»

«Но матушка, – возражает Дочей, – тебя же дракон съест! Как я с таким камнем на сердце жить потом буду?! Да и хватятся тебя утром: пошлют за нами погоню.»

«Не думай о том, дочка!» – вздохнула Эмати, – «Больна я, недолго мне жить осталось. Не говорила я тебе, не хотела до времени омрачать твою юность. А тебе еще жить и жить. Да и кто меня хватится? Увидят, что хижина наша пуста, скажут: бросилась Эмати с горя в океанские волны. Беги же скорее!» Послушалась Дочей – убежала. А Эмати залезла в корзину и затаилась. Унесли ее жрецы на рассвете к самому логову дракона, а сами ушли восвояси: кому лишний раз охота с драконом встречаться?

Подполз дракон, стянул крышку с корзины. Смотрит, – перед ним женщина, не то, чтоб некрасивая, но немолодая: все волосы ее в белой пене лет. Рассердился дракон, заревел гневно: «Неужто в твоём племени никого красивее тебя нет? Или жрецы твои обмануть меня надумали? Уж я их сейчас проучу!»

Поняла Эмати, что открылся ее обман. Кинулась она в ноги чудищу: «Не губи людей дракон! Не знали они, что меня к тебе несут. Сама я, по неразумной своей материнской любви, подменила свою дочку в корзине. Не все ли тебе равно, кого съесть?»

Удивился дракон и спрашивает: «Что ж за чудо такое – любовь материнская, что человек за нее по своей воле насмерть идет?»

Растерялась Эмати. Как любовь материнскую словами объяснишь-опишешь? Стала она рассказывать, как она свою доченьку от рождения ласкала да пестовала, как молоком ее своим кормила да колыбельные ей пела. Дракону все эти обычаи людские – в диковинку. Драконихи детишек своих не балуют, колыбельных не поют. Попросил дракон Эмати: «Спой мне, женщина, колыбельную! Охота мне узнать, чего лишен был в малолетстве!»

Что Эмати было делать? Обняла она голову дракона, прижала к своей груди, как младенцев матери исстари к себе прижимают, и запела колыбельную, под которую Дочей засыпала. А дракон ее нежного голоса заслушался да и сам не заметил, как уснул. Так он до сих пор спит, а Эмати поет. Давно уж дракон окаменел, да и она сама в камень обратилась, а все самую высокую ноту тянет.

И земля наша с тех пор не трясется; и девушек у матерей никто не отбирает. И каждый год танцуют жрецы и женщины танцы в честь Эмати. И будет так, пока Солнце не догонит Луну.

Волк для Красной Шапочки
GP

– Бабушка, напеки пирожков! – Маленькая Анхен вбежала в комнату, подпрыгивая от охватившего её возбуждения. – Напеки и сложи их в корзинку! – Ты хочешь взять завтра пирожки в школу и угостить своих друзей? – Фрау Гертруда оторвалась от любимой передачи, идущей по телевизору, и серьёзно посмотрела на внучку. – Я очень рада, что у тебя появились друзья. Какая начинка им больше нравятся – грибы или малина?

– А вот и нет, а вот и нет, нет-нет-нет! Мне нужны пирожки с мясом. Я буду ловить на них волка! Сегодня на уроке герр Петтерсон рассказывал нам историю, как волк съел бабушку и Красную Шапочку за то, что ему не понравились их пирожки с капустой. И мне стало так грустно – волк просто хотел кушать, но ему сначала подсунули нелюбимые пирожки, а потом вообще разрезали живот. Я сказала герру учителю, что его история злая, и сам он злой, потому что придумал такую историю. А он почему-то рассердился на меня. Если у меня завтра будет корзинка с пирожками, то по пути в школу меня обязательно встретит волк и спросит, куда это я иду. И я скажу: «Милый волк, не хочешь ли ты пирожков с мясом? Угощайся, пожалуйста», а потом мы вместе пойдём в мою школу и покажем герру Петтарсону, что его история никуда не годится.

230

– Не очень-то сильно твой учитель соврал. – Откликнулась фрау Гертруда. – История, похожая на рассказанную вам учителем, действительно была, – я в детстве слышала о ней от своей бабушки, – но началась она не из-за пирожков, а из-за красного цвета шапочки, надетой на девочку. Никакие животные не любят красный цвет, но больше других он не нравится быкам и волкам. Они от красного цвета совсем теряют рассудок и делают поступки, за которые им самим потом становится стыдно.

– Вот я и хочу, чтобы герру Петтерсону стало стыдно, – воскликнула Анхен. – Кстати, бабушка, нет ли у тебя случайно для меня красной шапочки или, хотя бы, красной косынки?

– Видишь ли, моя дорогая, к поимке волка пирожками и шапкой надо основательно подготовиться. Ты хочешь всё скорее-скорее, но разве ты не знаешь, что спешить очень опасно. Помнишь, как фрау Марта позвала сына обедать? Он побежал, споткнулся и разбил себе коленку, и пока ему обрабатывали ранку, суп совсем остыл. Я подумаю, какой оттенок красного подойдёт лучше всего, и какого размера пирожки волку наверняка понравятся...

– Герр Хофманн, долгих Вам лет жизни и крепкой веры. – Фрау Гертруда, едва маленькая Анхен на следующий день ушла в школу, отправилась к пастору, прихватив с собой пару бутылок джина, настоящего на корне ириса. – Давно мы с Вами не делились новостями, да их и нет, по правде говоря, в нашем

тихом городке, зато у меня есть кое-что из старых запасов, чем я охотно с Вами поделюсь!

– Драгоценнейшая фрау, Ваши визиты всегда таинственны. В них есть какое-то колдовство, и мне, как служителю божьему, следовало бы опасливо к ним относиться. Но я вижу у Вас в руках некий эликсир, притупляющий голос благоразумия. Заходите, милейшая фрау, поговорим...

Солнце за окном устало взбираться вверх и решительно покатилося на закат. Пастор медленными маленькими глотками допил очередную рюмку и посмотрел на фрау Гертруду.

– В-вы ведь приш-ли ко мне не прррос-то так? – Наконец, запинаясь, проговорил он. – М-мне м-м-мно-гое дано, и д-для Вас Бог в мой-ом ли-ц-це ни в чём не откаж-жет...

– Вы правы, герр Хофманн, – откликнулась старушка. – Я знаю, неважно откуда, но знаю, что есть у Вас некая красная шапочка. Мне всё равно, как она к Вам попала – просто отдайте её. Мне она нужна для одного наиважнейшего дела.

– Я б-бы и рад помочь, – развёл руками пастор, – н-но не понимаю, о чём р-речь. В-ваши н-намёки м-меня огорчают, н-но считать, будто я х-храню чьи-то с-стар-рые тряпки совсем оскорбительно... Бог в мой-ом ли-ц-це...

Пастор тяжело поднялся из-за стола. Лицо его стало вытягиваться и покрываться шерстью, ногти на пальцах рук стали напоминать короткие кинжалы...

– Зря Вы узнали о шапке, дорогая фрау, – прохрипел герр Хофманн. – Это страшная тайна, и я не могу допустить, чтобы ей владел кто-то посторонний. Прежде чем убить Вас, объяснюсь – это был не я. Шапку спрятали в доме моей матери, когда я был совсем маленький. Но в этом не была замешана и мать...

– Дурак, – закричала фрау Гертруда. – это была я! Я покусала тогда твою мать и её бабушку за то, что они никогда не умели и не хотели учиться готовить вкусные пирожки, а угощали всех форменной отравой. И красная шапка – это вещь твоей матери. Отдай её мне – к чему ссориться таким старинным друзьям как мы? Я сильнее тебя, хоть и стала совсем старухой. Не вынуждай меня к превращению. Ты сегодня слишком пьян, и завтра ты всё позабудешь. Лучше садись, и выпей за своё и моё здоровье...

– Бабушка, бабушка, сегодня со мной происходили такие расчудесные чудеса!

– Маленькая Анхен вбежала в дом, подбрасывая красную шапку и ловя её руками снова. – Я шла по тропинке в школу через лес, несла в корзинке твои пирожки, а на голове у меня была та шапочка, которую ты мне вчера подарила. И вдруг из кустов вышел, как ты думаешь, кто? Настоящий волк. И он спросил, куда я иду и можно ли ему пойти со мной? А ещё, знаешь, он съел при герре Петтерсоне все пирожки и сказал, что про Красную Шапочку – это всё враки, а вот его – герра Петтерсона – он проглотит, если тот не извинится передо

мной. У тебя такой усталый вид, бабушка, словно ты сегодня много ходила. Ты же знаешь – доктор запретил тебе много ходить. Ты ложись, а я попробую приготовить нам обед – я знаю: у меня всё получится, как я хочу. Ведь получилось же мне пристыдить нашего учителя...

Голод Эриды Marita

Она родилась из яйца. Мать высидела ее, точно курица-несушка, черными, как мрак, посеребренными звездами перьями щекоча скорлупу, на краю бездны Тартара, водила чутко из стороны в сторону незрячими куриными глазами, пока яйцо леденело под ней, пропитываясь горько-черною желчью, пока, сделавшись хрупкой, как лед, не треснула под крылом скорлупа... пока сморщенное, хнычущее, не выбралось из-под скорлупы существо и не заплакало: «Есть хочу!»

И Нюкта-мать открыла клюв, и черное облачко пара вырвалось из него. И Тартар вздрогнул, осыпаясь в темноте невидимыми обрывками скал, и дитя протянуло в темноту руки – крошечные руки свежерожденного существа с острыми птичьими коготками. И отгрызало куски холодом стынувшей на губах темноты, и бросало их в рот, тонкий, как трещина в ледяной коре, и ело, не переставая, и не могло насытиться.

И Нюкта-мать смотрела на нее, качая серебряной от звезд головой, по-птичьи склонившись к дочери, и пела ей, на щелкающем, как удары клюва, ночном языке – о белом дворце олимпийцев, там, за пределами вечно длящейся ночи, и золотом отливающих яблоках в садах Гесперид. О теплых ладонях богинь, принимающих яблоки, и шерстью заросших кентаврах, пахнущих виноградным вином и застоявшимся потом. О воинах, подсекающих им лошадиные ноги, и ткацких станках земных дочерей, плетущих бесконечную нить из туманов над морем и птичьих криков...

И голод в груди, острый, как крошево льда, сделался совершенно невыносим, зубами вгрызаясь во внутренности ее, и Тартар молчал, вязко-стылою тьмой истаивая под языком, и, нахохлившись черными перьями, замолчала мать. Только звезды над ее головой, прозрачно-белые, вьюжные звезды вдруг сложились в клинок, и острие его указывало вверх, наружу, к солнечно-красным яблокам и топоту лошадиных копыт, к пиршественным столам, уставленным никогда не кончающейся снедью, и лазоревым взглядам богинь, улыбающихся ей, точно сестры, принимающих ее в свой круг.

Иди к нам, и мы насытим тебя, Эрида.

Просто иди к нам.

Их звали Аэдон и Политехн, и они любили друг друга так, как могут любить смертные, чья короткая жизнь тонко-спряденной нитью бьется между пальцами мойр, их бестрепетно-твердыми пальцами. Он плотничал, она ткала, и голоса их, сливаясь в единую песнь за работой, славили Зевса и Геру, и боги даровали им сына, и полный достатка дом, но белая, как туман, встала за порогом Эрида, и зубы ее стучали от голода, и липко-белесая пелена легла на глаза ткачихи и плотника, застив им богов и друг друга.

«Мы любим друг друга более, чем Гера и Зевс!» – сказал Политехн, похваляясь, и плотницкий топорик дрогнул в руках его, срезав кожу с ладони, и красные капли падали, словно дождь, впитываясь в землю, и Эрида клевала с руки ярко-красные ягоды, насыщаясь запретного, и, взмыв к небесам, шептала Зевсу на ухо окровавленным клювом: «Отдай их мне, о, Всемогущий! Слышишь? Слышишь?» И Зевс нахмурил кустистые брови, вглядываясь в Аэдону и Политехна, суетливо-черными муравьями мельтешащих где-то там, в подоблачном мире, и затянутые тусклой пеленой муравьиные души их... и протянул было палец, чтобы раздавить дерзких, просто и без затей, но Эрида взвыла под ухом его, и он отмахнулся – тартар с тобою, отдаю.

...Аэдон взяла в руки зеркало. Холодное, точно воды Стикса, оно отражало ее чуть бледноватые щеки – работницы, дни и ночи проводящей за ткацким станком, и бледно-дымчатой тенью стояла за спиною Эрида, тонкими, обледенелыми пальцами проводя сквозь отражение – глаз Аэдон, цвета зрелых олив во дворе ее дома, губ ее, алых, словно солнце, встающее над оливами. И Аэдон разомкнула молчащие губы, и позвала: «Политехн!»

И он пришел, в ладонях сжимая остроточеный резец, и слушал, мрачней, как туча, набирающаяся грозовой темноты, и Эрида хихикала, молнииво-белыми вспышками отражаясь в зеркальном окне, и Аэдон говорила – о том, что из двух искуснейших мастеров один все же искуснее, и что боги рассудят их в этом соревновании. Будет ли первым соткано ее полотно, или сидение для возницы, над коим трудится он, с последним взмахом резца обретет совершенный вид – решать Гере и Зевсу. И пусть проигравший не держит обиды, и дарит выигравшему рабыню... и черная, словно гроза, обида вспыхивала в груди Политехна, и тонким, как жало, змеиным языком Эрида облизывала пересохшие от голода губы, шептала под ухо: «Давай же! Давай!»

И не было смысла в этом споре, и не было достоинства в этой борьбе, двух одинаково лучших в своей работе, но острые зубы Эриды впились под сердце Аэдон, но жадные когти Эриды сжали грудь Политехна, и он ответил: «Согласен!», и Аэдон кивнула ему в ответ.

И, заливаясь птичье щебечущим смехом, Эрида покинула их, кружилась над головами, точно облако сизого дыма. Дым ел глаза Аэдон и Политехну, за дымно-раскидистой пеленой они потеряли друг друга, остался только челнок с натянутой нитью, паучье снующий меж пальцами Аэдон, остался серебряный блеск резца под пальцами Политехна.

Быстрее, быстрее, быстрее!

Резец высекал раскалено-красные икры, красным искрилась челночная нить, сквозь красно-сизое пламя Эрида смотрела в лицо Аэдон, в глаза ее, мутнеющие от усталости, в ее напряженно кривившийся рот. И голод жег, точно раскаленные на огне уголья, и, не в силах терпеть далее, Эрида схватила ее под локоть, мучнисто-бледной рукой, и нить полетела проворнее птицы, и работа была закончена первой, и Аэдон победила... и оставалось только ждать – черной, как подземный огонь, вспышки гнева в душе Политехна, раскалено-пламенного костра, выжигающего и благоговение перед богами, и тонкохрупкую любовь его к Аэдон, и уважение к дому ее.

И, свесив по бокам крылья, тронутые черной, подземною тьмой, Эрида ждала, затаившись под крышею дома, и мутно-красные отблески пламени плескались в ее бездонных зрачках. И красным, кровавым потоком хлынули в уши ее – крик сестры Аэдон, обесчещенной Политехном, крик сына Политехна, разрезаемого на куски Аэдон. Запах детской плоти, жарящейся на угольях очага, крики Политехна, связанного среди стада, полного мух, до неистовства изъязвляемого их игольно-злыми жалами. Крик отца Аэдон, поднявшего руку против собственной дочери, голос Зевса, раскатами грома с мутнеюще-черных небес...

«Есть хочу!»

И Эрида окунала ладони в красную, чавкающую под пальцами жижу, и, задыхаясь от жадности, ела, не в силах остановиться – теплое, пахнущее пламенем и медом, черпала полную горстью в свой вечно ненасытный рот, притупляя голод. И крики стихали в ушах ее, обращаясь в птичий, жалостный щебет, и мягкое крыло касалось ее вьюжно-белой щеки, будто прощаясь, они улетали прочь – невесомо-легкие тени, души выпитых ею до дна, а на смену им – шел новый голод и новые души.

...Иди к нам, Эрида, и мы насытим тебя.

Только иди к нам.

Это было царство лапифов, солнечным, жгуче-соленым ветром пропитанное царство на берегу моря, у подножия гор, вершинами своими вклевывающих в облака. Легкой, как облако, с облачно-белоснежной кожей, с вершины горы спустилась прекрасная Гипподамия, верхом на косматой спине кентавра, и солнце застило глаза царя Пирифея, в золоте ее волос заплутавшее солнце.

– Уж не с Олимпа ли ты?

И Гипподамия смеялась в ответ, хрустальным, колькольчиково-звонким смехом, и хрустальноликие боги улыбались ей с олимпийских вершин, благословляя грядущий союз – Пирифей и Гипподамии. И пиршественные столы накрывали лапифы во дворце Пирифея, и жарили дичь, и густое, как застоявшаяся кровь, медно-кислое вино разливали по кубкам...

– Есть хочу!

Мертвыми, ледяными ветрами Тартара повеяло в пиршественной зале – она стояла, укутанная в темноту, птичьи крылья свои сложив за спиною, словно чудовищный горб – Эрида, вечно ненасытная утроба, черная царица теней, и пепельно-серым подернулись щеки царя Пирифея, и грусть паутиной легла на смеющийся рот Гипподамии.

236

– Прочь, подлая! Тебе здесь не достанется и крошки! Обиду – вон!

Царь Пирифей топнул ногою, а Эрида открыла рот, полный острых, белоснежных зубов. И открывала все шире и шире, грозя поглотить собою пиршественный зал, и гостей, собравшихся в нем, и дворец, золотыми взглядами олимпийцев обласканный дворец царя Пирифея, а потом засмеялась – точно глыбы льда, скрежеща, бились о заснеженный берег. Точно пеплом усыпанные, дотлевали поленья в кострище. Точно камни падали в мертвую бездну Тартара, с шумом лопались в воздухе, не достигая дна.

И, стремительно уменьшаясь в размерах, исчезла – черной, сторбленной тенью закатилась под ножки стола, и царь Пирифей продолжил веселье, и лапифы поднимали кубки за здоровье царской четы, и кентавры, близкие по крови невесте, поднимали кубки за здоровье ее.

...У Эврителиона, кентаврьюго вожака, зачесалось копыто. Словно птица точила свой клюв, игольно-острый клюв о его заднюю ногу, возилась в темноте стола, распушив щекочуще-тонкие перья, и, зацепившись ногой за скамью, Эврителион чесал, раздирая болячку до крови, а зуд все не унимался, рос, багрово-

красными токами поднимаясь по ноге его к крепкому лошадиному крупу, к мужскому жезлу его, свисающему под ним.

Она показалась ему необыкновенно красивой – Гипподамия, невеста царя Пирифейя, в цветочном венке восседающая во главе стола, рука об руку с мужем. Острыми горными пиками вздымались груди ее под белоснежным хитоном, солнцем, прорвавшимся сквозь облака, сияли улыбки ее пирующим вместе с ней. Кровь молотом билась в заросших коричневой шерстью ушах Эвритиона, и он вскочил, копытами опрокидывая скамью, и, подхватив Гипподамию себе на спину, ринулся прочь из зала, сжираемый нестерпимым огнем, льдом обжигающим пламенем тартаровой бездны.

И, послушные ему, кентавры хватали себе на спины пирующих женщин, и мчались к выходу, унося на себе прекрасные и кричащие ноши, и воины с остроочеными мечами мчались за ними по пятам, и до крови рубили их быстрокрылые ноги, и копьями протыкали бока их, заходящиеся в лихорадке от быстрого бега... и в залитой кровью одежде Эрида летела меж них, черная, как смерть, Эрида, и сглатывала кровь людей и кентавров, не различая на вкус, и кровью притушала голода жгучие уголья.

– За щедрость твою благодарна, о, царь Пирифей! А теперь...

237

Он настиг Эвритиона у выхода, и, сдернув супругу с кентавршей спины, как бритвой, рубанул мечом – вверх-вниз и наискось, в обе стороны, срезая обидчику уши и нос. И теплые, парные ошметки – швырнул в темноту между опрокинутыми столами, черно-багровым грохотом рокошующую темноту. И, распахнув необъятные крылья, тьма открыла свой клюв, птичье-загнутый клюв, проглатывая подачку. И урчала сыто, нахохлившись иглами перьев, и остывающими искрами костра кровь вязла на кончиках их, и искры гасли во тьме, и вновь разгорался голод.

...Иди к нам, Эрида, и мы накормим тебя.

Лишь иди к нам.

Она называлась Фессалией, страна между Олимпом и морем, бескрайне-цветочный ковер под ногами, пропитанное птичьими криками небо – над головой. И не было под небом Фессалии, не было на ее бескрайней земле счастливее смертного, чем Пелей, царь этой земли, играющий свадьбу с богиней Фетидой.

Она появилась из пены морской, белыми, как соль, пальцами прижимая раковину к губам. Трубила, в окружении наяд и тритонов, собирая на свадебный пир, рыбохвостая, сереброглазая Фетида, и беломраморные носилки опускались к воде, и слуги несли будущую царицу на свадебный пир, и радужно били плавниками тритоны, и радуга семицветьем вставала над морем, плыла над вершиной Олимпа, дождями рожденная радуга.

И по цветущими под ногами ступеням они нисходили вниз, один за другим, приглашенные боги, спускались к горе Пелион, к беломраморным тронам своим. И Гера несла свадебный факел, огненно-рыжим пламенем рвущийся в облака, и Зевс, посаженный отец, брал под руку невесту, и пели вокруг них музы и мойры, и горное эхо пело в ответ... и, раскаленная пением, гора треснула, выпуская наружу черно-дымное облако, отдающее тьмой и подземною гнилью.

– Есть хочу!

Черно-серая мгла разлилась по лицам богов, черно-серая туча запрятала солнце, золотую короной светившее над головами их – она стояла среди олимпийцев, зябко кутаясь в тени, Эрида, не приглашенная на свадебный пир.

238

Острые, как поколотый лед, снежно-белые зубы ее впились в красно-рыжее яблоко, лежащее на столе, сладким соком пропитанный плод земли Фессалийской, впрыскивая кисло-горькую желчь. И, вмиг покрывшись ледяной чешуей, яблоко потеряло первозданную краску, сделавшись ядовито-желтым, точно змеиный глаз. Твердело, обрастая золотой броней, до самой сердцевины отравленное горько-змеиною желчью – яблоко раздора, прекрасное, точно яблоки земли Гесперид, с проступающей вязью «Прекраснейшей» сквозь золотом леденевшую кожуру.

Дзиннь!

Вырвавшись из-под крыльев Эриды, покатилося к ногам – Афродиты, Афины и Геры, божественно-белым, облачноподобным ступням их, одно на троих, прекраснейшей...

– Мое!

– Нет, мое!

– Нас рассудит Парис!

...Тенью в тени олив, Эрида таилась на ветке, поглядывая сквозь листву – как златокудрый пастух в пыльно-сером хитоне, смущаясь, смотрит в лица богинь, выслушивая обещания. Как белой молнией Зевса решительность вспыхивает в глазах его, как тянет он яблоко Афродите, как радость золотыми искринками пляшет под ресницами прекраснейшей из богинь.

И разрастаясь, головой в облака, ногами – к праху земному, она видела, глазами, подернутыми тьмой – Париса и Елену, рука об руку убегающих из дома Менелая, в яблонево-розовых лепестках, нежных, как касания богини любви. Менелая, скликающего корабли для похода на Трои, черным, тартаровым гневом пышущую душу его. Воинов на стенах Трои, отражающих атаки ахейцев, красные, как огонь, раны на телах их, теплой кровью парящие раны. Лошадь, собранную из корабельных досок, дымом покинутых костров пахнущего зверя пред воротами Трои, полую плоть его, отворившуюся в черную, воровскую ночь, ночь падения Трои, до краев залитую кровью, ночь, сгорающую в тартаровом огне... насыщающем вечно жадное чрево Эриды, сердце ее, черной трещиной во льду пробитое сердце.

Иди к нам, Эрида, и мы насытим его сполна.

Все будет по велению твоему – только иди к нам.

Эрида – богиня раздора в греческой мифологии, дочь Нюкты, ночи, родившаяся в Тартаре. Изображается с крыльями, похожая на гарпию.

Наиболее известные конфликты на ее совести:

- ссора супругов Аэдон и Политехна и их семей, все участники которой в итоге были превращены Зевсом в птиц;*
- драка на свадьбе Пириффея и Гипподамии, положившая начало войне между лапифами и кентаврами;*
- Троянская война, которая возникла из-за подброшенного ею богиням золотого яблока Гесперид.*

Земля – Созвездие Мухи. Третий конкурс абсурдизмов

Книжный червь прогрыз сюжетную дыру.

Людмила Кац

Буквоед подавился твердым знаком.

Людмила Кац

Дурак, даже в квадрате – всё равно круглый.

АлеХ

Самым популярным наступательным оружием года признаны грабли.

Марина Юнг

** победители в авторском зачёте*

240

АлеХ

Дурак, даже в квадрате – всё равно круглый.

Зебра – это лошадь, попавшая под жизнь.

Чтобы вас не грызла совесть, бросьте ей чужую кость.

Людмила Кац

Книжный червь прогрыз сюжетную дыру.

Буквоед подавился твердым знаком.

Не надо путать свиноделие с виноделием!

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Четвёртый конкурс рассказов о животных

Счастливой охоты

Джон Маверик

И угораздило его попасть в эту ловушку! Обычно от железнодорожной станции он ехал на автобусе, тошнотворно душном и тесном, ходившим по расписанию раз в полчаса. У Дениса не было своей машины, зато была юная жена и комната в доме ее родителей. Туда-то он и спешил с работы в конце каждого дня. Но летний вечер – еще прозрачный и светлый, налитый солнцем – выдался таким теплым, что ему захотелось прогуляться. Тем более, что идти предстояло всего-то ничего, каких-нибудь полчаса, если не следовать изгибам шоссе, а отправиться напрямик – по лесной дороге.

И он пошел, и не то чтобы заплутал... но молодой зеленый свет подкрашивал кусты столь заманчиво, а мох под елками казался таким мягким... что Денис, не раздумывая, свернул с тропинки. Он шагал по палой листве, обходя стволы и выдерживая направление. В голове у Дениса – и этим он слегка гордился – магнитная стрелка всегда указывала на север. Поэтому он без труда находил дорогу в лесу. Нашел бы и на этот раз. Но, замечтавшись, не заметил оградительных флажков. Под ногами его разверзлась медвежья яма, в которую он и свалился – причем весьма неудачно, так, что вывихнул лодыжку.

241

От резкой боли несчастный едва не потерял сознание. А когда пришел в себя, понял, что наружу выбраться не сможет. Он полусидел-полулежал на куче сухих веток, то проваливаясь в тревожную дрему, то со стоном распахивая глаза и вглядываясь в быстро темнеющий лоскуток неба. Солнечный свет сперва покраснел, протянулся багровыми тенями, как длинными пальцами, по дну ямы, затем ослабел и почти исчез. Осталось только слабое лунное серебрение и на его фоне – резкие, черные контуры деревьев. Больная нога распухла. Телефон разрядился.

Но вот луна поднялась выше и разгорелась ярче. В ее белом сиянии Денис увидел на краю ловушки склоненный силуэт – тоненькую фигурку с лохматой головой. Лесной дух? Этого еще не хватало! Лица он разглядеть не мог, но понял, что пришелец тоже всматривается в него. Денис оцепенел от ужаса.

– Ты умрешь здесь, в этой яме, – произнес дух голосом маленькой девочки. – Никто тебя не найдет.

Ребенок? Ночью в лесу? Денис ушам своим не поверил.

– Ты кто? – спросил он оторопело.

– Я – Диана.

– Ты что, потерялась?

– Это ты потерялся! – дерзко ответила девчонка и рассмеялась странным серебряным смехом.

– Диана, помоги мне, а? – попросил Денис. – Позови кого-нибудь на помощь.

Девочка склонилась ниже, почти переломившись пополам, и в темноте он увидел, как блестят ее глаза.

– Кого?

– Все равно, кого-нибудь из взрослых.

– Но за это ты отдашь мне то, чего дома не знаешь!

Денис вздохнул.

– Сказок начиталась? Ладно. Отдам. Только ты поторопись, хорошо?

– Договорились, – сказала девочка и скользнула прочь, а Денис остался изумленно протирать глаза, гадая, не пригрезилось ли ему диковинное создание, и вспоминать, а чего он, собственно, не знает у себя дома.

Нет, понятно, что ребенок просто играет. Но... наверное, виной тому были ночь, холод, луна и боль в ноге, однако Дениса не покидало чувство, будто он только что заключил сделку с дьяволом. Что там произошло в оригинальной сказке? Охотнику пришлось отдать бесу то ли дочку, то ли сына... Но Денис только сегодня утром ушел на работу, уверенный, что жена его – не на сносях. Может быть, теща? Да нет... Она, пожалуй, старовата для такого.

А что же тогда? Может, кто-то из домочадцев выиграл в лотерею? Или купили что-нибудь дорогое? Новую мебель? Автомобиль? Да пропади оно пропадом – жизнь дороже. А вдруг кто-то из родственников погостить приехал? Господи, да о чем он думает! Конечно, девчонка играла! Но луна... ночь... и лес неприступной стеной вокруг – не ласковый и солнечный, знакомый ему с детства, а чужой, враждебный.

Не прошло и часа, как появились люди и Дениса вытащили из ямы. Той же ночью к нему в больницу примчалась заплаканная жена Влада.

– Что случилось? Куда ты пропал? Что с твоей ногой?

– Ничего страшного, – ответил Денис и погладил ее по щеке. – Провалился в звериную ловушку.

Влада немного успокоилась, но продолжала вглядываться в его лицо.

– Что-нибудь не так? Я вижу – что-то не так!

Денис тряхнул головой.

– Все так, любимая. Переволновался – только и всего.

– Не ходи больше через этот страшный лес, – попросила жена и, совсем успокоившись, хвастливо добавила. – А у меня для тебя сюрприз!

– Какой сюрприз?

– Увидишь! Тебе понравится!

Он больше не строил догадки. Но под сердцем калачиком свернулся страх.

Впрочем, сюрприз оказался и в половину не таким ценным, как опасался Денис. А если сказать по правде, он совсем ничего не стоил.

В их комнате, на подстилке из старой тещиной кофты, спал крошечный черно-белый щенок. Смешной миниатюрный собачонок самой что ни на есть «дворянской» породы, с висячими ушами и разноцветными передними лапками. Одна – до половины черная, другая – полностью белая. При взгляде на него Денис облегченно выдохнул.

«Господи... Дворняга! Да таких в каждом приюте... Бери – не хочу. Пусть приходит Диана или кто она – отдам с радостью». А Владу спросил:

– Откуда он у тебя?

– Подбросили. Хорошая, правда? Это девочка. Давай назовем ее Сильва?

– Прекрасное имя, – одобрил Денис.

О странной встрече в лесу он не рассказал жене ничего.

Шло время, и собачка подросла. Она так и осталась некрупной – Денису по колено – зато оказалась доброй и привязчивой. И очень умной – Влада всего два раза сходила с ней на площадку, и Сильва уже знала все команды. Да что там. Она как будто читала мысли. Стоило кому-то загрустить или почувствовать себя одиноким – и черно-белая собачонка уже тут как тут, лижет руки, заглядывает в глаза, виляя тонким, в колечко закрученным хвостом. А когда Денис сидел, задумавшись, положив подбородок на сцепленные в замок руки, она лежала у его ног, боясь шелохнуться и потревожить хозяйский покой. Ее не приходилось даже выгуливать – только открыть входную дверь. Сильва сама уходила и сама возвращалась. Где она бегала, никто не знал. Но соседи на нее не жаловались. Скоро супруги забыли, что Сильва не человек. Их просто стало трое. А через пару лет – четверо, потому что холодной февральской ночью у них родилась дочка – Яна.

Хрупкую голубоглазую малышку с волосами, мягкими, как одуванчиковый пух, обожали все. Влада в девочке души не чаяла. Про бабушку и дедушку – и говорить нечего. Счастливее людей не нашлось бы, наверное, во всем поселке. А из Сильвы получилась отличная нянька. Собачка буквально не отходила от детской кровати, чутко сторожа сон своей маленькой хозяйки. Стоило младенцу проснуться и заплакать – она с громким лаем неслась на кухню, призывая Владу. Когда Яна чуть подросла и начала ползать, Сильва ее охраняла, не давая переползать порог и тянуть в рот мелкие игрушки. Даже первое слово, произнесенное малышкой, было не «мама» и не «папа», а «соба си», то есть «собака Сильва».

А что же Денис? Его как будто подтачивала изнутри какая-то глубинная печаль. Только что он радовался, глядя, как дочка с Сильвой разбрасывают по комнате разноцветные резиновые мячики или вместе ловят жуков во дворе. И тут же, как тень на солнце, набегало воспоминание. Девочка, лица которой он так и не разглядел, склоняется над ямой. Ее резкий черный силуэт на фоне лунного неба. И девчачий голос: «Отдай мне то, чего дома не знаешь».

Отдай, сказала она... Но ведь он не отдал. А разве с детства его не учили возвращать долги? Он обещал – пусть какую-то нелепость и не известно кому. Ребенку в игре... Но чем больше Денис раздумывал о случившемся, тем меньше оно казалось ему игрой. Первое время он выспрашивал соседей, у кого есть маленькая дочка по имени Диана? Ну, или может, не Диана, а как-то похоже? Но никто не знал такую. Он присматривался на улицах к играющим девочкам – и на него начали с подозрением коситься односельчане. Иногда, глядя в полные обожания собачьи глаза, Денис испытывал странное чувство.

Будто любовь эта краденая. Он точно присвоил себе нечто чужое, ему не принадлежащее. Это была не его собака. Возможно, и не его дом. Не его дочка, не его жена... Он словно угодил в какую-то страшную сказку и жил не своей жизнью.

Он лежал ночью без сна. Собачка уткнулась мордой в стиб его локтя и тихо сопела, безмятежная, как ребенок. Денис чувствовал ее горячее дыхание на своей руке, а свободной рукой гладил мягкие завитки собачьей шерсти. У Сильвы было собственное место для сна, но чаще всего она спала или с Яной, или забиралась в их с Владой постель. Всем телом ощущая это теплое, любящее существо рядом с собой, он думал: «Каким же я был глупым! Боялся за новую мебель, за выигрыш в лотерее... Жизнь можно выкупить только жизнью. И нет цены другой... Я предал их всех – Сильву, Владу, Яну... Какое я имел право – обещать чужую жизнь в обмен на свою?» Ему было мутно, и горько, и жутко.

Однажды Денис не выдержал и, отчаянно стесняясь и робея, поделился своими тревогами с женой. Он боялся, что Влада будет смеяться над его страхами. Но та выслушала мужа очень серьезно и, как только он закончил, спросила:

– Так чего же ты боишься? Что эта... Диана... заберет у нас Сильву?

– Я не знаю, – признался Денис.

– Но зачем? Щенка дворняги можно взять совершенно бесплатно... и воспитать так, как хочется. Зачем возиться с чужой взрослой собакой?

– Ну как ты не понимаешь? Любовь, верность, преданность – разве это бесплатно?

– А разве нет? Все эти вещи нельзя купить за деньги.

– Я не о деньгах, – поморщился Денис. – Может быть, идея в том, чтобы отнять что-то для нас дорогое. Сильва дорога нам. И Яна. Мы тоже дороги друг другу. За все в мире приходится платить. За право жить и любить, и растить ребенка, и принимать любовь животного...

Влада помолчала.

– Эта Диана, – сказала она, наконец, – показалась тебе злым духом?

– Не знаю, добрым или злым. Она показалась мне ребенком.

– Так почему ты ждешь от нее плохого?

– Может быть, она не ребенок, – задумчиво произнес Денис. – Возможно, ее настоящее имя судьба. Или рок. Злой рок – так всегда говорят. Может ли он быть добрым? Наверное, нет. Я взял у злой судьбы займы – и не могу отдать. Вот что я сделал, Влада.

Его жена вздрогнула.

– Что ж. Если это так... То пусть лучше возьмет собакой. Чем кем-то из нас.

– Но Сильва... Милая, добрая, смешная... Я не хочу ее отпускать. И что мы скажем Яне? Она любит Сильву. Но еще не понимает слова «смерть».

– Рано или поздно Сильва уйдет от нас, – твердо заявила Влада. – Собаки живут не долго. Что ты скажешь Яне?

Денис неловко пожал плечами.

– Я скажу, что она ушла в страну вечной охоты. Пусть сейчас она ловит только жуков и стрекоз. Но ведь собаки – прирожденные хищники. Страна вечной охоты – неплохо звучит. Правда?

– Да, – согласилась Влада. – Неплохо. Так и скажи.

– Пойдем спать, – предложил Денис и обнял жену. – Я поговорил с тобой и мне стало легче. Спасибо тебе!

Ему и в самом деле полегчало после этого разговора. Не то чтобы в его мире что-то изменилось. Семья жила все так же, погруженная в свои маленькие радости и заботы. И невыполненное обещание по-прежнему камнем лежало на сердце. Но словно некая пружина ослабла в душе и распрямилась – на место беспокойства пришло смирение. Денис просто жил, не заглядывая в будущее и не вспоминая прошлое. И – ничего плохого не случилось.

Сильве шел уже пятнадцатый год. К старости она ослепла – оба глаза затянулись бельмами. И почти оглохла. Последние дни собачка совсем не вставала со своей подстилки, даже ходила под себя. Домочадцы слонялись по комнатам, как тени, измученные и удрученные, готовые к неизбежному. У Яны, только начавшей из угловатого подростка превращаться в симпатичную девушку, под глазами залегли черные круги. Она перенесла свою любимицу к себе в комнату и практически не спала, ночи напролет прислушиваясь к хриплому собачьему дыханию.

А Денис, бреясь утром перед зеркалом, тщетно смигивал слезы... и в слезах его отражение вдруг мутно расплылось, сделавшись неузнаваемым и чужим. И тонкий голос у него над ухом произнес:

– Эй! У тебя есть что-то мое!

Дернувшись от неожиданности, Денис порезался.

– Дай ей спокойно умереть! – чуть не вскрикнул он. – Ты, кем бы ты ни была... Зачем тебе старая, больная собака?

Зеркало прояснилось, прилежно скопировав его испуганное лицо.

Той же ночью ему приснился удивительный сон. Вернее, самого сна Денис не запомнил и даже не до конца осознал, но вскочил, как сомнамбула, и, как был, полуодетый, бросился в комнату дочери. Подхватив на руки чуть живую Сильву, он погрузил ее в машину – и поехал, сам не понимая – куда, ведомый странным ночным видением.

На перекрестке стояла девушка, высокая и худая, одетая в короткую тунику и с охотничьим ружьем в руке. В ее распавшихся по плечам рыжих волосах лунный свет протоптал хрустальные дорожки. А лицо сияло такой чудесной красотой, что у Дениса перехватило дыхание. Он резко затормозил и, распахнув дверцу, вышел из машины.

– Я – Диана, – сказала девушка.

– Богиня Диана!

– Ты что, язычник? – засмеялась она. – Нет, просто охотница. Ты пришел отдать мое – мне.

– Но... – смутился Денис. – Я не понимаю, зачем. Для чего тебе слепая, умирающая собака? Она не доживет и до утра.

И снова Диана рассмеялась – тихим серебряным смехом.

– Это кто тут слепой? И кто умирает?

Оглянувшись, он увидел, как из машины выскочила Сильва. Резвая, как щенок, черно-белые уши летят по ветру, в глазах полыхает юный огонь... Закрутилась вокруг Дениса, лизнула его в руку, а потом, словно влекомая какой-то неведомой силой, направилась к Диане. В скользком свете луны собачье тело вытягивалось, делаясь выше и тоньше. Хвост распрямился. И вот уже стройная борзая села у ног своей новой хозяйки.

Диана благосклонно кивнула и потрепала Сильву по холке.

– Мы в расчете, – сказала она Денису. – Живи спокойно. А я не обижу твою подругу.

И с этими словами они обе повернулись – девушка и собака – и зашагали прочь по лунному шоссе, становясь все меньше и меньше и словно растворяясь в голубоватом сиянии.

– Счастливой охоты! – крикнул Денис им вслед.

Но они не услышали.

Появление Киса

Marara

– Помнишь этот дом, Иточка? Мы тут жили недавно, – сказала я своей пятилетней дочурке, проезжая по своей – недавно – улочке, – А какой домик тебе больше нравится: новый или старый?

Вопрос был риторическим; в новом домике была личная комната принцессы со стенами, окрашенными в нежно-розовый цвет, собственным шкафом для игрушек и шелковыми сиреневыми занавесками, на которых улыбались феи из любимых Иточкиных мультфильмов. Свою уже взрослую кроватку из золотистой древесины облегало покрывало с такими же принцессами; если нажать на какую-то скрытую под тканью кнопочку, раздавалась нежная музыка, покрывало начинало мерцать наподобие ёлочной гирлянды. Иткина комната была самой нарядной и уютной во всём доме, но даже моя, не блиставшая подобными чудесами, вызывала у меня ощущение непроходящей эйфории.

– Старый домик! – буркнул в ответ мой золотой ребёнок, и маленький подбородок горестно вздрогнул, – В старом домике – Любочка.

И я тут же припомнила, что единственным членом семьи, противившимся переезду в новое только купленное жильё, была именно моя дочка. Причем повод, вызывавший ее нежелание, был по нашим с Аркадиям представлениям смехотворным: сердце малышки пленила немолодая уже кошка соседа, периодически заходившая к нам в гости и снисходительно позволявшая ребёнку с ней возиться. Чтобы сломить неожиданный, но стойкий бунт, мы с мужем накануне отъезда наперебой сулили маленькой мятежнице золотые горы, но смирилась она лишь после обещания о своей, ждущей её на новом месте кошечке. Кошечке, которая не будет никуда от неё уходить, и будет спать рядом, в соседней комнате, а не у соседа.

Ребёнку сгоряча можно пообещать и луну с неба: он всему поверит; для него и обыденная жизнь – еще сказка, но приучить малышку держать обещания, нарушая собственные – невозможно. Наверное, именно так подумал мой муж, когда я вечером сообщила об уже принятом и хорошо обдуманном решении ехать завтра за кошкой. По мгновенной чугунной неподвижности всего его тела, по тяжёлому молчанию и нежеланию взглянуть мне в глаза, я прекрасно поняла, что затея не кажется ему особо привлекательной: кошек мой муж не любил и визиты Любочки терпел разве что ради ребёнка. Но он обещал, и обещание приходилось выполнять. Оставалось лишь найти кошечку.

С экрана компьютера на меня глядели десятки милых кошачьих рожиц самых разнообразных расцветок, но речь шла о выборе нового члена семьи. Вряд ли

кто-то выберет мужа или приемного ребенка по фотографии, – подумалось мне, – на кошечку нужно сперва посмотреть, её нужно погладить, а вдруг она не глянется моей девочке? По счастью выяснилось, что на рынке неподалёку какая-то женщина продаёт кошек, притом двухмесячных – идеальный возраст для приобретения котят, как утверждал всезнающий гугл. Их у неё несколько, можно выбрать, можно отказаться от покупки, если не понравится, котята уже привитые и чистенькие, а что еще нужно для полного счастья?

Учитывая полную свою невежественность по части котов, утром я собрала небольшую комиссию экспертов. В нее вошла любимая учительница Иты по рисованию, – тётя Лена, у которой в доме жили целых две кошечки, и мой папа, котов обожавший и выхаживавший котят в его ещё послевоенном детстве. Мало того: на рынке мы случайно встретили мою сестру с племянницей Лоттой, которая, по стойкому убеждению моей дочки, была непререкаемым экспертом во всём на свете, и они к нам тут же охотно присоединились.

Продавщица сидела на небольшом складном стуле у колоннады из клеток с животными. Как выяснилось, все кошечки были котами; девочек-кошечек тётка на продажу не принесла. Итка, как и ожидалось, тут же прикипела к белому в серых пятнах, – маленькой реинкарнации ее любимой Любочки; мне с Лоттой больше понравился рыже-полосатый, и Лотта с непререкаемым апломбом тут же начала объяснять моей малышке, уже прижавшей к груди бело-серое пушистое сокровище, почему рыжий котёнок лучше. Но я, хоть сердце моё полностью было на стороне племянницы, решила всё же взять Иткиного – это же она выбирала для себя котёнка.

Продавщица благосклонно кивнула, взглянув на котика на руках малышки, и лениво любопытствовала, какого второго кота мы берём.

– Какого второго? – озадаченно переспросила я, – Мне нужен один котёнок!

– Одного котёнка я не продаю, – невозмутимо ответила продавщица, – я продаю лишь пару. Иначе котик будет «фил лонли» (чувствовать себя одиноко).

– Если я куплю двух котиков, то я буду чувствовать себя одиноко, – мрачно ответила я, представив себе лицо Аркадия при моём появлении с двумя котятами, – меня муж из дому выгонит.

Но тётка упёрлась, и даже вмешательство моей сестры с её прекрасным английским и умением договариваться, не помогло. Единственно что, продавщица порекомендовала нам зайти в парк неподалёку, – его на сегодня облюбовал местный приют для продажи своих животных; может там мы и найдём нужного нам зверька.

Оставив папу беседовать с сестрой, я потащила свою, расстроенную потерей приглянувшейся кошечки, дочку и заметно приунывшую тётю Лёну в соседний парк. До парка нужно было идти три квартала по раскалённому калифорнийским солнцем асфальту, и ребёнок отчаянно ныл, просясь на ручки. Лёна очень помогла мне, пристыдив моё огорчённое чадо: мама мол ищет кошечку для тебя, а ты сама идти не хочешь! И девочка шла своими ножками вплоть до самого парка. В парке стояло несколько клеток. Какие-то из них были уже пусты, в нескольких тявкали собачки, а кошачьих было лишь две. В одной, как меховое мохнатое торнадо крутился маленький пушистый котёнок, во второй лежала пепельно-дымчатая двухмесячная красавица-кошка и лениво следила за нами изумрудными блестящими глазами. Я тут же предложила Итке именно её; котёнок, на мой взгляд, был гиперактивным; у меня закружилась голова лишь при взгляде на него. Нам охотно вручили кошечку в руки, заверив, что она хорошо воспитана, не кусается и не царапается, и я, оставив своё сокровище сюсюкать над новой питомицей на попечение тёти Лёны, направилась к столам поодаль, оформлять покупку. Отбиться от предложения взять бесплатно ещё и котёнка, (у них видите ли нынче сэйл!) тут было куда легче. Но кошечку в руки нам отдавать наотрез отказались: в приюте отдают лишь выхолощенных животных и красавице предстоит операция. Причём, почему-то клиника, где животных оперируют, находится в двух часах от моей работы, и работает лишь в будни, как и я. А мой лимит отгулов и отпрашиваний с работы к тому времени был давно исчерпан; терять работу ради поездки за кошкой я никак не могла.

Отодрав уже полюбившуюся несостоявшуюся питомицу от груди моей несчастной дочки, мы побрели назад к рынку. Горе моей крошки было настолько велико, что я едва передвигала ноги, придавленная его тяжестью, – на сей раз зарёванную девочку вместе с её горем мне пришлось тащить на закорках, никакие увещевания тёти Лёны не помогли. Я с извинениями о бесплодно проведенном дне отвезла художницу к ней домой и отправилась с Иткой к родителям. И, пока мама кормила свою внучку, объясняя, что кошечка – не главное в её жизни, я присела к их компьютеру, открыв гугл. Приют брошенных хозяевами животных должен был быть, по идее, недалеко от парка. Солнце, правда, уже садилось....

В шелтер (приют) мы приехали за полчаса до его закрытия. Из большого полутёмного помещения, чем-то напоминающего вокзал, нас направили в маленькую комнатку кошачьих, заставленную клетками от пола до потолка. В каждой сидели или лежали кошки; большею частью уже взрослые. Некоторые жалобно мяукали, какие-то недовольно шипели. Мне запомнился огромный потрясающий кот в клетке у самого входа; не будь рядом Итки, я бы непременно взяла именно его. Старым животным трудно подыскать хозяев, и

их усыпляют в первую очередь. Но мы хотели маленького котёнка, причём девочку.

Как ни странно, девочек и тут было не много; похоже, матушка природа заметно дискриминировала женский пол: в царстве зверей девочки-кошечки почти не появлялись. А может, их разбирали быстрее, в расчёте на примерное поведение? Так или иначе, работница подвела нас к клеткам в самом центре.

– Девочка-кошечка у нас есть только здесь, – сказала она, вытаскивая зажмуренную кроху из клетки, которую та делила с двумя другими котятами, – будете брать?

Кошечка оказалась трехцветной; поперёк ее бурой мордочки растекалось неровное рыжее пятно, явно уродовавшее это маленькое создание; кошечка вызывала щемящую жалость, но долго глядеть на нее не хотелось.

– Других кошечек у Вас нет – осторожно спросила я, бросив быстрый взгляд на приунывшую дочку, – желательны, белых с серыми пятнами?

– Других девочек нет, – угрюмо ответила работница, – есть мальчики.

Она вытащила из той же клетки тощего белого лупоглазого котенка с прозрачными розовыми ушками.

– Берите, он – наполовину сиамский! Почти породистый!

Услышав слово «сиамский» я отчаянно замотала головой: в юности я слышала, что сиамские коты не очень добры к детям, а компьютера рядом, чтоб проверить это утверждение, у меня не было.

– А можно, мы этого посмотрим? – спросила я, тыкая пальцем в третий меховой комок за спиной разноцветной кошечки-девочки.

– Этого рыженького? – удивилась работница, – Это тоже мальчик. Если хотите рыжего, возьмите вон того, сверху; он из семьи, которую мы знаем. А этот – уличный; никто не знает, что он унаследовал!

И она потянулась к клетке повыше, где весело возились другие котята. Один из них, самый шустрый, был тут же извлечен и вручен мне в руки; он, похоже, совсем меня не боялся. Я неосторожно поднесла его поближе к лицу, чтоб получше рассмотреть, и разбойник тут же очень больно цапнул мою щеку своими острыми зубками. Возможно малыш просто приветствовал меня и приглашал поиграть, но я плохо разбиралась в кошачьих играх и едва не уронила его на пол.

– Так Вы хоть кого-то сегодня брать собираетесь? – недовольно спросила работница, водворяя шалуна обратно в клетку, – Мы закрываемся через 15 минут!

Бросив быстрый взгляд на покорно-печальное личико дочки, я указала на отвергнутого было уличного:

– Покажите, пожалуйста, вон того!

Через минуту крохотный полосато-рыжий котёнок, не шевелясь, сидел у меня на ладони и настороженно вглядывался во всё вокруг своими желто-

зелеными глазками. Эта напряженная сжавшаяся фигурка напомнила мне повадку моей родной дочки, попавшей в незнакомую обстановку: она тоже сжималась в комок и старалась спрятаться в какой-нибудь угол, наблюдая оттуда за играющими вокруг детьми. Сходство в поведении было таким явным, что отдавать малыша обратно мне уже не хотелось. Но основное решение было за дочкой, ведь именно она выбирала кошечку для себя,

– Как он тебе? – спросила я, поднося ладонь с котёнком поближе к ребёнку, – Он – не девочка и не белый, как Любочка, но, по-моему, он – довольно милый? – А это будет мой, совсем мой котёнок? – тихо спросила Ита, и горестная безучастность в ее глазах уступила место робкой надежде, – мы с можем взять его к нам в новый домик?

– Сможем, но возможно не сразу, – пробурчала я думая, о предстоящих формальностях, – посмотрим ещё.

Дочка расцвела.

– Лотта сказала, что рыжий – лучше белого, – доверчиво щебетала она, идя со мной в основной зал, – я буду его любить, он будет со мной играть!

Подойдя к столу, я уверенно отвергла привычное уже предложение взять по сэйлу второго котёнка в нагрузку к уже выбранному и направилась к кассе.

251

– Как назовём котёнка? – спросила я мою дочку, пока в окошке заполняли бланки на покупку.

– Тайгер – решительно сказала Итка, – я назову его Тайгер (тигр)!

Как по мне, заморыш, которого мы брали, походил на тигра не больше, чем я на Билла Клинтона, но спорить я не стала, и регистраторша заполнила соответствующую графу.

Котёнка уже принесли, и клетку с ним поставили на стол рядом с другой, огромной, в которой заливалась звонким лаем какая-то собака. Малыш сидел неподвижно, как статуэтка, не сводя глаз с грозного чудовища, которое могло легко разорвать его одним движением лапы. Он не пытался ни выгнуть спинку, ни зашипеть; просто напряженно наблюдал за псом, и я представляла себе, что творится в крохотном кошачьем сердечке.

– Привезли? Где он? – напряженным голосом спросил муж, и я вручила ему картонную коробку-переноску; Аркадий мгновенно ее распаковал и по губам его расплзлась неуверенная трепетно-тёплая улыбка, из-за которой я когда-то согласилась стать его женой, – А он – красивый! Смотри, у него полоски на боку сливаются в сердечко!

Я лишь кивнула и, оставив на попечение мужа дочку, срочно помчалась в ближайший зоомагазин за консервами, лотком и прочими прибабасами, без которых порядочные американские кошки свою жизнь себе не представляют.

Когда я вернулась, навьюченная нужными и ненужными пакетами, глазам моим предстала идиллия: на диване сидел муж, и, бережно придерживая разомлевшего после всех переживаний котенка левой рукой, правой нежно почёсывал его за ухом. Дочка, прижавшись к нему, тоже гладила котёнке по головке своим нежным пальчиком и что-то тихо приговаривала. Забытый всеми телевизор, отчаявшись привлечь к себе хоть чьё-то внимание, громко вещал о чём-то в пустоту, и я, выключив бесполезно работавший электроприбор, весело спросила Иту:

– Ну что, пойдём устраивать Кису гнёздышко?

– Его зовут Тайгер, – встрепенулась дочка, – я назвала его Тайгер!

– Ну да! – беспечно кивнула я, – его зовут Тайгер. А тебя зовут Итана. Но ещё тебя зовут Итана Рэйчел; в Америке у всех по два имени. А нашего котика зовут Тайгер Кис. Очень красиво, по-моему!

Так в нашем доме появился Кис.

Решение Ольга Клен

Волчица Тея с гордо поднятой головой покидала общий сход стаи. В спину, словно пули, втыкались взгляды соплеменников. Тея с трудом сдерживала нервную дрожь во всех четырех лапах. Здесь не принято показывать слабость. Сход имел прямое отношение к ней, вернее, к ее младшенькому, доброму и нежному волчонку Рею.

История эта началась с большой и чудесной любви между нею, молодой волчицей и прекрасным волкодавом Рэтом. Однажды он спас Тею от охотников, проведя ее между красными флажками. Потом они часто встречались. Тея ждала любимого на опушке леса, а он мчался, огромными прыжками сокращая расстояние между ними. Весело гоняясь друг за другом по взгорьям и низинам, они всегда отдыхали под большими лапами старой ели, свернувшись общим калачиком.

В положенное время Тея родила четверых очаровательных волчат. Счастье поселилось в жизни молодой мамы. Единственное, что омрачало, так это косые взгляды старейшин стаи. Дело в том, что младшенький сыночек Рей родился с белым пятнышком в виде сердечка на груди. А это – доказательство ее преступления. Для всех. Только не для нее.

Для Теи это белое пятнышко было доказательством любви.

х х х

Прошел год, и сегодня сход вынес свое решение. Оно могло быть самым разным. За связь с собакой Тею могли выгнать из стаи. Могли приговорить к изгнанию Рея. А это, что одно, что другое, обозначало медленную голодную смерть. Но вожак был, как всегда, мудрым и принципиальным. Решение его одновременно и опечалило, и обрадовало Тею:

– Годовалый Рей является по своему происхождению и собакой, и волком. Значит, он должен узнать жизнь и тех, и других. Завтра Рей покинет волчью стаю и отправится к людям. Если через месяц он не вернется, будем считать его собакой. Решение принимается один раз и пересмотру не подлежит.

Тея покидала сход, краем уха улавливая осуждающий шепоток, краем глаза констатируя любопытные взгляды, но только одна мысль билась под ее аккуратным черепом: он останется жив!

х х х

Первый луч солнца рассеивал темную, звездную ночь. Тея просталась с любимым сыном на том же месте, где всегда ждала его отца. Конечно, она снабдила его кучей советов, а также своим незабываемым для Рэта запахом, чтобы он ласково принял сына. Кому как не отцу, помочь ребенку на первых порах?

Встреча с отцом произошла ожидаемо. Сначала порычали предупреждающе друг на друга, показывая клыки и поднимая шерсть на загривках. Потом ветерок подул в сторону Рэта, и волкодав уловил любимый запах Теи. Сын был так похож на нее, только белое пятнышко – от него.

Знакомство с людьми оставило неприятное ощущение. Рей никак не мог найти логическое объяснение, зачем привязывать на цепи таких преданных собак? Зачем ограничивать их свободу, кому от этого станет лучше? И почему нельзя ловить и есть курицу, когда голоден? На эти вопросы отец не мог ему ответить: он другой жизни не знал.

В полный ступор вверг Рея один случай, свидетелем которого он стал. Посреди улицы две человеческие особи, предположительно самцы, били друг друга не только кулаками, но и вырванными из частокла палками. Нет, в самой драке ничего странного для волчонка не было. В стае самцы тоже часто выясняли отношения в силовом поединке. Но волки дрались до первой крови или до тех пор, пока один из них не признавал поражения. Это было нормальным: победителем может стать только один. В человеческой драке было столько жестокости, что даже волку стало страшно. Победитель бил соперника даже после того, как тот упал на землю и перестал шевелиться.

Второй раз Рею захотелось бежать от людей после того, как толстая человеческая самка с упоением и злыми ругательствами начала избивать ремнем своего ребенка. Те слова Рей не смог повторить даже про себя, не то что своему отцу. Ему было стыдно.

Ночь прервалась каким-то страшным нарастающим звуком. С неба сыпались металлические болванки и разрывались, выпуская огонь, на улицах, в домах, в собачьих будках. «Война!» – это слово металось в предрассветном тумане вместе с обезумевшими людьми. Кто-то успевал спрятаться в подвале, тела тех, кто не успел, медленно проявлялись лучами просыпающегося солнца.

х х х

Переполюх в волчьей стае учинило появление незнакомца. Только через несколько минут все узнали в неразговорчивом и серьезном волке недавнего

подростка Рея. На вопрос, почему он не остался среди людей, Рей произнес только одно:

– Они убивают себе подобных.

Осторожно, злые гуси

Владимир Печников

Помню ту весну... Ага... Налетела тогда, забурлила! Принесла с собой не только тепло и нежность ласкового солнышка, красоту весеннего природного разнообразия, но и хлопоты с заботами. Навалилось, завертелось, закружилось!

А коты что вытворяли! Ходили они напыщенные и важные, осторожно через ручейки переступая, переживая за свои белые тапочки. И одновременно все с ума сошли! Котяры точно обнаглели до неприличия, дай им только на сухую поверхность выйти: по крышам носились, будто угорелые, скакали до безумия и орала до невозможности! А воробьи бестолковые: в лужах барахтались, чирикавая на весь белый свет, без соблюдения правил уличного движения, по головам прыгали, мешая сосредоточиться! Не успевал отмахиваться, пока не оказался около места проживания Ивана Антоновича.

На заборе возле калитки, рядом с вывеской, где было обозначено название улицы и номер дома, висела табличка «Осторожно, злые гуси». Вот ведь как. Не собака большая и гавкучая, а именно, что гуси. А ведь всё началось с того, что кто-то из соседей зашёл однажды во двор без ведома хозяев дома, и сам был совершенно не рад такому событию. Подошли два здоровенных гусака не домашней, но дикой породы, словно явились молча – ниоткуда, и давай гоготать до самых облаков, устраивая гусиную вредную экзекуцию с непомерным шипением и щипанием через самые толстенные штаны на свете. А синяки? Коснуться до них даже вредно и невыносимо больно.

Иван Антонович – мужчина пенсионного возраста, охотник и рыбак, местный любитель природы. Он с серьёзными намерениями подал мне руку для приветствия и, прикурив сигарету, присел на скамеечку, стоящую рядом.

– Иван Антонович, как же ты их поймать-то умудрился? – спросил я опасливо, но с великим любопытством поглядывая на загородку.

– Гусей? – отреагировал хозяин сего дома и тут же выдал от всей своей охотничьей души...

В Чихурцине дело было... Малыми поутру пымал. Раненько гуска выпасала свой выводок на асфальте – к речке сопровождала, штук четырнадцать, наверное, вела, прям по дорозце. Ведь она промеж сосен до лагеря, а там к воде... По тормозам, мать их в дивизию, как дал, выскакиваю и ловить скорейше, хватать по одному... А они-и-и... Оруть благим матом, словно недруги какие! Похлещше, чем я, буде. Гуска так недобро, дюже по злему глянула, ишло на том свете припомнит, пернатая. А гусак-то! Здоровучий! Крылья настроил огромные и распырешил в полном размахе. Одумался

вовремя я, схватил только шесть штук, ещё сам не зная для чего. Азарт охотничий, Володя, чуешь, проснулся, лишая последних чувств перед неоперёнными созданиями. Загребастал, как тот мальчонка, шесть дитёнышей гусячьих и в машину их пхнул под коробок.

Припёр до хаты, а сам думаю: «Что же сотворил, дурак старый? Как с ними обходиться теперича и какую обузу сам себе приготовил?» Они ж, пернатые, жрать хотят, такие же живые, как и мы. Сыплю всяку дрянь, порошу им... И того, и того, а они не берут, противятся. Я и так, и эдак с комбикормом вместе... Пишшат, спасу нету никакого! А потом думаю: «Они ж травину сами не рвали... Мамаша в клюве принесёт, вот они и хавают, прямо из рта.» Тогда и я... Наберу в рот порошу, да одуванчиков всяких, и подставляю каждого из их к морде новой мамки. Смотрю, начали по чуть-чуть исти... Один, другой, пятый... Так и выкормил всех до розу, вот оно что.

Росли гусятки, покудова сами не поздоровели до нужных килограммов. Смотрю – разлетаться намылились! Я им по-началу крылья отрезал не поперек, а вдоль – промеж перьев. Чтобы и красиво, и чтоб не улетали далеченько, а они бигти в разные стороны удумали. Тогда я схватил монок гусячий и в него крякаю. Хорошо, что на ум пришло. «Чап, чап, чап» – слушаю, по двору на асфальте разносится... Идут родимые, все в сборе так и оказались. Стал выпускать их, они сами на речку ходють, а на манок сбегаются, когда мне требуется. Бровашов с Песковым из «В мире животных» приезжали, из фоторужа фотографировали, и их потом в охотничьем журнале напечатали.

Дело к осени... Переправу оторвало в Богучаре. Поздно возвратились. Кто ж знал, что лиса у речки объявится? Вот она и давай их с пустыря шугать, видно одного и ухватила гусака. Я в манок... – пришли пятеро. А ишо сосед удобрения рассыпал, а его дождём в лужи намыло. Вот ещё одна незадача, три гуски крякнули совсим, напившись отравленной воды из лужи. Остались два гусака, оклемались вить. Им шестой год будет. Пробовал к домашней птице подпускать, а они на домашних ноль эмоции, словно на буржуазию. Убивать-то жалко, Володя. Та они и так пользу оказывают. Сезон охоты настанёт, и у меня охота просыпается. Делаю профиля из фанеры и их на антапки в поле привязываю, в смысле гусаков энтих, вот и выступают они в качестве приманки для пролетающих собратьев. Когда косяк проходит, то самых первых не трогаю, а не то другим товарищам оне расскажут. То-то же...

Я те, Володя, такочки сгугарю, что гуси самые что ни на есть умнейшее создание среди другой прочей птицы. И переговариваются промеж собой, словно люди, сам видал и слухал. Одна беда: хозяйка чрез двор, так и норвят её за ляху ухватить. А щипають... Что иной раз до крови и никак иначе. Меня, как на духу... через брючину, а под ей поддевка ишо була. Это мы, родные,

так страдаемо по изуверскому, а если кто чужой нагрнет, караул, святые угодники кричи – не поможет. «Гав, гав, гав!» – оруть, будто самые злостные собаки на всем биле свете. Кидаются на всё, что шевелится.

Сделал вольер я им высоченький, так смотрю: один намылился, представляешь, словно самолёт ахмириканский с палубы авианосца – вертикальным взлётом и через сетку. Сделает пару кругов, а я в манок и кричу: «Кеша, Кеша!»! Моментально опускается и ко мне – за ногу скорее ущипнуть норовит. Я за клюв рукой, а он крылья расщеперит и давай ими по голове моей биться. Оттолкну, пинка дам, а он, упрямое создание, так и глядит, чтоб мои причандалы отхватить, собака!

Обох Кешами кличу. Как услышат имя, тут же гогочут на округу, соседей с коек подымая почём зря. Пусть живут, пока у самого здоровье позволяет. У меня и уток стая диких, я их перед охотой по тысячи рублей за штуку продаю, Охотники на подсаку приобретают с удовольствием, особенно москвичи, что развлечься на Дон приезжают.

Закончилась на том наша встреча с Иваном Антоновичем. Иду до дому, размышляю: «Какие люди интересные живут совсем рядом, а мне как всегда не хватает времени с ними пообщаться, посмотреть на быт и уклад. Ведь только в деревне ещё сохранилось столько всего удивительно важного и родного для простого человека, увязшего в городские кварталы со своей потребительской суетой. Ведь только здесь в деревне ещё можно встретить совсем равнодушное лицо, живое и милое твоему отзывчивому сердцу, искреннюю доброту и подлинную душевную человечность, не закрытые на замки и засовы, придуманной современной отгороженностью мыслей и дум».

Уже подошёл почти к своим ярам, а удивительное весеннее солнце очаровательным закатом – переливами на плёнке и сотовом поликарбонате моих тепличных строений. Но, вот они... Гуси объявились в безветренном небе. Прёт косяк белолобов... Совсем рядом с косяком отдельные пары видятся. Гуменники – это самые крупные гуси, по пять килограмм, тяжеловесы ещё те, в неволе и до семи килограмм вырастают. Летят исключительно парами, вот ведь природа придумщица, как определила, вроде и те, и те гуси, но летят по-разному, чтобы все удивлялись их особой породности и отличным происхождением. От косяка метнулся разведчик вниз к теплицам, да загагакал на гусином языке своим родственникам так, что те немедленно стали круги над плёнкой нарезать, ведь видится она им водным пространством, не иначе.

С каждым кругом ниже и ниже... Бац... Дошло до голов пернатых, что не туда попали. Полетели дальше... Эх, думаю, небось разведчику достанется от

главаря ихнего, когда пристанище себе найдут. Гляжу: за леском в яру опустились. Там вода с зимы стоит, вот и пристроились на ночлег. Не долго думая, беру ружье двустволку и четыре патрона, почти ползком по ветру к ним подкрадываюсь. Охотники сказывали, что таким вот образом, с четырьмя патронами, дуплетом и скорой перезарядкой, восемь гусей умудрялись шлёпнуть, и пяток подранить, по целому стаду стреляя. Подползаю из-за выступа, вот они... Отдых ночной устроили. Минут пять наслаждался видами гусячьими. Засмотрелся и очаровался так, что даже про ружьё забыл своё, охотничек.

«Ну, их, в баню», – думаю... Во дворе с десятков уток ходят, и индюки ещё есть. Пусть отдыхают... Завтра им снова в путь, не одну ещё тысячу километров порхать в облаках.

Осторожно, боясь лишний раз потревожить пернатых гостей, пошёл я восвояси – уравновешенный, спокойный и довольный за новый день, добрый ваш рассказчик.

Земля – Орион – Минтака. Кроссворд (55-словники)

Ось

Виктория Соловьёва

Если всмотреться в себя, в самую глубину – станет больно, лучше смотреть вверх. Дождь падает вниз. Дышишь глубоко, забываешь обо всём. Чувствуешь ось, которая не даёт отклониться. Небо меняется быстрее, чем успеваешь подумать об этом. Небесная каракульча... Не молчи, расскажи небу про всю земную несправедливость, чтобы оно никогда не мечтало упасть, как упала ты. Ну же...

Полёт

Ирина Архипова

С первым ударом курантов она стремительно полетела вверх. Она выше всех! Сидящие за столом люди радовались, весело искрилось шампанское, но только ей достался полёт и полнота ощущений! Но что это? Она вдруг стала быстро опускаться вниз. Часы ещё не успели пробить полночь, а пробка, пролетев свой короткий путь славы, никому не нужная, валялась на полу.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ»

Дед Мороз – зимний вариант Старика Хоттабыча.
Ольга Клен

Ёлка – исхудавший кактус.
Римма Щемерова

Снегурочка – легко оттаивающая девушка.
Марина Старчевская

Снегурочка – снежная баба изящных размеров.
Виктория Соловьёва

Сурок – музыкальное направление, разновидность рока.
Римма Щемерова

261

Ёлка – ботанический ёжик.
Марина Старчевская

** победители в авторском зачёте*

Марина Старчевская

Снегурочка – легко оттаивающая девушка.

Ёлка – ботанический ёжик.

Сурок – тот, что всегда с Бетховеном.

Дед Мороз – сезонный рассыльный, подрабатывающий аниматором.

Белка – до неё можно и допитья.

Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр «Счастье по-зимнему...»

Счастье повсюду
Виктор Казимиров

Первый долгий снегопад изменил нашу округу до неузнаваемости. Из-за этой красоты пришлось отменить утреннюю пробежку в ближайший лес. Но после полудня, когда выглянуло солнце, я все-таки решил пройтись на лыжах до опушки, чтобы проветриться, а заодно птички кормушки проверить.

Уже не первый год на период с декабря по март я вывешиваю три домика, чтобы поддержать зимующих пернатых. Когда-то орнитология была моим любимым хобби. Держал много разных мелких птиц, не раз участвовал в выставках, поэтому этих пичуг знаю не понаслышке.

В побелевшем лесу было очень тихо. Отяжелевшие от снега деревья стояли, словно в полудреме. Вокруг ни следа.

В кормушках только снег. Обычно, я приношу зерновую смесь и кусочки свежего сала в сетчатых мешочках. Разложил корм и, отойдя в сторону, дунул несколько раз в специальную дудочку.

Раньше всех прилетела небольшая стайка снегирей – четыре розовогрудых самца и три сереньких самки.

Птицы одного вида только на первый взгляд похожи. На самом деле, у всех есть свои отличия. Вскоре я заметил, что один из самцов периодически летает к ближайшей густой ели. Прячется в ветвях, а спустя несколько секунд снова возвращается к кормушке.

«Видно, зерно кому-то носит, – решил я. – Но не птенцам же...»

Я осторожно подъехал к этой ели с обратной стороны и затаился. Оказалось, самец кормил свою подружку. Нахохлившись, она сидела на еловой ветке. Её правое крыло заметно свисало. Значит, либо перелом, либо вывих. Было понятно, что без посторонней помощи птичка обречена.

Поймал очень быстро. Пытаясь взлететь, бедная самочка с жалобным писком упала в мягкий снег.

Дома первым делом определил, что крыло вывихнуто, а не сломано. Это обрадовало. Раньше я не раз вправлял вывихи своим подопечным. Напуганные домашним котом, птицы сильно бились о клетку, что иногда приводило к вывихам и даже переломам крыльев.

Пару дней самочка жила в большой попугайной клетке. На день я выносил ее в беседку, а на ночь ставил на веранду. А через неделю, утром, заметил, что на рябине в дальнем углу сада виднеется стайка снегирей. В бинокль определил, что это мои старые знакомые. Самец с белыми пятнышками на левом крыле в это время сидел на клетке и просовывал через прутья своей подруге семена рябины. Та корм не брала, но активно искала выход из своего заточения. Крыло уже не свисало, поэтому я решил выпустить самочку на волю. Вся стайка сразу же улетела в сторону леса.

Назавтра, когда я вновь был у кормушек, все восемь птичек уже ждала меня на ближайшем дереве. Весело, хотя и низким флейтовым голосом, меня приветствовали самцы. А знакомая самочка, после нескольких несмелых подлетов, села мне на ладонь, в которой я держал зерно. Вот в этот момент я и ощутил настоящую радость, даже, можно сказать, счастье.

Мы всю жизнь стремимся к счастью, ищем его где-то, а оно повсюду и во всём. Вот в этом старом бору, в этом живительном морозном воздухе, в этих благодарных птицах, и вообще, во всей этой жизни, которую нам велено прожить. И не нужно далеко ходить или ездить.

Новогоднее чудо
Туранга

Сергей не был безответственным водителем, и перед выходом в рейс заправил бак по самое горлышко, но никак не мог предвидеть обильного снегопада, сугробы на дорогах и вынужденный простой – из-за необходимости менять пробитое колесо. Мотор, естественно, не глушил, да и печку не выключал – мело так, что слепило глаза и перехватывало дыхание.

Кое-как справился, и только вздохнул с облегчением, как на тебе – застрял в очередном сугробе, да ещё занесло его так, что поперёк дороги встал. Попробовал раскатать машину, но только время потратил и топливо пожёг. Вздохнул, и вылез с лопатой. Помахал, согрелся, но ситуацию это ничуть не изменило – ветер, как будто издеваясь, вместо одной пригоршни снега, бросал под колёса две. Через полчаса бесплодной работы плюнул и забрался в тёплую кабину.

Закрыл глаза и провалился в приятную дремоту. Успел только подумать:

– Господи, неужели я домой не успею на Новый год? Меня же дети ждут!

264

Очнулся от стука в боковое стекло.

– Эй, мужик! Застрял, что ли? Помощь нужна?

Сергей с трудом разлепил глаза, с усилием протёр их непослушными пальцами – кабина заметно остыла. Запоздало испугался – так ведь и замёрзнуть недолго!

Метель стихла, а прямо перед его машиной на встречной полосе стоял неприметный пикап.

– Я спрашиваю, помощь нужна? – повторил свой вопрос водитель.

– Топливо закончилось. Помогите, друг! – обрадовался Сергей, выскакивая из кабины.

Незнакомый водитель молча открыл багажник своей машины и достал две двадцатилитровые канистры с бензином. Помог Сергею заправить его машину, досадливо отмахнувшись от вопроса – сколько он ему должен?

– Езжай домой, ещё успеешь до Нового года – тебя там жена с детьми жаждалась. И показал рукой.

Сергей невольно поглядел в ту сторону, куда он показал – и как он только узнал, в какую сторону ему ехать? – и ещё больше удивился, не увидев ни мужика, ни пикапа. Зато возле обочины разглядел столбик – с венком на нём и двумя табличками. Подошёл, смахнул снег рукавицей, всмотрелся:

Солодовников Сергей Петрович, годы жизни – 28.02.1985 – 31.12.2021.

Солодовников Игорь Сергеевич, годы жизни – 11.12.2016 – 31.12.2021.

И фотография – того самого мужика, который с ним топливом поделился. Сергей невольно поёжился, достал из кармана пачку сигарет, положил возле столбика, потом сбегал к машине и принёс один из новогодних подарков, который вёз в гостинец детям.

Совсем скоро на нём со счастливым визгом повисли сын с дочкой, а из кухни улыбалась жена. Дети замерли в ожидании – что им папа привёз? Сергей вынул из рюкзака подарок и отдал его пятилетней Ксюше.

– Только один? – разочарованно выдохнул семилетний Игорь.

– Знаешь, Игорёк, я вёз подарок и тебе, но в пути у меня закончилось топливо, и я начал замерзать. И замёрз бы, если бы меня не спас проезжавший мимо водитель. С ним был пятилетний сынишка, тоже Игорь, и я отдал ему твой подарок. Я подумал, что ты не обидишься, так ведь?

Игорь вздохнул по-взрослому и ответил:

– Нет, папа, пусть у него тоже будет счастливый Новый год!

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Второй конкурс рассказов

Баю-баюшки-баю

Александр Сороковик

«Баю-баюшки-баю, не ложися на краю!»

Древняя, уютная колыбельная казалась совсем близкой, живущей прямо в его комнате.

«Придёт серенький волчок, и утащит за бочок!»

Ма-аленький такой волчок, серенький, добрый. Возьмёт за бочок ласково, осторожно, унесёт в хвойный лес, где прямые, как мачты бригадин, стволы поднимаются в небо. Где нет кустов и зарослей, и поэтому солнышко прошивает сосновый бор золотыми нитями насквозь. Где под ногами песок, перемешанный с рыжей, отжившей свой век хвоей.

Осенью под ней прячутся маслята. Витя с волчком наиграются, набегаются, накувыркаются, а потом наберут их целую корзину и отнесут Витиной бабушке, чтоб пожарила.

А сестрёнка очень боится, что волчок её унесёт. По её требованию бабушка поёт «... и укусит за бочок». Глупая девчонка! Во-первых, укус больнее, а во-вторых, зачем волчку кусаться?

266

Но волчок всё не приходил. На Новый год Витя просил у Деда Мороза только одного – пусть придёт серенький волчок! Но ему дарили книжки, машинки, пистолеты. Хотел попросить родителей позвать волчка на День рождения, но в последний момент постеснялся, и получил железную дорогу, которую благополучно сломали обычные гости – мальчишки со двора.

Снова и снова Витя Замятин писал письма Деду Морозу, прятал их от взрослых, но однажды мальчик стал большим, и понял, что волшебного старика больше не существует, или он приходит теперь к другим детям, не ставшим ещё большими.

И переход из декабря в январь перестал быть волшебным ожиданием чуда, точнее, волшебство оставалось, но стало ожидаемым. Ожидались оранжевые дивные мандарины с одуряющим запахом. Они всегда были именно волшебными новогодними атрибутами, и никак не верилось, что такое чудо может расти на деревьях, как какие-то обыденные яблоки.

Но однажды папа в декабре ездил в командировку в Сухум, и привёз оттуда совсем другие мандарины – яркие, слепяще-оранжевые, с хвостиками веточек и длинными, острыми, зелёными листьями. Витя раскладывал их на столе, любовался, не решаясь просто взять и съесть.

Эх, если бы волчок всё-таки пришёл к нему! Как бы он удивлялся необычным плодам, наклонял голову вбок, по-собачьи, обнюхивал и фыркал от яркого запаха.

А ещё ожидалась ёлка, вернее, сосна. Её ставили заранее, чтоб «отстоялась», пришла в себя, как говорила бабушка. Комната наполнялась хвойным ароматом, и смешиваясь с мандаринным духом, они создавали невероятно-волшебную симфонию.

Потом доставались ёлочные игрушки. Какими же разнообразными и чудесными они были! Избушка на курьих ножках, сова, кошка, собака, птички. А ещё – фигурки мальчиков и девочек в костюмах народов СССР. Они не подвешивались на нитках, а прицеплялись специальными щипчиками, и словно стояли на ветках. А чудесная гирлянда...

Стоп, минуточку... Старая фанерная коробка с игрушками, где она? Когда разменивали квартиру, кто её забрал? Так он же и забрал, никому больше оно не надо. Вернее, жена забрала, она тогда ещё жива была.

А его взрослым, солидным детям это не нужно. У них ёлки искусственные, игрушки современные. Они на Новый год в Таиланд ездят, к морю, к пальмам, к макакам. И про серенького волчка забыли, а внуки и не знают, кто это...

267

Виктор Михайлович, кряхтя, встал со стула. Хорошо, что у него не антресоль, а кладовка, на стремянку влезать не надо. Четыре полки, заваленные хламом, который нести тяжело, а выкинуть жалко. Когда он последний раз сюда забирался, и не припомнить... Конечно, коробка нашлась на последней, самой верхней полке, в дальнем углу.

Присел отдохнуть, перевести дух. Эх, старость – не радость!

Так, что там у нас? Слой пыли, фанерная крышка, пожелтевшая газета «Знамя коммунизма» – была в то время такая. И вот они, сокровища! Немного побитые, выцветшие игрушки словно сощурились от яркого света – как давно их не вынимали! Вот дети в национальных костюмах, грустный кот в шарфике и шапке, часы, домик, стеклянные бусы.

А вот и знаменитая гирлянда с лампочками в виде дирижабля, уличного фонаря, машинки, избушки, собаки. Замятин вспомнил, что лампочки нельзя было заменить, когда одна перегорала, «умирала» вся гирлянда. Его отец что-то мудровал, пересоединял, и она вновь зажигалась, но уже без выбывшей из строя лампочки. А как оно сейчас?

Он хотел уже включить гирлянду в розетку, но вовремя вспомнил, что нужен понижающий трансформатор 220/127. Да где ж его в наше время взять? Ладно, пусть просто повисят на ёлке, и так всё хорошо.

Ёлка! Ведь нет у него никакой ёлки! Уже сколько лет он подбирает на распродажах пару веточек, ставит их в вазу, больше для запаха, вешает несколько невыброшенных в своё время игрушек, ленточку мишуры-канители. Но сейчас нужно хоть маленькое, но деревце. Это дело поправимое, нынче дефицита с ёлками нет – выбирай любую, только плати!

Он и заплатил небритому, тощему коробейнику с отрогов южных гор, выбрал маленькую ёлочку на подставке и понёс домой. Появилось даже некое подобие новогоднего настроения, чего с ним не случалось уже давно. Аж замурлыкалась какая-то песенка в голове. Виктор Михайлович прислушался и сконфуженно улыбнулся. Вместо «В лесу родилась ёлочка» опять влез серенький волчок, завёл своё баюканье. «Только и можешь, что где-то вдалеке петь, а прийти не судьба? Столько лет лишь обещаешь, а не приходишь!» – попенял ему Замятин.

Деревце прекрасно устроилось на журнальном столике и стало ждать украшений. Однако пришлось это ожидание отложить – раздался звонок в дверь.

– Виктор Михайлович, голубчик, выручайте! – Соседка Лариса, молодая, симпатичная, но немного замотанная жизнью одинокая мама, смотрела на него просительно, теребила пуговицу на шерстяной кофточке, другой рукой приобнимая маленькую девочку. – Опять меня на работу дёргают, ничего не успеваю, ни купить, ни приготовить. Тридцать первое декабря, а они всё никак не угомонятся!

– Да конечно, Ларисочка, посижу с Вичкой, с большим удовольствием, чай, не впервой!

– Ой, спасибо вам огромное, я постараюсь быстро вернуться!

– Ничего, ничего, не переживайте, мы с Викулей отлично проведём время. А вы гостей ждёте?

– Да, – почему-то смутилась Лариса, – ждём, к одиннадцати. Я и так не успеваю, а начальство ничего слышать не хочет. Ну, я побежала тогда? Вичечка, ты останешься с Виктором Михайловичем, слушайся его, я скоро приду!

– Иди уж, работай, что с тобой поделаешь! Мы с дедушкой Витей без тебя от тоски не погрём! – шестилетняя Вика гордо вскинула подбородок, и уверенно зашагала в хорошо знакомую квартиру.

– Ну что, соседка, сможешь мне ёлочку украсить, а то я не успел ещё?

– Да помогу конечно, куда ж вы без меня денетесь. Я маме говорила – купи продукты заранее, я приготовлю, пока ты будешь на работе. А она – «Нет, ты маленькая, я сама сделаю!» Вот теперь и сама. Дядя Игорь придёт, а у нас только бутерброды – две штуки. И те с позавчерашней колбасой.

– Ладно, не переживай, придумаем что-нибудь, – он вовремя вспомнил, что у него холодильник забит продуктами – своеобразный откуп вечно занятых детей. Хотел спросить, кто такой дядя Игорь, но девочка увидела коробку со старинными игрушками.

– Вау, какие прикольные! И гирлянда супер, где взяли?

– Это из моего детства, когда я был таким, как ты.

– А-а, понятно, – малышка закивала, но было видно, что ей очень трудно представить дедушку Витю в роли маленького мальчика.

Вика ловко распределила лампочки на зелёных ветках и требовательно повернулась к нему:

– Дедушка Витя, включай!

– Не могу, – развёл руками Замятин, – она... ну, сломана, не работает.

– Ну вот, что же это за ёлочка без гирлянды!

– Ничего, я привык. А у тебя с гирляндой?

– У-у, ещё с какой! У нас старая, совсем никакая была, а в этом году дядя Игорь подарил – новую, красивую! Пошли к нам, посмотрим!

– Ну нет, давай сначала игрушки повесим, а потом, может быть, к вам.

«В принципе, смысла нет спрашивать про дядю Игоря, и так всё понятно. Дай Бог, чтобы не просто к девочкам прилеплялся, а по-серьёзному», – подумал Виктор.

Остальные игрушки были внимательно осмотрены Викой, одобрены и развешаны на зелёных ветках. Старый да малый быстро покончили с украшением елки, и перешли на кухню.

– Ты поесть не хочешь?

– Ну так, чуть-чуть, – малышка показала большим и указательным пальчиком малую порцию, – а что у тебя есть?

– У меня много чего есть! – он принялся доставать из холодильника снесь – нарезки сырокопчёной колбасы и сыра, баночки с икрой, печенью трески, какие-то салаты, полуфабрикаты.

Вика, вытаращив глазёнки, разглядывала лакомства, явно нечасто ей достававшиеся. Виктор Михайлович быстренько надорвал вакуумную упаковку, соорудил несколько бутербродов, нашёл пакеты с соком, налил в стакан.

– Это тебе не позавчерашняя колбаса, – он радостно улыбнулся, глядя, как девочка наминает деликатесы за обе щеки, – тут меня Дед Мороз со Снегуркой порадовали. Они в Таиланд уехали, а мне вот завезли кучу всего. А я едок такой, еле-еле... Давай теперь, бери сок, и к телевизору. Вот тебе пульт, найди какие-нибудь мульты, а я сейчас конфет принесу.

Вика быстро отыскала «Смешариков», и вскоре комната наполнилась её хохотом и радостным визгом. Фантики от конфет летели на пол, сок лился

мимо стакана на поверхность стола, печенье рассыпалось крошками по креслу, но Замятин только улыбался, и ходил на кухню за новыми сладостями.

В очередной раз, зайдя в комнату, он обнаружил мирно посапывающую Вику, уютно свернувшуюся в клубочек на своём кресле. Убрал звук, вытер влажной салфеткой её испачканные соком и шоколадом пальцы, губы и щёки, перенёс девочку на диван, укрыл пледом.

Вернулся на кухню, устало опустился на стул. Потёр левую сторону груди ладонью, скривился – болит, зараза! Он и раньше, бывало, оставался с Викторией, выручая Ларису, но никогда так не уставал.

Затрещал мобильник, послышался Ларискин запыхавшийся голос:

– Ой, Виктор Михайлович, простите, ради Бога, нас только отпустили, как вы там?

– Всё нормально, мы у меня тут ёлочку нарядили, перекусили, мультики посмотрели, Викуля спит сейчас на диване.

– Я бегу, бегу уже, ох, надо ещё купить того-сего, всё закрывается, а в супермаркетах очереди... А у меня не готово ничего, – молодая женщина чуть не плакала.

– Значит так, Лариска. Слушай меня внимательно, и выполняй! Никуда не ходи, ничего не покупай, лети прямо домой. Шампанское-то есть у тебя?

– Да, есть. Игорь... ну, в общем, гости принесут...

– Вот и ладно. А едой мы вас обеспечим, нам тут Дед Мороз кой-чего подкинул!

– Как это? Я не знаю...

– Зато я знаю. В общем, отставить разговорчики! У нас и так время на исходе. А тебе ещё надо отдохнуть, да пёрышки почистить. Давай, не загружайся, я тебя жду. Только в дверь не звони, набери на телефон, когда придёшь, я открою.

Он вышел на кухню, распахнул холодильник, стал выгребать всё подряд, складывать в пакеты. Сверху аккуратно положил два мандарина с острыми зелёными листьями. Кружилась голова, ныло слева в груди, во рту появилась противная сухость.

«Устал я сегодня. Сильно устал...»

Вот наконец и Лариса. Она хотела что-то сказать, оправдаться за опоздание, но он не дал ей этого сделать. Молча повёл на кухню, сунул в руки пакеты.

– Тут есть всё, что нужно. И не спорь со мной, мне дети навезли, а я ем как птичка, по чуть-чуть, куда мне столько, пропадёт добро. Иди, относись к себе, и за Викторией возвращайся.

– Вы себе хоть оставили? – растерянно спросила Лариса.

– Оставил, оставил, не переживай, – он почти вытолкнул девушку из квартиры.

Она вернулась через несколько минут, взяла сонную дочурку на руки, понесла к выходу. Обернулась в дверях:

– Спасибо вам огромное за всё! И с наступающим!

– И тебя с наступающим, и Вичку. Пусть всё у вас будет хорошо!

Он проводил девочек, закрыл дверь. Добрёл до дивана, со стоном опустился на него. Как колет в груди! Устал, очень устал. Надо прилечь, отдохнуть. Да, и лекарство выпить. Он хотел нашарить на тумбочке таблетки, но не смог повернуться – боль прихватила.

«Надо просто полежать, отдохнуть, пройдёт постепенно, так уже бывало». Вытянулся на диване, прикрыл глаза. Опять зазвучала знакомая мелодия – простая, далёкая колыбельная. Вот так, хорошо, теперь можно и заснуть...

В бок ткнулось что-то влажное, мягкое. Виктор на удивление легко протянул руку, нащупал шерстяную тёплую голову с торчащими ушами. Удивлённо открыл глаза. Вот это да! Волчок! Серенький, добрый, уютный!

Вся комната была залита лунным светом – облака ушли, освободив небо. Серебристая дорожка протянулась прямо к его дивану, в её таинственном свете серая шерсть гостя сверкала звёздочками.

– Ну, наконец-то! – Замятин широко улыбнулся и сел на диване.

Все движения давались легко, его переполняла радость – всё-таки пришёл волчок, вот он, здесь! А серый вновь ткнулся в его бок, завилял хвостом, радостно выгибаясь, попятился к окну, словно приглашая за собой.

Виктор поднялся, двинулся следом. Волчок радостно бросился вперёд, легко вышел через закрытую раму, сделал несколько шагов по лунной дорожке, и снова обернулся к нему, предлагая тоже ступить на эту серебристую тропинку. И Замятин решительно шагнул через окно, оказался рядом с волчком. Они так и пошли рядышком, рассыпая из-под ног серебристые искры – седой старик с детской улыбкой на губах, и небольшой серый волчок, время от времени подпрыгивающий и тычущийся носом в его бок.

Город праздновал Новый год за накрытыми столами, поэтому седого старика и серого волчонка почти никто не видел. И никому кроме этих двоих не был слышен мягкий голос Витиной бабушки, напевавший древнюю, как мир, ласковую колыбельную песню:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю!
Придёт серенький волчок,
И утащит за бочок...

Вокруг них мягкими хлопьями кружился, падал снег, все были заняты праздничным застольем, и только одна маленькая девочка смотрела им вслед

из своего окна, улыбаясь и помахивая ладошкой. А другой рукой она прижимала к себе большой оранжевый мандарин на веточке с узкими зелёными листьями.

Оглавление

I. Планета X

Командная игра «Четыре грани»	
Месть. <i>Таёжник</i>	4
Ведро с окунями. <i>Юлия Лавданская</i>	7
Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря... <i>Таёжник</i>	9
«Предпоследний этаж раньше чувствует тьму...». <i>Бутманова Оксана</i>	12
Между затмениями. <i>Милана Секоненко</i>	15
Чумазая днюха. <i>Таёжник</i>	18

II. Планета ТАУКиТА

«Приз симпатий авторов Литгалактики». Проза

Не такая, как все. <i>Наталья Сафронова</i>	22
Лестница. <i>Артур Кулаков</i>	29
Специальный конкурс прозаических произведений (проект «ПАС»)	
Мама. <i>Наталья Сафронова</i>	50
Память. <i>Туранга</i>	54
Зеленая книга. <i>Marara</i>	57
Игра прозы «Бросаю вызов!»	
Диктатура совести. <i>Андрей Яковлев</i>	60
Тимофей. <i>Наталья Сафронова</i>	63
Строго научное волшебство. <i>Марина Юнг</i>	65
Музыка ветра. <i>Ольга Альтовская</i>	67
Швея. <i>Джон Маверик</i>	71
Работа над пунктуацией. <i>Таёжник</i>	74
Ночное происшествие. <i>Туранга</i>	76
Зимняя зарисовка. <i>D Grossteniente Okku</i>	79
Не пара. <i>Ольга Альтовская</i>	81
Растяпа с Лысой горы. <i>Марина Юнг</i>	84
Чудо. <i>Андрей Яковлев</i>	88
Чёрная полынь. <i>Николь Аверина</i>	90
Безмятежность. <i>Джон Маверик</i>	93
Когда взрослых не будет дома. <i>Ирина Архипова</i>	97
Петрушка. <i>Наталья Сафронова</i>	99
Шахматная партия. <i>Туранга</i>	101
Её зовут Тигра. <i>D Grossteniente Okku</i>	105
Обыкновенное происшествие. <i>Марго</i>	107

Мой маленький друг. <i>Джон Маверик</i>	109
Кики. <i>Джон Маверик</i>	112
Кто из нас лингвист? <i>D Grossteniente Okku</i>	114
Люба. <i>Леся Полищук</i>	115
Линда. <i>Туранга</i>	119
Камни. <i>Наталья Сафронова</i>	121
Ряба. <i>Туранга</i>	125
Прости меня, мама... <i>Туранга</i>	128
Эх, яблочко... <i>Николь Аверина</i>	132
Призраки. <i>Наталья Сафронова</i>	136

III. Планета путешествий

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Каменные джунгли»	
Смит & Смит. Тонкости жизни на диком западе. <i>GP</i>	141
Земля – Орион. Конкурс объявлений (условный 55-словник)	
*** («Я, молодая симпатичная...»). <i>Галина Пиастро</i>	144
*** («Ищу спутницу жизни...»). <i>Таёжник</i>	144
Ключи. <i>Виктория Соловьёва</i>	144
Выбор пути. Конкурс «История одного заблуждения»	
Миллионер. <i>Марина Старчевская</i>	145
Каноны красоты. <i>Ninzu</i>	147
Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей	
Звёздочка. <i>Николь Аверина</i>	149
Завтра. <i>Наталья Сафронова</i>	151
Дерево-пират. <i>Таёжник</i>	154
Зачем? <i>Наталья Сафронова</i>	156
Тихоня. <i>Марина Юнг</i>	159
Земля – Созвездие Эридан. Конкурсы мистических рассказов	
Не улетай! <i>Таёжник</i>	161
Удачливый. <i>Marita</i>	163
Гринька и худоба. <i>Marita</i>	167
Дежавю. <i>Marara</i>	174
Я люблю тебя! <i>Ольга Клен</i>	178
Земля – Созвездие Гончих Псов. Конкурсы фантастических рассказов	
Эффект Манделы. <i>Джон Маверик</i>	183
Отвращение. <i>Marita</i>	186
Слишком красиво. <i>Джон Маверик</i>	192
Куборг. <i>Marita</i>	196

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 2»	
Тётя Леда. <i>Marara</i>	202
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Двухфазный интерактивный конкурс афоризмов – 3	
Склероз – когда придумать проще, чем вспомнить. <i>Сергей Че</i>	204
Лавочка – фейсбук восьмидесятых. <i>Марина Юнг</i>	204
Цепь – кольцевая дорога для учёного кота. <i>Ирина Архипова</i>	204
Часы – конечный измеритель бесконечности. <i>Ирина Архипова</i>	204
Запятая – знак без права последнего слова. <i>Ирина Архипова</i>	204
Утро – время забыть количество пересчитанных овец. <i>Марго</i>	204
Колено – мерило морской глубины для пьяного. <i>Марго</i>	204
Ветер – свистун в карманах бедняка. <i>Марго</i>	204
Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о любви	
Она приходила! <i>Таёжник</i>	205
Студентка-практикантка. <i>Владимир Печников</i>	207
Звезда. <i>Наталья Сафронова</i>	213
Четвёртая первая любовь. <i>Владимир Печников</i>	217
Возможность. <i>Наталья Сафронова</i>	222
Земля – Орион – Минтака. Свидание (55-словники)	
Воз. <i>Сергей Че</i>	225
Улитки Футзи. <i>Виктория Соловьёва</i>	226
Земля – Созвездие Дракона. Конкурсы сказок и мифов	
Легенда народа Эмати. <i>Marara</i>	227
Волк для Красной Шапочки. <i>GP</i>	230
Голод Эриды. <i>Marita</i>	233
Земля – Созвездие Мухи. Третий конкурс абсурдизмов	
Книжный червь прогрыз сюжетную дыру. <i>Людмила Кац</i>	240
Буквоед подавился твердым знаком. <i>Людмила Кац</i>	240
Дурак, даже в квадрате – всё равно круглый. <i>АлеХ</i>	240
Самым популярным наступательным оружием года признаны грабли. <i>Марина Юнг</i>	240
Зебра – это лошадь, попавшая под жизнь. <i>АлеХ</i>	240
Чтобы вас не грызла совесть, бросьте ей чужую кость. <i>АлеХ</i>	240
Не надо путать свиноделие с виноделием! <i>Людмила Кац</i>	240
Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных	
Счастливой охоты. <i>Джон Маверик</i>	241
Появление Киса. <i>Marara</i>	247
Решение. <i>Ольга Клен</i>	253

Осторожно, злые гуси. <i>Владимир Печников</i>	256
Земля – Орион – Минтака. Кроссворд (55-словники)	
Ось. <i>Виктория Соловьёва</i>	260
Полёт. <i>Ирина Архипова</i>	260
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ»	
Дед Мороз – зимний вариант Старика Хоттабыча. <i>Ольга Клен</i>	261
Ёлка – исхудававший кактус. <i>Римма Щемерова</i>	261
Снегурочка – легко оттаивающая девушка. <i>Марина Старчевская</i>	261
Снегурочка – снежная баба изящных размеров. <i>Виктория Соловьёва</i>	261
Сурок – музыкальное направление, разновидность рока. <i>Римма Щемерова</i>	261
Ёлка – ботанический ёжик. <i>Марина Старчевская</i>	261
Сурок – тот, что всегда с Бетховеном. <i>Марина Старчевская</i>	261
Дед Мороз – сезонный рассыльный, подрабатывающий аниматором. <i>Марина Старчевская</i>	261
Белка – до неё можно и допить. <i>Марина Старчевская</i>	261
Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр «Счастье по-зимнему...»	
Счастье повсюду. <i>Виктор Казимиров</i>	262
Новогоднее чудо. <i>Туранга</i>	264
Земля – Созвездие Большой Медведицы. Второй конкурс рассказов	
Баю-баюшки-баю. <i>Александр Сороковик</i>	266
Оглавление	273

**Парад Планет
Победители
прозаических конкурсов**

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

Литгалактика

*Поэзия. Проза. Творчество.
Общение. Конкурсы. Игры.*

<http://litgalaktika.ru>

Литгалактика, 2023